ОБ
30
М82
Москва
ее
прошлом
и
настоящем
Выт 9
Б 9р
1

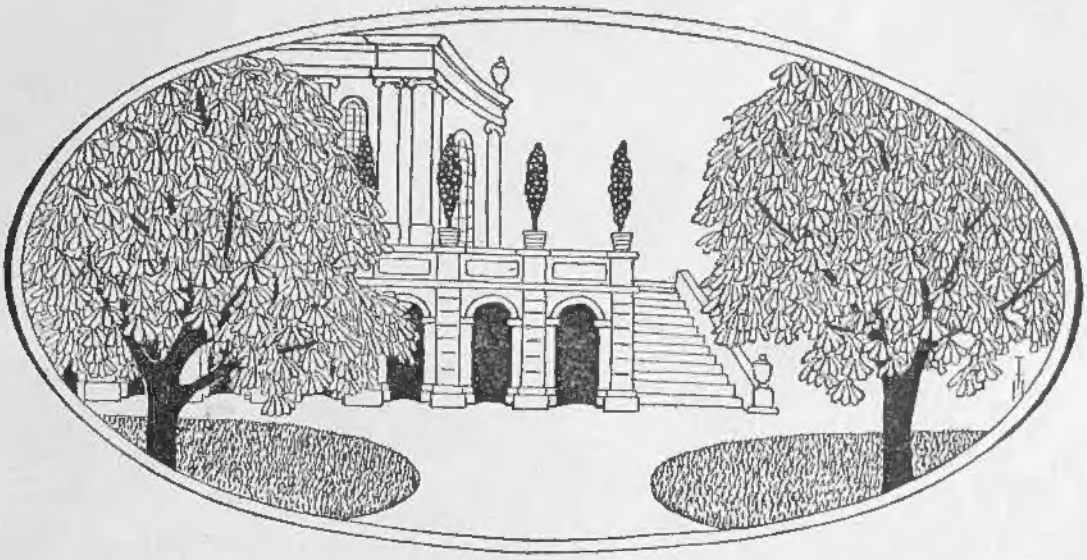
МОСКВА
в ея прошлом
и настоящем

56
30
М82
К62 01/21 с.ф.

[1911]

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

№ 20140
26 XI 1931 г.



Допожарная Москва и подмосковныя [1]).

Ю. И. Шамурина.

Исторія Москвы, даже и за послѣдніе два вѣка, богата моментами, когда тотъ или другой этапъ въ развитіи русской жизни получалъ наиболѣе яркое воплощеніе именно въ Москвѣ. Такъ было въ концѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху высшаго расцвѣта дворянской культуры. Въ Москвѣ широко разлилась привольная барская жизнь, не волнуемая никакими сомнѣніями, подводящая итоги всему, что создалъ XVIII-й вѣкъ въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и намѣчающая еще неясные контуры тѣхъ новыхъ побѣговъ, которые вырастаютъ въ XIX-мъ столѣтіи на развалинахъ барской культуры.

Русское барство не исчезло и послѣ 1812-го года, но уже не возродилась та цѣльность и типичность созданной имъ культуры, которую мы находимъ въ допожарной Москвѣ. Здѣсь отчетливо вырисовываются положительныя черты барства; проблески національнаго русскаго духа подъ европейской маской выступаютъ не менѣе убѣдительно, чѣмъ слабыя стороны дворянской культуры, объясняющія ея быстрый упадокъ и полную неспособность сохранить уже созданное. Русская историческая литература знала только два подхода къ изученію барства, его искусства, его литературы, его характернаго мышленія,—оба одинаково пристрастныхъ и тенденціозныхъ. Изслѣдователи соціальныхъ отношеній эпохи крѣпостничества, по самому характеру своихъ работъ, интересовались наиболѣе темной стороной дворянскаго быта. Приводимые ими факты звѣрства, безумныхъ насилій надъ беззащитными крѣпостными, ярко ха-

---

[1]) Настоящая статья Ю. И. Шамурина, затрагивая ту же эпоху и тотъ же вопросъ, что были предметомъ изслѣдованія С. А. Князькова и И. Е. Бондаренко (статьи помѣщены въ VIII-мъ выпускѣ настоящаго изданія), однако разсматриваетъ ихъ съ иной точки зрѣнія: Князьковъ—«Помѣщичью Россію» или, вѣрнѣе—«Московское барство» разсматриваетъ болѣе съ бытовой стороны, его больше интересуетъ укладъ барской жизни въ Москвѣ и подмосковныхъ; Бондаренко—въ своей статьѣ говоритъ о внѣшней Москвѣ и строителяхъ ея барскихъ помѣстій; Шамуринъ же подходитъ къ барству съ точки зрѣнія русской культуры, даже съ требованіемъ эстетическаго національнаго чувства. Онъ слѣдитъ наслоенія, иностранное вліяніе и смѣну эстетическихъ вкусовъ барства отъ пасторальнаго сентиментализма черезъ Empire и русскій готикъ къ строгому и часто тяжеловѣсному классицизму Николаевской эпохи. *Г. Б.*

рактеризующія соціальныя отношенія Россіи XVIII-го вѣка, мало интересны для изученія культуры.

Развѣ наше преклоненіе передъ безымянными созданіями египетскаго искусства слабѣетъ отъ того, что цементомъ, связующимъ камни пирамидъ, была кровь и слезы рабовъ? И развѣ будущій изслѣдователь современной науки и художественнаго творчества отвернется отъ нашихъ произведеній только потому, что буржуазная культура удобрена потомъ голодныхъ? Но вѣдь и барская культура конца XVIII-го вѣка съ ея высокимъ эстетическимъ уровнемъ, съ ея литературной образованностью, вызвавшей къ жизни первые ростки нашей литературы, воспитавшей Батюшкова, Пушкина и Лермонтова, не можетъ быть обойдена высокомѣрнымъ молчаніемъ только потому, что тѣ же соціальныя условія создали жуткій образъ Салтычихи...

За послѣдніе годы, преимущественно въ кругахъ близкихъ къ изученію русскаго искусства, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ тѣхъ неожиданныхъ открытій въ области художественнаго творчества XVIII-го вѣка, которыя воскресили для насъ забытыя имена Рокотова, Растрелли, Кваренги и многихъ другихъ, замѣчается особый интересъ къ барскому и помѣщичьему быту XVIII-го вѣка. Такой интересъ къ быту, т.-е. къ внѣшнимъ формамъ жизни, вполнѣ законенъ: искусство XVIII-го вѣка не было достояніемъ музеевъ и академій, какъ мы видимъ теперь, но неотдѣлимо входило въ жизнь, украшало и служило ей. Въ наше время люди умѣютъ жить въ красотѣ и жить безъ нея, но въ XVIII-мъ вѣкѣ этого не понимали, и всякое творчество было художественнымъ, всякая жизнь и всякое жилище украшались по мѣрѣ силъ и средствъ.

Больше того,—изслѣдователь русской культуры долженъ изучать бытъ, пытливо вглядываться въ него: въ концѣ XVIII-го вѣка всѣ проявленія культуры, всѣ научные и литературные интересы глубоко коренились въ потребностяхъ и особенностяхъ быта. Обезпеченное барство диллетантствовало въ наукѣ и поэзіи, но въ этомъ диллетантствѣ было много вкуса и мастерства, и изъ него рождалась русская литература. Въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія въ Москвѣ появляются свѣтскіе сочинители мадригаловъ и эпиграммъ, эпитафій и чувствительныхъ пѣсенокъ, и съ этой бытовой поэзіи начинаетъ Карамзинъ, начинали десятки забытыхъ теперь піонеровъ русской литературы. Такимъ же путемъ въ непосредственной связи съ потребностями быта рождался русскій театръ изъ курьезныхъ представленій диллетантскихъ крѣпостныхъ театровъ; такъ же клалось основаніе русской музыкальной культурѣ, — словомъ въ Москвѣ конца XVIII-го столѣтія зарождалось самобытное русское творчество, для начала—скромное, робкое и шутливое, не осмѣливающееся мечтать о конкуренціи съ привозными плодами Западной культуры, но въ результатѣ дающее зачатки всего, чѣмъ можетъ гордиться современная Россія.

Изслѣдователи дворянскаго быта, группирующіеся преимущественно вокругъ журнала «Старые Годы», не менѣе тенденціозны, чѣмъ помянутые изслѣдователи соціальныхъ отношеній. Они съуживаютъ красивую сложность интересной полосы русской культуры, представляя ее какъ сплош-

Моды XIX века.—Портретъ работы Боровиковскаго

ную цѣпь празднествъ, заботъ объ украшеніи своихъ помѣстій и о собираніи художественныхъ коллекцій, въ промежуткахъ между любовными мечтаніями, пышными пріемами и путешествіями...

Кромѣ того, ихъ лирическое отношеніе къ дворянскому быту, ихъ желаніе видѣть въ каждой его сторонѣ безконечную поэтичность, превращаетъ жизнь сложнаго и глубокаго вѣка въ какую-то розовую идиллію, какое-то золотое дѣтство, о которомъ можно только мечтать и умиляться. Подходя къ барской жизни конца XVIII-го вѣка безъ предвзятаго желанія видѣть въ ней одну поэзію, одну красоту или одно чудачество, нужно освободиться отъ одного историческаго предразсудка, прочно укорененнаго эстетическими воспѣвателями «красоты былого».

Та поэтичность разрушающагося «дворянскаго гнѣзда», элегическая нотка усталости и тихой покорности грубому року, которой полно творчество Тургенева, которая въ послѣдній разъ прозвучала въ «Вишневомъ саду» и нашептала Борисову-Мусатову его нѣжныя красочныя грезы, вся духовная сложность и обаятельный идеализмъ тургеневскихъ женщинъ, Рудина, Лаврецкаго, и даже та прелесть старыхъ парковъ и домовъ, которая очаровываетъ на каждомъ снимкѣ старой усадьбы,—совершенно неправильно связывается въ нашемъ представленіи съ помѣщичьимъ бытомъ конца XVIII-го вѣка. Въ то время въ усадьбахъ и московскихъ особнякахъ широко разливалась своеобразная, крикливая и шумная жизнь, полная курьезовъ и странныхъ противорѣчій, бродили въ умахъ, слабо отражаясь на жизни, новыя философскія идеи и литературныя настроенія, и мучительная тоска отъ неспособности идейно углубить и осмыслить жизнь увлекала лучшія сердца въ мистицизмъ и масонство; во внѣшнемъ же обликѣ жизни было много оригинальнаго, красочнаго, специфически московскаго и очень мало идиллическаго...

Вся эта элегическая поэтичность явилась значительно позднѣе, въ эпоху развала барства, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда въ утонченныя души носителей старой культуры ворвались новыя идеи, захватили властно и повлекли куда-то, куда уже не было силъ и смѣлости итти: отсюда грустная надорванность, отсюда милый налетъ угасанія и усталаго покоя.

Наконецъ, та красота, которую мы находимъ въ заросшемъ барскомъ паркѣ, въ старой запущенной усадьбѣ является въ результатѣ ея заброшенности и столѣтняго существованія и совершенно не можетъ считаться намѣреннымъ созданіемъ и аттрибутомъ стариннаго быта. И объективная цѣнность красивыхъ фантазій историческаго романтизма, воспринимающаго прошлое, усложненное цѣлымъ міромъ несвойственныхъ ему идей и настроеній,—очень незначительна...

II.

Классическимъ городомъ русскаго барства была Москва. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка всѣ представители дворянской аристократіи, не связанные съ Петербургомъ службой или придворными интересами, избираютъ Москву своей резиденціей. «Трудно представить себѣ число знати, находящейся въ Москвѣ, въ то время какъ въ Петербургѣ живутъ лишь

очень немногіе вельможи»...—замѣчаютъ французы-путешественники, посѣтившіе Москву около 1790-го года[1]). Богатые и знатные аристократы, не нуждавшіеся въ выслуживаніи или уставшіе отъ придворной сутолоки, рѣшительно предпочитали «отставную столицу». Здѣсь легче дышалось, больше было непринужденности и простора; здѣсь можно было барствовать, исполняя всѣ свои прихоти и слѣдуя привычкамъ, потому что не приходилось вѣчно оглядываться и подчиняться этикету.

Культурная миссія этихъ добродушныхъ и лѣнивыхъ сибаритовъ, мечтающихъ только о покоѣ да удовлетвореніи легкаго честолюбія, оказалась весьма значительной. Москва оживаетъ, обстраивается, украшается роскошными дворцами; вмѣстѣ съ устрицами и парижской мебелью привозятся книги и идеи; въ патріархальный укладъ московскаго быта врывается шумное веселье, музыка и роскошь; широкіе слои московскаго и окрестнаго дворянства знакомятся съ внѣшними формами и нервнымъ ритмомъ европейской жизни; благочестивая и сонливая Москва разбужена, восхищена и довѣрчиво перенимаетъ все новое и невиданное...

1780-е годы создаютъ новую Москву. Многочисленные вельможи, потерпѣвшіе крушеніе въ частыхъ смѣнахъ придворныхъ симпатій, обиженные, удаляются въ Москву и щеголяютъ другъ передъ другомъ щедростью и роскошью. Ихъ великолѣпные дворцы, картинныя галлереи, подмосковныя и величественныя празднества вызываютъ подражаніе въ средѣ богатаго купечества: Баташевы, Демидовы и Пашковы строятъ дома, не уступающіе куракинскимъ и шереметевскимъ. Для художественнаго творчества въ Москвѣ наступаетъ золотой вѣкъ. Лучшіе архитектора эпохи выбиваются изъ силъ, пытаясь удовлетворить обуявшей всѣхъ маніи строительства. Иностранцевъ и вольныхъ мастеровъ не хватаетъ, отдаются въ ученье крѣпостныя ребята, и изъ нихъ торопливо вырабатываются живописцы, рѣзчики, мебельщики и т. д. Общественная жизнь оживляется, но ея пустота и праздное бездѣйствіе засвидѣтельствованы многими современниками. «Москва представляла картину движенія, оживленія и развлеченій, выражавшихся всякаго рода собраніями и праздниками. Общество искало только разсѣянія, будучи не занято ни политикой, ни какимъ-либо серьезнымъ дѣломъ»...—говоритъ А. П. Бутеневъ[2]).

Вельможи, блиставшіе когда-то при дворѣ Екатерины, доживали свой вѣкъ въ Москвѣ. Импонирующіе своими прошлыми заслугами, сказочными состояніями,—величественные, какъ львы, они составляли высшій слой московскаго общества. Орловы, Разумовскіе, Куракины, Безбородко, Шереметевъ и многіе другіе вели себя въ Москвѣ какъ просвѣщенные и добродушные вассалы: полные сознанія своего аристократическаго превосходства и государственныхъ заслугъ, но въ то же время барски снисходительные, щедрые и популярные, они подчеркивали свое величіе и независимость и красными каблуками, вывезеннымъ изъ дореволюціонной Франціи символомъ знатности,—и пышными выѣздами, и старомодными Екатерининскими камзолами.

[1]) «Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe».
[2]) «Русскій Архивъ», 1881 г.

Московскія моды начала XIX вѣка. Съ масляного портрета.

Хотя эти вельможи въ большинствѣ своемъ не старались и не могли блеснуть образованностью, но въ области внѣшней культуры и быта законодателями вкуса были они. Очень характерной чертой общественной жизни Москвы конца XVIII-го вѣка являлось постоянное стремленіе вельможъ импонировать общественному мнѣнію всевозможными причудами и странностями, заставлявшими долго говорить о себѣ, но не вызывавшими ни у кого, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сатирически настроенныхъ умовъ, насмѣшки или осужденія.

Это курьезное чванство проявлялось иногда въ мелочахъ. Напримѣръ—въ выѣздѣ: знатные господа во времена Екатерины въ торжественныхъ случаяхъ выѣзжали «букетомъ». На задкахъ экипажа ставили трехъ людей, и составлявшихъ собственно «букетъ»: выѣзднаго лакея въ ливреѣ по цвѣтамъ герба,—напудреннаго, «съ пучкомъ» и въ треугольной шляпѣ, гайдука въ красной одеждѣ и арапа въ курткѣ и шароварахъ, опоясаннаго турецкой шалью, и съ бѣлой чалмой на головѣ. Иногда передъ каретой бѣжали два скорохода въ ливреяхъ и высокихъ шапкахъ съ тульей на подобіе сахарной головы и длиннымъ козырькомъ[1]).

Другой распространенной прихотью знатныхъ баръ было упорное держанье за старинные туалеты временъ ихъ молодости и славы. Важныя старухи въ царствованіе Александра I любили удивить общество тѣми нарядами, въ которыхъ онѣ танцовали при Елизаветѣ Петровнѣ, и являлись въ парчевыхъ робахъ на фижмахъ, съ мушками на лицѣ и съ напудренными волосами[2]).

Курьезное тщеславіе вельможъ принималось какъ должное даже «вольтерьянцами», и только желчный темпераментъ гр. Ѳ. В. Ростопчина язвилъ и высмѣивалъ. Отзывъ о кн. Куракинѣ сохранился въ его письмахъ: «Москва обладаетъ великимъ канцлеромъ украшеній,—княземъ Куракинымъ. Онъ желаетъ первенствовать своими праздниками, балами и прочимъ. Тѣло его все покрыто брилліантами, и онъ больше похожъ на фонарь, нежели на своего дядю, въ чемъ и заключается все его честолюбіе»...

Привилегія оригинальничанья никогда у истинныхъ вельможъ, дорожившихъ честью своего имени, не принимала формъ самодурства. Аристократическій складъ мышленія все же требовалъ отъ вельможи, которому было дозволено многое запретное для простыхъ смертныхъ, великодушія, мягкости и снисходительности. И такъ глубоко въѣдался въ сознаніе русскаго вельможи этотъ патріархальный и феодальный тонъ, что разрушить его не могло ни знакомство съ освободительной французской философіей, ни увлеченіе Руссо, ни словесный либерализмъ. Наиболѣе культурные представители московскаго общества, имѣвшіе за спиной заслуги предковъ и тысячи крѣпостныхъ, спокойно принимали почти королевскія почести. Англійская путешественница миссъ Вильмотъ, посѣтившая Москву въ 1805 и 1806 годахъ, пишетъ о знаменитой сподвижницѣ Екатерины—Е. Р. Дашковой: «Никто, какими бы знаками отличія почтенъ ни былъ, не осмѣливается сѣсть въ ея присутствіи безъ особаго съ ея сто-

---

[1]) Благово. Разсказы бабушки.
[2]) «Русскій Архивъ», 1881 г. Воспоминанія гр. М. В. Толстого.

роны дозволенія, которое не всегда даже дается, потому что мнѣ случалось видѣть нѣсколькихъ лицъ, простоявшихъ передъ нею въ теченіе всего ихъ посѣщенія. Однажды я видѣла, какъ она поклономъ отпустила нѣкоторыхъ лицъ, которыя слишкомъ ее утомили, и, приложившись къ ея рукѣ, они удалились...»

Но требуя къ себѣ почти рабскаго почтенія, московскіе баре не оставались въ долгу у москвичей, и не даромъ въ самомъ понятіи барства есть намекъ на что-то щедрое, благодушное и широкое. Самозабвенное хлѣбосольство, открытые дома, роскошныя гулянья съ музыкой и иллюминаціей въ подмосковныхъ, домашніе театры и представленія дворовыхъ артистовъ,—весь широкій размахъ московскаго барства, поражавшій иностранцевъ и провинціаловъ, составлялъ какъ бы общественную функцію магнатовъ Москвы. Слава мецената и щедраго вельможи поддерживалась этимъ сказочнымъ хлѣбосольствомъ, давала почетъ и преклоненіе, пріятно щекотавшіе самолюбіе,—и ничего иного не требовалъ отъ жизни безконечно богатый, спокойный, беззаботный баринъ, теоретически обосновывающій свое безмятежное прозябаніе разочарованіемъ въ суетѣ и тревогахъ міра... Своего рода соперничество развивалось среди московскихъ богачей въ роскоши ихъ дворцовъ, въ искусствѣ дворовыхъ актеровъ и художниковъ, въ количествѣ приглашенныхъ къ обѣду или на вечеръ. Держать театръ, хоръ или оркестръ, открытый столъ на 30—50 человѣкъ, съ пріемами не только знакомыхъ, но и всѣхъ желающихъ роскошно пообѣдать, было необходимой общественной повинностью, патентомъ на величіе. Хорошо накормить—въ этомъ была слава тѣхъ, кто не стремился выдвинуться на государственномъ или военномъ поприщѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе Екатерининскаго царствованія прославились гостепріимствомъ Еропкины. Ихъ домъ на Остоженкѣ,—теперь Коммерческое училище, былъ открытъ для всякаго,—«будь только опрятно одѣтъ и веди себя за столомъ чинно...» [1]) Обѣды эти носили чисто гомерическій характеръ. О нихъ разсказываютъ многіе современники, и если даже отнести нѣкоторую долю ихъ сообщеній къ восторженному преувеличенію, то все же московское обжорство стараго времени будетъ прочно констатировано. Оно уживалось съ французской граціей манеръ, съ шелковыми камзолами и бѣлыми париками. По словамъ насмѣшливаго, но умнаго и правдиваго Вигеля—«завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ; послѣ обѣда—закуски или заѣдки, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе—и все это заключалось столь же изобильнымъ ужиномъ... По тогдашнему обычаю всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина...»

Иностранцы, посѣщавшіе Москву до 1812-го года, поражаясь ея своеобразіемъ и красотой, не менѣе удивлялись количеству библіотекъ и всякихъ собраній во дворцахъ московскихъ магнатовъ. «Можно подумать, что всѣ музеи Европы опустошились, чтобы обогатить Москву»,—гово-

---

[1]) Благово. Разсказы бабушки.

Московския моды начала XIX вѣка. Съ миніатюрнаго портрета

ритъ одинъ изъ нихъ. Но еще болѣе поражала заѣзжихъ гостей страсть московскихъ коллекціонеровъ къ всевозможнымъ мѣнамъ, перепродажамъ и тщеславному демонстрированію своихъ сокровищъ. Это уже наводитъ на мысль, что это собираніе книгъ и художественныхъ предметовъ было своего рода спортомъ, модой, заполнявшей хоть отчасти откровенную пустоту барскаго времяпровожденія. Дошедшія до насъ описанія подобныхъ коллекцій подтверждаютъ это предположеніе. Напримѣръ, собраніе П. Г. Демидова состояло изъ минералогическаго кабинета, коллекціи картинъ, раковинъ, птичьихъ чучелъ, японскихъ идоловъ и медалей. Еще разностороннѣе были интересы кн. П. Голицына: онъ собиралъ гербарій, японскую посуду, флорентинскія мозаики, минералы, картины и притомъ отличался большой склонностью къ всевозможнымъ мѣнамъ [1]). Кн. Одоевскій собралъ большую коллекцію чучелъ птицъ, причемъ для усиленія впечатлѣнія раскрашивалъ ихъ по собственной фантазіи...

Такія коллекціи, конечно, не могли имѣть образовательнаго значенія: ими почтительно любовались и восхищались москвичи, славили просвѣщенную дѣятельность своихъ вельможныхъ согражданъ, но серьезные научные интересы отсутствовали и у тѣхъ, и у другихъ. Громадное количество иностранцевъ-комиссіонеровъ и торговцевъ ютилось въ Москвѣ по Тверской и Кузнецкому мосту, грѣя руки около безтолковыхъ меценатовъ, сбывая имъ разныя диковинки и поддѣлки, безбожно льстя ихъ тонкому вкусу и эрудиціи и требуя соотвѣтственныхъ цѣнъ. Такъ фальсифицировало культурные интересы большинство баръ, жившихъ въ вѣкъ, слишкомъ дорожившій просвѣщеніемъ, чтобы откровенно отдаваться ничегонедѣланію. Были, конечно, въ Москвѣ истинные любители и просвѣщенные знатоки, но это рѣдкія единицы и при томъ не изъ числа вельможной знати.

Трагедія московскаго вельможи была въ томъ, что отъ него, въ глубинѣ души ищущаго только спокойствія да несложныхъ развлеченій вродѣ конскаго бѣга или пѣсенъ крѣпостного хора, высота его положенія требовала обладанія всѣми сложными интересами и многосторонними добродѣтелями «покровителя наукъ и художествъ», мудраго философа, обремененнаго обиліемъ видѣннаго въ чужихъ краяхъ и тяжелымъ опытомъ государственныхъ трудовъ. Ослѣпленный блескомъ Версаля и Шенбрунна, русскій вельможа,—по выраженію Ключевскаго,—«всю жизнь старался стать своимъ между чужими, и только становился чужимъ между своими...» [2]) Теперь, въ концѣ вѣка, имъ же взбудораженное московское общество признало его своимъ, но потребовало соблюденія роли до конца, и неизбѣжныя барскія затѣи распускаются пышнымъ пустоцвѣтомъ, создавая внѣшнюю оболочку утонченной культурности. Смятая, выбитая изъ традиціонной колеи подражательнаго космополитизма великой бурей 1812-го года, она упала и уже больше не поднялась.

Любимой затѣей баръ, неизбѣжнымъ аттрибутомъ каждой богатой подмосковной или городского дворца была труппа крѣпостныхъ артистовъ

[1]) «Voyage de deux Français dans le nord de l'Europe», т. III. Paris. 1796.
[2]) «Русская Мысль», 1887 г. № 2.

или танцоровъ. Къ концу вѣка насчитывали въ Москвѣ до 20 частныхъ театровъ. Труппы кое-какъ обученныхъ актеровъ ставили не только драматическіе спектакли, но даже балетъ и итальянскую оперу. Лучшая труппа, вмѣстѣ съ портными и парикмахерами насчитывавшая до 230 человѣкъ, была въ Кусковѣ у гр. Шереметева. Декораціи, костюмы и бутафорія выписывались изъ Франціи. Искусство шереметевскихъ актеровъ славилось по всей Россіи, и серьезная постановка дѣла выдѣляетъ шереметевскую труппу изъ обычнаго типа крѣпостныхъ театровъ. Почетной извѣстностью позднѣе пользовалась драматическая труппа Столыпина, дававшая представленія, на которыя съѣзжалась вся Москва, въ его домѣ въ Знаменскомъ переулкѣ у Арбатскихъ воротъ. Широко жившій Столыпинъ впослѣдствіи разорился, и его голодная труппа была куплена казной въ 1806 году и положена въ основу Императорскихъ театровъ. Болѣе скромныя увеселенія, не только домашнія, но и публичныя, давались «на театрѣ» Шаховского, Дурасова, Познякова и многихъ другихъ.

Крѣпостные театры были излюбленной мишенью московскихъ сатириковъ начала вѣка. Осмѣивалась диллетантская самовлюбленность театраловъ, плачевный уровень двороваго искусства, некультурность исполнителей. Если эти упреки и являются справедливыми въ отношеніи многихъ московскихъ и подмосковныхъ баръ, руководившихся модой, то они непримѣнимы къ тѣмъ, кто искренне любилъ и служилъ искусству. Такіе несомнѣнно были. До насъ дошли отзывы не только русскихъ цѣнителей драматическаго и балетнаго искусства, которыхъ легко заподозрѣть въ пристрастіи, но и заграничныхъ гостей, въ родѣ графа Сегюра, поражавшихся искусству шереметевскаго театра. Театральное меценатство одна изъ наиболѣе симпатичныхъ чертъ московскаго барства: крѣпостныя труппы воспитали цѣлый рядъ прогремѣвшихъ впослѣдствіи талантовъ, національзировали драматическое искуство и воспитывали эстетическіе вкусы московской публики, довольно толково разбиравшейся не только въ деталяхъ исполненія, но и въ достоинствахъ и недостаткахъ пьесы.

Многіе вельможи строили при своихъ дворцахъ театральныя помѣщенія и, не содержа собственной труппы, предоставляли ихъ заѣзжимъ гастролерамъ, вплоть до пѣвцовъ, музыкантовъ и фокусниковъ. Въ громадномъ домѣ Ст. Ст. Апраксина на Знаменкѣ,—въ теперешнемъ зданіи Александровскаго военнаго училища, былъ устроенъ театръ съ ложами въ нѣсколько ярусовъ. Тутъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ гастролировала итальянская опера. Въ роскошномъ саду при домѣ Ник. Ник. Демидова за Разгуляемъ въ 1805 году какой-то «нѣмецкой актеръ (безподобной!)» давалъ гулянья, иллюминацію, фейерверкъ и балъ по воскресеньямъ [1]).

Беззаботные магнаты, селившіеся въ Москвѣ, полные самыхъ лучшихъ намѣреній, но неспособные къ одному—планомѣрной и серьезной дѣятельности, не всегда ограничивали свою роль меценатовъ гуляньями и обѣдами. «Привыкши жить хорошо», какъ писалъ о себѣ Безбородко, они украсили сильно поблекшую со временъ Петра Великаго Москву грандіо-

[1]) Фонъ-Гунъ. Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ изъ Петербурга въ Малороссію, ч. I. М. 1806 г.

озными дворцами и парками. Классическая архитектура дворцовъ сливалась съ русскимъ зодчествомъ древнихъ храмовъ и Кремля въ странное «полуазіатское» цѣлое, своей необычностью волновавшее иностранныхъ обозрѣвателей. Интенсивное строительство, начатое въ 80-хъ годахъ, къ концу вѣка совершенно преображаетъ Москву, придаетъ ей нарядный и живой обликъ.

Среди вельможъ развивается соревнованіе въ размѣрахъ и красотѣ дворца, въ изысканной планировкѣ парка, въ богатствѣ обстановки. Обладая достаточно изощреннымъ вкусомъ, они щедро поощряютъ художниковъ, способныхъ осыпать еще большимъ блескомъ раззолоченный бытъ вельможи Поддерживая славу своего имени, московскіе магнаты затѣваютъ дворцы, далеко превосходящіе потребности быта. Безбородко, обладавшій въ Москвѣ прекраснымъ домомъ, задумываетъ въ грандіозномъ масштабѣ новый дворецъ, нѣсколько лѣтъ полонъ мечтами и расчетами; заказываетъ Кваренги проектъ, усердно совѣтуется и переписывается съ нимъ. Наконецъ, совершается торжественная закладка, и на этомъ дѣло кончается...

Подобный характеръ созидательной дѣятельности не былъ личнымъ свойствомъ Безбородко. Творческій импульсъ русскаго барства въ большой степени регулировался капризомъ и модой: дома и помѣстья, гдѣ кипѣло самое широкое строительство, внезапно забрасывались, забывались и постепенно разрушались. Великолѣпное убранство залъ, созданное руками лучшихъ декоративныхъ мастеровъ, безпощадно нарушалось какой-нибудь странной прихотью хозяина, требовавшей безпрекословнаго осуществленія...

Обычную психологію капризнаго и избалованнаго вельможи, начинавшаго строить небывалый по размѣрамъ и роскоши домъ въ Москвѣ, затѣмъ не окончивъ уѣзжавшаго въ деревню, затѣвавшаго тамъ грандіозныя сооруженія, снова бросавшаго и переѣзжавшаго въ другое помѣстье, нѣсколько нарушало серьезное отношеніе къ обстраиванію своихъ усадебъ и дворцовъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе культурныхъ представителей московскаго барства. Они строили свои театры и картинныя галлереи, разбивали затѣйливые парки, словно выполняя общественное назначеніе, возложенное на нихъ богатствомъ и знатностью. Въ завѣщаніи гр. Н. П. Шереметева мы находимъ такія строки: «...украсивъ село мое Останкино и представивъ оное зрителямъ въ видѣ очаровательномъ, думалъ я, что совершивъ величайшее, достойное удивленія и принятое съ восхищеніемъ публикою дѣло, въ коемъ видны мое знаніе и вкусъ, буду всегда наслаждаться покойно своимъ произведеніемъ»...

Москва въ концѣ XVIII-го вѣка представляла крайне характерную картину. Тянулись грязныя, необдѣланныя улицы. Двумя унылыми рядами ютились деревянные домики, и внезапно среди нихъ широко раскидывался громадный и роскошный дворецъ самой изысканной архитектуры, украшенный мраморными барельефами и стройными колоннами.

Съ бѣшеной быстротой возникали эти дворцы, но такъ же быстро и исчезали. О ихъ быломъ великолѣпіи мы можемъ судить по дошедшимъ остаткамъ, поблекшимъ, опустошеннымъ и изуродованнымъ. Меньше всего

сохранилось внутренняго убранства, превосходное представленіе о которомъ даетъ одно изъ лучшихъ созданій московскаго барства,—Останкинскій дворецъ. Большая часть барскихъ хоромъ изъ рукъ наслѣдниковъ перешла подъ общественныя учрежденія и учебныя заведенія, такъ какъ ихъ размѣры слишкомъ грандіозны для потребностей частнаго жилища. Барскіе дворцы были раскинуты по всѣмъ частямъ Москвы, группируясь преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ и южнѣе къ Яузѣ. Это мѣсто считалось въ Москвѣ наиболѣе здоровымъ,—такъ объяснялъ Безбородко свой выборъ мѣста для постройки дома, недалеко отъ теперешняго Техническаго училища. Дворцы, особенно расположенные по окраинамъ, окружались громадными парками, иногда на нѣсколькихъ десятинахъ, съ бесѣдками, прудами, мостами и прочими «садовыми затѣями». Въ серединѣ XVIII-го вѣка предпочитали такъ называемые «регулярные сады», въ голландскомъ или французскомъ вкусѣ, т.-е. съ подчиненіемъ всѣхъ формъ природы творчеству человѣка. Красиво вычерчивались хитрыя сплетенія—«лабиринты» дорожекъ, деревья или образовывали коридоры, «не допускающіе проницать свѣту и вселяющіе въ гуляющихъ самую усладительную томность...», или подстригались разными геометрическими фигурами и даже на подобіе животныхъ—пѣтуховъ, собакъ и драконовъ. Газоны разстилались ровной гладью, и ни одинъ уголокъ сада не обходился безъ тщательной отдѣлки. Превосходный образецъ такого сада сохранился, хотя и не во всемъ блескѣ прежняго великолѣпія, въ Кусковѣ. Къ концу вѣка, съ наступленіемъ романтическихъ увлеченій, входитъ въ моду «англійскій паркъ», заросшій, нарочно запущенный, привлекательный именно своей дикостью. Тѣнистый паркъ украшался бесѣдками, красиво вырисовывавшимися въ чащѣ деревьевъ, искусственными развалинами, пропастями и гротами, потоками и прудами.

Къ счастью для русскаго искусства отлично сохранился одинъ изъ наиболѣе нарядныхъ дворцовъ московскаго барства—Румянцевскій музей, бывшій домъ Пашкова. Исключительное архитектурное богатство и роскошь украшеній, удачная постановка на склонѣ холма—дѣлали этотъ домъ давнишней диковинкой Москвы, поразившей даже утонченныхъ генераловъ Наполеона [1]).

Выстроенный въ серединѣ 1780-хъ годовъ, Пашковскій домъ въ старину былъ еще красивѣе: на крышѣ стояла статуя, по склону горы былъ распланированъ садъ съ фонтанами и прудами, по которымъ плавали лебеди, мраморныя статуи бѣлѣли среди зелени.

Рядъ гравюръ да уцѣлѣвшій интересный фонтанъ на углу Знаменки и Моховой съ чугунной Empire'ной маской, свидѣтельствуетъ о быломъ великолѣпіи. Другой московской достопримѣчательностью считался въ началѣ вѣка домъ Шепелева, теперешняя Яузская больница. Онъ уступаетъ въ нарядности Пашковскому, но въ немъ уцѣлѣли внутреннія украшенія, и каждая деталь, вплоть до лѣстницъ, воротъ со львами и внутреннихъ входовъ, очаровываетъ разнообразіемъ и свѣжестью декоративныхъ мотивовъ. Эти два

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1876 г., стр. 378.

дома носятъ вполнѣ городской характеръ. Въ другомъ родѣ бывшій домъ А. К. Разумовскаго на Гороховой улицѣ, занятый теперь малолѣтнимъ отдѣленіемъ Николаевскаго Института. Широко раскинутый дворецъ съ уютнымъ полукруглымъ дворомъ окружали безчисленныя службы, громадный паркъ занималъ нѣсколько десятинъ и доходилъ до Яузы. Подобный типъ барскаго особняка съ двумя боковыми флигелями, немного неуклюжій и приземистый, но уютный и удобный, идеально приспособленный къ сложному барскому хозяйству — созданіе московской архитектуры, школы М. Ѳ. Казакова, мастерски приспособившей холодную гармонію классицизма къ потребностямъ благодушнаго и лѣниваго барскаго быта. Въ центральномъ корпусѣ и преимущественно во второмъ этажѣ помѣщались парадныя комнаты, такъ сказать—европейская часть дома,—залы, гостиныя, пріемныя, театръ, библіотека; во флигеляхъ—жилые покои — дѣтскія, гардеробныя, иногда людскія и дѣвичьи: здѣсь въ болѣе скромной обстановкѣ жили проще и безъ стѣснительнаго этикета. Паркъ начинался непосредственно отъ садоваго фасада дома; къ нему вели террасы и лѣстницы, въ обработку которыхъ архитектора вкладывали много мастерства и вкуса.

Великолѣпная терраса этого рода украшаетъ домъ Найденова на Земляномъ валу, принадлежавшій раньше кн. Гагарину. Внутреннее убранство домовъ, преимущественно въ парадныхъ комнатахъ, свидѣтельствуетъ о высокомъ художественномъ уровнѣ московскаго барства, рѣшительно предпочитавшаго красоту роскоши. Декоративное мастерство конца XVIII-го вѣка, выражавшееся въ росписи стѣнъ и потолковъ, въ скульптурной обработкѣ карнизовъ и наличниковъ, въ бронзовыхъ украшеніяхъ и деревянной рѣзьбѣ, вполнѣ выдилось въ сказочной прелести Останкинскаго дворца. Масса золота, красокъ, скульптурныхъ украшеній и граціозной орнаментаціи, при всей своей пышности, не нарушаетъ художественной цѣльности. Эта утонченная, раззолоченная декоративность, словно созданная для дворцовъ, въ новомъ вѣкѣ перестаетъ нравиться. Быстро смѣняются художественныя вѣянія, и наступаетъ господство строгаго и сдержаннаго стиля Empire. Вмѣсто пышности, золота, шелка и яркой красочности, распространяется увлеченіе холодной скульптурной красотой, мраморомъ, бронзой и краснымъ деревомъ. Очень картинно и убѣдительно описываетъ эту перемѣну эстетическихъ вкусовъ современникъ: «Консульское правленіе рѣшительно возстановило во Франціи общество и его пристойныя увеселенія: тогда родился и вкусъ, болѣе тонкій, менѣе мѣщанскій, и выказался въ убранствѣ комнатъ. Все дѣлалось а л'антикъ, (открытіе Помпеи и Геркуланума чрезвычайно тому содѣйствовало). Парижане мало заботились о Ліонѣ и его мануфактурахъ, но правителю Франціи надо было поощрить ихъ: и шелковыя ткани опять явились, но уже по-прежнему не натягивались на стѣнахъ, а щеголевато драпировались вокругъ нихъ и вокругъ колоннъ, въ иныхъ мѣстахъ ихъ замѣняющихъ. Вездѣ показались алебастровыя вазы, съ изсѣченными митологическими изображеніями, курительницы и столики въ видѣ треножниковъ, курульскія кресла, длинныя кушетки, гдѣ руки опускались на орловъ,

гриффоновъ или сфинксовъ. Позолоченное или крашенное и лакированное дерево давно уже забыто, гадкая латунь тоже брошена; а красное дерево, вошедшее во всеобщее употребленіе, начало украшаться вызолоченными бронзовыми фигурами, прекрасной обработки лирами, головками: медузиными, львиными и даже бараньими. Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 года, и, по-моему, въ этомъ родѣ ничего лучше придумать невозможно...» [1])

Такова была внѣшняя оболочка барскаго быта, полная вкуса и изящества. Примѣръ вельможъ и художественные образцы, привезенные ими или созданные выписанными мастерами, вызывали подражаніе у людей средняго достатка. Всѣ старались украшать свои дома и помѣстья непремѣнно согласно модному «чистому вкусу», т.-е. по требованіямъ классической эстетики. Очень любопытные памятники такого доморощеннаго классицизма,—скромные деревянные домики въ стилѣ Empire, воспроизводящіе не только архитектурный типъ, но и декоративные принципы барскихъ дворцовъ, сохранились въ разныхъ частяхъ Москвы. Такой домикъ, сработанный въ лучшихъ традиціяхъ поздняго московскаго Empire'а, есть въ Кудринскомъ переулкѣ; еще болѣе интересный,—съ изящнымъ фронтономъ—въ Сытинскомъ. Роль вельможнаго барства въ подъемѣ эстетической культуры Москвы была громадна: вельможи выписывали иностранныхъ художниковъ, привозившихъ новые вкусы и эстетическія идеи, отправляли въ обученіе къ придворнымъ мастерамъ-иностранцамъ своихъ домовыхъ ремесленниковъ, и тѣ, возвратившись въ Москву, работали уже не только на своихъ господъ. Еще большее значеніе имѣлъ непосредственный примѣръ, пріучавшій цѣнить красоту жилища и быта, вызывавшій подражаніе. Но пожаръ 1812-го года, уничтоживъ то, что накоплялось и воздвигалось десятилѣтіями, на долгое время задержалъ эстетическую культуру Москвы...

Внутренній бытъ барскаго дома, отношенія къ семейнымъ и дворовымъ были болѣе свободны отъ европейскаго лоска. Здѣсь было больше искренности, и отчетливѣе выступали самобытныя черты русскаго характера. Семейныя отношенія, несмотря на утонченность обращенія и чтеніе Вольтера и Руссо, были построены на патріархальномъ деспотизмѣ главы дома. Фономъ неограниченной семейной монархіи служила грубоватая простота нравовъ, лѣнь и добродушіе, безпечность и безпорядочность. Въ дальней половинѣ дворца суетились безчисленныя няни, мамки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки, шуты, отсутствовавшіе къ концу вѣка у наиболѣе культурныхъ представителей барства. Какъ домъ дѣлился на двѣ половины—парадныя «комнаты» и жилые «покои», такъ и домашній бытъ выдѣлялъ показную, офиціальную сторону отъ закулисной. Иностранныхъ путешественниковъ поражало странное разнообразіе костюмовъ и внѣшняго вида прислуги: у подъѣзда роскошнаго дома нерѣдко приходилось видѣть вѣликолѣпно обмундированныхъ лакеевъ и рядомъ съ ними оборванныхъ, похожихъ больше всего на нищихъ, слугъ того же

[1]) «Записки Вигеля».

господина [1]), — и такая двойственность проскальзывала въ каждой чертѣ барскаго быта.

Громадный домъ съ массой службъ и слугъ составлялъ колоссальное хозяйство. При обиліи рабочихъ рукъ въ многочисленныхъ помѣстьяхъ, почти всѣ потребности широкаго образа жизни удовлетворялись своими людьми.

Осенью изъ дальнихъ деревень тянулись въ Москву обозы, подвозя продукты для зимнихъ пріемовъ, наполнялись обширные подвалы и кладовыя. Громадная дворня обслуживала сложное хозяйство: были свои каретники, кондитеры, музыканты, парикмахеры, вышивальщицы, живописцы, портные, танцоры, лакеи всѣхъ спеціальностей: выѣздные, гайдуки, комнатные, дядьки и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ количествѣ дворовыхъ людей было своего рода тщеславіе, и у нѣкоторыхъ магнатовъ число слугъ и городскихъ ремесленниковъ доходило до нѣсколькихъ сотъ. 200 слугъ, 100 лошадей—таковъ выразительный масштабъ барскаго хозяйства. Удобнымъ случаемъ блеснуть количествомъ дворни были парадные обѣды, при которыхъ часто число служившихъ за столомъ превосходило число сидѣвшихъ за нимъ, и за каждымъ сидѣвшимъ стоялъ человѣкъ съ тарелкой. Любопытно, что подобная пышность домашняго уклада поддерживалась московскими вельможами, чтобы сравняться съ величіемъ и помпезнымъ этикетомъ Западной Европы, но иностранцы, посѣщавшіе Москву, видѣли въ этомъ «азіатскую роскошь» и проводили параллель съ восточными сатрапами...

Высшее московское барство въ послѣднюю четверть XVIII-го вѣка составляло очень устойчивую и вліятельную группу. Объединявшимъ ее экономическимъ признакомъ является колоссальное богатство, безконечно превосходящее размѣры индивидуальныхъ потребностей. Неистощимые доходы сыпались золотымъ дождемъ и при полной неспособности къ продуктивному размѣщенію капиталовъ шли на безудержное мотовство, на самое изощренное веселье. Болѣе опредѣленнымъ признакомъ высшаго барства являются его былыя государственныя заслуги, связующія его благосостояніе и величіе съ придворной службой. Составляя «первенствующее сословіе» Москвы, вельможи давали тонъ ея общественной жизни, проводя въ сонное затишье богомольнаго города блескъ и безмятежное веселье внѣшней культуры Запада. Щедрые и веселые, поверхностно образованные, располагающіе къ себѣ и славой былыхъ дѣлъ, и утонченностью манеръ, экономической мощью и барскимъ благодушіемъ, они долго были наиболѣе культурнымъ слоемъ московскаго свѣта. Къ концу Екатерининскаго царствованія общественное мнѣніе крѣпнетъ, становится самостоятельнѣе и на смѣну вельможамъ приходитъ среднее дворянство, жадно воспринимающее и литературно образованное, съ почти европейскимъ кругомъ интересовъ. Культура замѣтно демократизируется и углубляется, богатый опытъ видѣннаго и пережитаго уступаетъ мѣсто книжной начитанности и критической мысли. И тѣ, кто умѣлъ только красиво жить и изящно веселиться, уступаютъ главенство тѣмъ, кто научился красиво говорить и тонко чувствовать...

---

[1]) «Voyage de deux Français». T. III. Paris. 1796 г.

III.

Слѣдующей ступенью соціальной лѣстницы было среднее дворянство, составлявшее главную массу московскаго общества. Многія бытовыя и психологическія черты роднили его съ барствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ среднее дворянство имѣло и свой обособленный обликъ и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей составляло интеллигенцію Москвы конца XVIII-го вѣка, направлявшую ея идейную жизнь, достаточно образованную, но мало способную къ творческой работѣ. Сложный и противорѣчивый типъ русскаго вольнодумца, остро мыслящаго и анализирующаго, но не склоннаго къ проведенію въ жизнь своихъ принциповъ и идеаловъ, восторженнаго поклонника Руссо, мечтателя, способнаго лить слезы надъ чувствительными страницами французскаго романа, и въ то же время крутого крѣпостника, распущеннаго повелителя дѣвичьей, складывался именно въ этомъ слоѣ русскаго дворянства.

Вельможи украсили Москву, европеизировали ея бытъ, удачно пересадили раціонализмъ Запада. Въ 1790-хъ годахъ появляется новый типъ культурнаго русскаго человѣка, еще слишкомъ связанный съ XVIII-мъ вѣкомъ, чтобы стремиться къ практической дѣятельности, но много читающій и думающій, съ развитыми духовными интересами. Его мысли, воспитанныя французской философіей, вращаются около недостатковъ и странностей общества и, противопоставляя ихъ мудрости раціональнаго человѣческаго общежитія, придаютъ его рѣчамъ сатирическій оттѣнокъ. Всѣмъ духовнымъ запросамъ отвѣчаетъ литература; въ ней находитъ москвичъ du fin de siècle «отмѣнное упражненіе всѣхъ способностей духа». Время, свободное отъ развлеченій и хозяйственныхъ заботъ, онъ отдаетъ книгамъ, которыя волнуютъ его, заставляютъ переживать самыя неожиданныя и разнообразныя чувства; заставляютъ тосковать, бояться, радоваться, умиляться и ужасаться, — и украшаютъ увлекательными мечтами его пустое и малоосмысленное времяпровожденіе, осуждаемое къ тому же и сатирическимъ складомъ ума. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы сочинительства, языка и стиля становятся близкими, интересъ къ нимъ вызывается и требованіями свѣтской образованности. Къ концу вѣка начитанность московскаго общества создаетъ благопріятную почву для литературнаго творчества, и мы видимъ въ Москвѣ сильное увлеченіе сочинительствомъ, выдвигающее безчисленныхъ поэтовъ и прозаиковъ, забытое творчество которыхъ подготовило почву для послѣдующаго золотого вѣка русской поэзіи.

Притягательная сила Москвы, какъ центра веселья и общественной жизни, въ концѣ вѣка становится очень значительной. Поздней осенью и зимой помѣщики сосѣднихъ уѣздовъ и губерній, со всѣмъ семействомъ на собственныхъ лошадяхъ отправляются въ Москву, — «желая пользоваться своимъ богатствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы, и въ то же время и большею возможностью лучше воспитывать дѣтей своихъ»... [1])

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1881 г. Воспоминанія Бутенева, стр. 10.

Пріѣзжая ежегодно въ Москву, они имѣли тамъ собственные дома, расположенные преимущественно въ Замоскворѣчьи [1]). Эта провинціальная масса, покидавшая Москву весной, когда кончался сезонъ баловъ и увеселеній, привозила съ собой свои захолустныя привычки и манеры, старомодные костюмы и своеобразные интересы. Чутко и жадно слѣдила за всѣми новостями въ области моды и этикета и старательно перенимала, чтобы потомъ разнести по всѣмъ концамъ Россіи. Провинціальныя замашки тщательно скрывались, но все же пробивались и служили кореннымъ москвичамъ неистощимой темой свѣтскихъ толковъ и насмѣшливыхъ эпиграммъ. Жадно схватывая все привлекавшее его вниманіе, провинціальное дворянство преимущественно перенимало внѣшнія достиженія культуры, гораздо слабѣе воспринимая идейныя теченія и литературныя настроенія, внося въ общественную жизнь Москвы свою наивность, жажду развлеченій и черноземное добродушіе: «по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ легко отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы»,— говоритъ Вигель. Сами едва схватившіе верхи европейскаго лоска, они были строгими ревнителями приличій и щедро осыпали сплетнями каждое отступленіе отъ свѣтскихъ правилъ: старомодность костюмовъ, выѣздъ дамы въ дрожкахъ, вольнодумное фатовство и т. д. Особенно ядовитые толки вызывали останавливавшіеся въ трактирахъ, т.-е. гостиницахъ,—или жившіе «въ меблированныхъ помѣщеніяхъ, Богъ знаетъ съ кѣмъ стѣна объ стѣну»... [2])

Кочеванье провинціаловъ на зиму установилось въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го вѣка и несомнѣнно играло замѣтную роль въ пріобщеніи къ культурѣ русскаго дворянства.

Гораздо легче и быстрѣе мужчинъ осваивалась съ европейской культурой женщина. Конечно, интересы рядовой дворянки, при всей ихъ многосторонности, не шли дальше нарядовъ, украшеній и манеръ, но все это усваивалось съ большой быстротой и чуткостью.

Московская женщина конца XVIII-го вѣка не выдѣляетъ ни одного опредѣленнаго типа, но все же культурный уровень русской барыни и, особенно, дѣвицы несомнѣнно повышается, и вслѣдъ за французскими прическами и модными нарядами въ область ея интересовъ входятъ чувствительные стихи, нѣжные романсы и увлекательные переводные романы. Пустоту московской дамы и любовь къ нарядамъ и всему парижскому отмѣчаютъ многіе современники. Въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка въ Москвѣ начинаетъ появляться большое количество сатирическихъ произведеній, осмѣивающихъ мотовство, легкомысліе и лживость дамъ, а попутно и фатовство молодыхъ людей. Въ этихъ желчныхъ обличеніяхъ чувствуется и возмущеніе природнаго здраваго смысла и вліяніе скептической философіи: сочинитель ихъ представляется ветхимъ старичкомъ въ мѣдныхъ очкахъ, помнящимъ времена Елизаветы Петровны, вольтерьянцемъ, не могущимъ примириться съ «модньшъ теченіемъ мыслей»...

---

[1]) «Записки Вигеля».

[2]) Б л а г о в о. Разсказы бабушки.

Немало толковъ вызывали въ старозавѣтной Москвѣ античные костюмы дамъ, вошедшіе въ моду въ началѣ вѣка. Даже офиціальныя «Московскія Вѣдомости», прикрывшись переводомъ съ англійскаго, вмѣшались въ полемику и помѣстили «разговоръ одной англійской дамы съ торгующимъ модными товарами купцомъ въ Лондонѣ: — Государь мой! Я сей часъ пріѣхала изъ своего уѣзда; сдѣлай одолженіе, скажи, что мнѣ надобно дѣлать, чтобы нарядиться по модѣ сей столицы?—Извольте обождать двѣ минуты, и вы будете одѣты въ послѣднемъ вкусѣ... Сперва извольте снять чепецъ?—Охотно.—Потомъ спустите эту юпку.—Согласна.—Скиньте свои карманы.—Вотъ они!—Сбросьте косынку.—Съ удовольствіемъ.—Отдайте мнѣ корсетъ вашъ и стеганные рукава.—Все, что угодно.—Вотъ, Милостивая Государыня, теперь вы въ самомъ щегольскомъ нарядѣ! —Какъ! раздѣться значитъ, по нынѣшнему, быть одѣту? [1])».

Больше всего стрѣлъ направлено на ряды и иностранныя лавки у Кузнецкаго моста. Ряды, дѣйствительно, были женскимъ клубомъ, мѣстомъ безчисленныхъ закупокъ, встрѣчъ и знакомствъ. Здѣсь цѣлый день суетилась разряженная толпа, собиралась вся гуляющая Москва, потому что въ ряды ѣздили не только покупать, но и встрѣчать знакомыхъ, узнавать и сообщать новости. Здѣсь назначались свиданія «не только дѣвицамъ-подругамъ, но и молодымъ мужчинамъ!»—укоризненно замѣчаетъ обличитель испорченныхъ нравовъ.

День московской дамы начинался рано, и первая его половина уходила на одѣванье и завиванье. При торжественныхъ сборахъ — дворня и «комнатныя дѣвки», число которыхъ у нѣкоторыхъ модницъ достигало полсотни, бѣгали и суетились, «словно въ домѣ пожаръ уже случился!» — замѣчаетъ тотъ же сочинитель.

Только что соприкоснувшаяся съ культурой, совершенно не подготовленная и мало образованная, русская женщина могла схватить только верхи ея — наряды, прически и танцы. Отъ нея ничего иного и не требовали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже начинаютъ намѣчаться тѣ психологическія черты, которыя позднѣе создали обаятельный обликъ пушкинской Татьяны. Атмосфера мистическаго и рыцарскаго поклоненія женщинѣ, легко создававшаяся въ эпоху увлеченія мистицизмомъ и утонченнаго внѣшняго этикета, благопріятствовала развитію мечтательности. Покой и беззаботность, нарушаемая только сборами на балы и вечера, окружающая роскошь, создавала воспріимчивую почву, а переводная романтическая литература съ ея героями и чудными странами влекла къ грезамъ. Объ этой мечтательности русской женщины конца XVIII-го вѣка говорятъ пожелтѣвшія страницы альбомовъ съ ихъ наивной поэзіей, и письма подругъ, и портреты Боровиковскаго съ ихъ характерными женскими лицами. Все это убѣждаетъ, что едва ли правы были сатирическіе сочинители, находившіе въ московской женщинѣ только страсть къ нарядамъ и заморскимъ бездѣлушкамъ.

Типъ женщины, живущей духовными интересами, еще только намѣчался въ описываемую нами эпоху. Женщина эмансипированная — не въ

[1]) «Московскія Вѣдомости». 1800 г. № 104.

Моды начала XIX вѣка въ Москвѣ. Съ масляной картины

современномъ значеніи слова, а въ томъ, которое было въ ходу въ 10-хъ и 20-хъ годахъ, — т.-е. обладающая культурными интересами, любящая музыку, литературу и даже философію, конечно, въ предѣлахъ свѣтской болтовни,—хозяйка салона, пришла въ Россію позднѣе, около 1820-го года.

О пристрастіи обличителей особенно убѣдительно свидѣтельствуютъ письма и мемуары русскихъ женщинъ конца вѣка. Вообще въ то время образованные люди любили и умѣли вести переписку, великолѣпно владѣли стилемъ, хотя и писали чаще по-французски. Письма, наполненныя дружеской болтовней, подтверждаютъ, что дѣйствительно жизнь москвички высшаго круга проходила сплошь въ балахъ и вечерахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — серьезность и благородство тона, тонкость сужденій о музыкѣ и театрѣ, изящное остроуміе и мѣткость опредѣленій — говорятъ о значительномъ развитіи, совмѣщавшемся съ легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ.

Вообще общественная жизнь Москвы была очень далека отъ трудового уклада. Спокойный эпикуреизмъ эпохи, то безмятежное наслажденіе всѣми прелестями бытія, которое до сихъ поръ носитъ кличку б а р с т в а, концентрировало общественную жизнь на балахъ и вечерахъ, въ Благородномъ собраніи и Англійскомъ клубѣ, въ театрѣ и на гуляньяхъ. «Что сказать о тогдашней Москвѣ? Трудно изобразить вихрь. Съ самаго вступленія на престолъ Имп. Александра каждая зима походила въ ней на шумную недѣлю масленицы»,—пишетъ Вигель. Рядъ другихъ современниковъ повторяетъ ту же характеристику времяпровожденія Москвы. Важный чиновникъ Булгаковъ въ письмахъ къ сыну говоритъ о зимѣ 1805-го года: «Баламъ нѣтъ конца, и не понимаю, какъ могутъ выдерживать. Ежели сіе сумасшествіе продолжится всю зиму, то всѣ переколѣютъ, и къ будущей нуженъ рекрутскій наборъ танцовщицъ...» Общественныхъ баловъ было мало: разъ въ недѣлю танцовали въ Благородномъ собраніи и, кромѣ того, въ существовавшемъ до 1812-го года на Тверской, противъ генералъ-губернаторскаго дома, Танцовальномъ клубѣ, причемъ балы этого клуба не посѣщались высшимъ обществомъ. Танцовали больше всего на домашнихъ балахъ, которые у вельможъ принимали такіе же размѣры, какъ и ихъ сказочные обѣды.

Для молодежи, даже для наиболѣе образованной и серьезной ея части, балы были важнымъ дѣломъ. Здѣсь встрѣчались, сближались и влюблялись, а въ то время много духовныхъ силъ отдавали любви. Любовь принимала рыцарскія формы, и въ романтически настроенныхъ душахъ поклоненіе женщинѣ легко переходило въ какой-то мистическій культъ. Утонченное благородство въ отношеніи къ женщинѣ придавало баламъ отпечатокъ изящества и поэтичности. Сколько мадригаловъ и тщательно придуманныхъ комплиментовъ звучало подъ колоннами Благороднаго собранія!

Балы были новшествомъ и весьма недавнимъ. Широкое распространеніе они получили только въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка. И ворчливая, патріархальная старая Москва, скептически настроенная ко всякимъ новшествамъ и «французскимъ затѣямъ», возмущалась и язвила. Безстыдными казались классическіе женскіе костюмы, не скрывавшіе очертаній

тѣла, но еще болѣе зазорнымъ былъ обычай, позволявшій—«подойти при людяхъ къ дѣвицѣ изъ дворянскаго семейства и, обхвативъ ее за талію, вертѣть, какъ свою служанку!»

А другой язвительный вольтерьянецъ еще строже осуждаетъ балы: «Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоятъ въ блокадѣ, запираются непроходимою комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей: вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ» (1798 г.).

Одновременно съ балами стали входить въ моду и концерты, устраивавшіеся на вечерахъ въ частныхъ домахъ. Выступали преимущественно пріѣзжіе иностранцы—скрипачи и віолончелисты. Старшее поколѣніе страшно увлекалось картами—бостономъ и пикетомъ. Общую программу увеселеній на европейскій ладъ нарушали святки, которыя вся Москва по традиціонному русскому обычаю праздновала съ ряжеными и гаданьями. Вспоминались народныя пѣсни, гаданья и игры; къ барскимъ развлеченіямъ притягивалась и дворня. По Москвѣ разъѣзжали ряженые, или, какъ въ то время называли—маски. Въ домахъ, принимавшихъ незнакомыхъ масокъ, ставили свѣчи на окнахъ, и это служило сигналомъ.

Москвичи были страшные охотники до всякихъ зрѣлищъ и на все сильно реагировали. Пріѣзжалъ «венеціанскій кабинетъ восковыхъ фигуръ»,—вся Москва ѣхала смотрѣть, восхищалась, и даже журналы давали восторженные отзывы. Предпріимчивый нѣмецъ привозилъ физическій кабинетъ и поражалъ таинственными физическими опытами. Очень охотно посѣщали звѣринецъ и считали его поучительнымъ зрѣлищемъ. Въ перепискѣ уже упоминавшагося Булгакова съ сыновьями — есть интересное сообщеніе объ увлеченіи москвичей воздухоплаваніемъ въ первые годы XIX-го вѣка: «... въ Нескучномъ у Калужскихъ воротъ, товарищъ Гарлереня Александръ спустилъ шаръ, а поднявшись очень высоко, отрѣзалъ веревку и спустился благополучно на Дѣвичьемъ полѣ, но попалъ въ прудъ. Все сіе было хорошо, удачно и прекрасно» [1]).

Наивная дѣловитость, съ которой важный чиновникъ пишетъ о попавшемъ въ прудъ воздухоплавателѣ, необыкновенно характерна для психологіи культурнаго москвича начала XIX-го вѣка. Съ юношеской непосредственностью воспринимаетъ онъ всѣ впечатлѣнія окружающей жизни, легко воодушевляется, внимательно наблюдаетъ, ища во всемъ «пищи духу» и не замѣчая, какъ его любознательность переходитъ въ простое любопытство...

Развитое бездѣятельностью и романтическимъ чтеніемъ воображеніе вызываетъ любовь ко всевозможнымъ аллегорическимъ празднествамъ. Чествованіе побѣдъ и героевъ, семейныя торжества и важныя событія, при помощи несложныхъ аксессуаровъ и декорацій, дополняемыхъ подвижнымъ воображеніемъ, превращались въ миѳологическія сцены. Придумывалась цѣлая программа съ появленіемъ геніевъ, музъ, античныхъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 г., стр. 47.

боговъ и героевъ, исполнявшихъ соотвѣтствующія случаю кантаты или декламировавшихъ нарочно сочиненные стихи. И сѣдые, много видавшіе и пережившіе люди, какъ играющія дѣти, переносились въ сказочную обстановку, на театральныя подмостки и разыгрывали сложную аллегорію.

Подобное «соборное миѳотворчество», по нашей терминологіи, было въ большомъ ходу въ первое десятилѣтіе XIX-го вѣка. Связь его съ литературной начитанностью московскаго общества очевидна: воплощаются любимые образы классической поэзіи, утилизируется обычная бутафорія миѳологическихъ поэмъ: трофеи, вѣнки, завѣсы и амуры.

7-го марта 1806-го года кн. В. А. Хованскимъ былъ устроенъ праздникъ въ честь полководца Багратіона. Приводимъ цѣликомъ немного длинное, но любопытное по стилю описаніе торжественнаго чествованія героя: «Столовая была расписана трофеями; посреди стѣны портретъ Багратіона, подъ нимъ связка оружій, знаменъ и прочаго, около ея нѣсколько дѣвицъ, одѣтыхъ въ цвѣта его мундира и въ каскахъ à la Bagration (сдѣланныхъ на Кузнецкомъ мосту): сіе есть послѣдняя мода. Сколь скоро вошли въ залу, заиграла музыка. Княжна Наталья пѣла ему стихи, прерываемые хоромъ. Послѣ прочія дѣвицы поднесли ему лавровой вѣнокъ, и, взявъ за руки, повели его къ стѣнѣ, которая отворилась, т.-е. опустилась занавѣса. Въ семъ покоѣ сдѣланъ былъ театръ, представляющій лѣсъ. На концѣ написанъ храмъ славы; передъ храмомъ статуя Суворова: изъ-за нея вышелъ геній и поднесъ Багратіону стихи; а онъ, принявъ ихъ и прочтя, поклонился статуѣ и положилъ свой лавровый вѣнокъ при ногахъ статуи. Послѣ начался балъ. Все сіе было прелестно» [1]).

Нѣкоторое представленіе о веселомъ и праздничномъ складѣ московской жизни и объ экспансивности москвичей даетъ перечисленіе торжествъ, устроенныхъ въ 1807 году въ честь мира съ Франціей: «7-го іюля объявленіе о мирѣ пушками, благодарные молебны, обѣдъ въ залѣ Благороднаго собранія, данный Тутолминымъ, городъ иллюминованъ. 8-го—спектакль даромъ на Русскомъ театрѣ, 9-го—гулянье по всему бульвару (Тверскому) съ иллюминаціей, музыкою, пѣснями и пр. 10-го—въ Благородномъ собраніи маскарадъ для всѣхъ (выдано 400 билетовъ), ужинъ, иллюминація. 11-го—гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ, съ музыкою, иллюминаціею, фейерверкомъ на водѣ. 12-го—французскій спектакль даромъ. 13-го гулянье въ Дворцовомъ саду съ музыкою и освѣщеніемъ. 14-го купечество угощаетъ въ Брюсовской дачѣ въ Сокольникахъ обѣденнымъ столомъ. На полѣ для народа увеселенія, театры, качели и прочіе; садъ иллюминованъ съ картинами и фейерверкомъ».

Гулянья въ Нескучномъ, въ Дворцовомъ саду, разъѣзды «подъ Новинскимъ», 1-е мая въ «Нѣмецкихъ станахъ»—т.-е. Сокольникахъ, «семикъ» въ Марьиной рощѣ, въ то время оправдывавшей свое названіе,—таковы были общественныя развлеченія Москвы. Ими почти исчерпывался общественный бытъ.

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 г., стр. 291.

IV.

Для мужской половины московскаго общества притягательнымъ центромъ были клубы. Съ воцареніемъ Александра I и наступленіемъ либеральной эпохи клубы расцвѣтаютъ и занимаютъ видное мѣсто въ общественной жизни Москвы. Ѳ. Ростопчинъ писалъ въ 1803 году: «Въ настоящее время Москва помѣшалась на клубахъ, мужскихъ собраніяхъ и на страсти отличаться краснорѣчіемъ... и во всемъ этомъ одно только подражаніе».

Придирчивый Ростопчинъ не правъ: конечно, въ спокойной атмосферѣ барской Москвы, создавшей большое количество всякихъ чудаковъ, сплетниковъ и салонныхъ болтуновъ, не могъ въ клубахъ установиться вполнѣ серьезный тонъ, солидность и идейная выдержанность,—но все же потребность въ культурномъ общеніи была сильна, и клубы, прежде всего—«Англинской клубъ», управляли общественнымъ мнѣніемъ, оформливали зрѣющую политическую мысль. Въ клубахъ звучало свободное слово, въ нихъ крѣпло оппозиціонное настроеніе, проявлявшееся, правда, въ довольно невинныхъ формахъ. Тотъ же Ростопчинъ дальше дѣлаетъ указаніе на либерализмъ и самостоятельность дѣйствій членовъ Англійскаго клуба: «Бѣдный канцлеръ графъ Остерманъ»,—пишетъ Ростопчинъ,—«вообразилъ, что его примутъ въ Англійскій клубъ безъ баллотировки; но члены, и въ особенности всѣ стриженныя головы, подняли крикъ о нарушеніи клубнаго устава, и лишь послѣ многихъ хлопотъ удалось отстранить ихъ рѣшеніе противъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ» [1])...

Англійскій клубъ, привлекавшій къ себѣ наиболѣе культурныхъ представителей московскаго дворянства, поддерживалъ въ обществѣ интересъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ; дебатировались преимущественно вопросы иностранной политики, находившіе обильный матеріалъ въ тревожныхъ событіяхъ европейской жизни. Обсужденіе новостей и дебаты часто принимали каррикатурный характеръ, незамѣтно переходя въ сплетни и пересуды, но та страстность, съ которой принимались политическія новости въ Англійскомъ клубѣ, говоритъ о наличности серьезнаго интереса къ общественнымъ вопросамъ. Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ клуба даже поселился на Мясницкой, недалеко отъ почтамта, чтобы первымъ узнавать петербургскія новости и нести ихъ въ клубъ...

Но не одна жажда идейнаго общенія привлекала москвичей въ Англійскій клубъ. Здѣсь была отличная библіотека, выписывавшая всѣ журналы, здѣсь обѣдали, встрѣчались со знакомыми, а «проба новаго повара» въ Англійскомъ клубѣ, славившемся искусствомъ своихъ поваровъ, была крупнымъ событіемъ для веселящейся Москвы...

Культурные интересы московскаго общества конца XVIII-го вѣка были очень разнообразны. Интереса къ научнымъ вопросамъ почти не было, если не считать профессорской среды и немногочисленныхъ любителей-диллетантовъ. Научная эрудиція, требующая усидчивости и строгой спеціализаціи, считалась дѣломъ не дворянскимъ. Зато литературная об-

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 г., стр. 46.

Моды XIX вѣка.—Портретъ работы Боровиковскаго.

разованность, начитанность во французской, а позднѣе и въ классической литературѣ, небольшой багажъ философскихъ идей, освоенность въ вопросахъ эстетики—была необходимымъ minimum'омъ свѣтской культурности. Изощренные литературные вкусы, тонкость чувства и склонность къ «возвышеннымъ стремленіямъ духа»—таковы свойства благороднаго и образованнаго человѣка, по понятіямъ Москвы конца XVIII-го вѣка. Носителями этой литературной образованности, несмотря на свой барственный характеръ создавшей благопріятную почву для возникновенія русской литературы Карамзинскаго и Пушкинскаго періодовъ, было среднее московское дворянство, культурностью и образованностью завоевывавшее себѣ то положеніе въ обществѣ, которое неучамъ давало богатство или знатность рода. Сюда первымъ дѣломъ залетали новыя теченія западной мысли, послѣднія вѣянія европейской литературы. Здѣсь ихъ чутко усваивали, перерабатывали и пускали въ оборотъ, въ приспособленномъ къ русскимъ условіямъ и понятіямъ видѣ.

Среди молодежи этого дворянства формируется въ концѣ XVIII-го вѣка красивый типъ чувствительнаго мечтателя и задумчиваго романтика, прототипъ Ленскаго. Этотъ типъ, удивительно законченный и изящный самъ по себѣ, интересенъ для насъ еще и какъ литературный диллетантъ, восторженный поклонникъ Руссо и Стерна, робкій подражатель ихъ, поддерживавшій въ обществѣ интересъ къ литературѣ и творчеству.

Вниманіе общества къ литературѣ носило довольно оригинальный характеръ до послѣдняго десятилѣтія XVIII-го вѣка. О ней говорили, гордились тѣмъ, что русскіе поэты не уступаютъ иностраннымъ, но официальное стихотворчество «піитъ» мало задѣвало, интересовало только со стороны стихосложенія и языка тѣхъ немногихъ, кому эти вопросы были близки. Но читать уже любили, и «пищу духу» давала французская литература и поэзія. Въ библіотекахъ, наравнѣ съ Корнелемъ, Мольеромъ и Фенелономъ, можно было встрѣтить Вольтера,—энциклопедистовъ, Руссо, Парни, Шенье, фривольнаго Грекура и тысячу другихъ забытыхъ теперь французскихъ авторовъ. Большой спросъ былъ на переводную литературу, но, благодаря тому, что наиболѣе культурные слои русскаго общества не нуждались въ переводахъ и пользовались оригиналами, переводились преимущественно романы для лицъ средней культуры.

Такимъ образомъ создается, начиная съ 70-хъ годовъ, обширный циклъ своего рода Пинкертоновщины XVIII-го вѣка—романовъ, полныхъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, удовлетворявшихъ съ избыткомъ жаждѣ сильныхъ и необычныхъ переживаній. Основная тема этихъ затѣйливыхъ произведеній—любовь, преодолѣвающая многочисленныя препятствія и неизмѣнно торжествующая. «Анселина или необузданное стремленіе страстей», «Визирь, обманутый своимъ другомъ, или торжествующая невинность», «Лолотта и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ»—таковы увлекательныя заглавія излюбленныхъ романовъ.

Путешествуя по Волгѣ, Екатерина II писала Панину изъ Костромы: «...Какъ здѣсь я принята была! Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ весь

обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія...» Потребность этого «нервнаго моціона»,—по выраженію Ключевскаго,—слезливость и чувствительность—характерная психологическая черта русскаго барина конца XVIII-го вѣка. Онъ поролъ крѣпостныхъ, оралъ на старосту и рукоприкладствовалъ, а потомъ садился за романъ и проливалъ слезы надъ страданіями какихъ-нибудь «Нидерландскихъ любовниковъ». Эта нездоровая мечтательность, вмѣстѣ съ юношеской жаждой сверхъестественнаго и необычнаго привлекала къ страшнымъ романамъ. Надъ ихъ страницами совершали геройскіе подвиги гдѣ-нибудь въ горахъ Италіи или «Гишпаніи», убѣгали отъ преслѣдованія разъяренныхъ разбойниковъ, переносили всякія лишенія изъ-за любви и въ заключеніе—«увѣнчивали пламень сердца» въ скромномъ уютѣ пастушеской хижины. И важные баре, снявъ парики и шелковые камзолы, зачитывались романами, витая въ фантастическихъ странахъ...

На этой благодарной почвѣ выростаютъ чувствительныя повѣсти Карамзина и его элегическая поэзія. Онъ сумѣлъ найти матеріалъ для упражненій въ чувствительности въ самой будничной московской дѣйствительности. Успѣхъ «Бѣдной Лизы» былъ огроменъ. Повѣсть пріобрѣтаетъ не только сотни читателей, но и десятки подражателей. Иначе и не могло быть: мечты сразу получили ощутительную яркость. Москва стала центромъ романтическихъ приключеній: можно было отправиться въ Симоновъ монастырь къ Лизиному пруду и переживать всѣ страданія и радости несчастной дѣвушки...

За Карамзинымъ потянулись свѣтскіе подражатели. Его поэзія оказалась еще болѣе вліятельной, чѣмъ повѣсти. Литературная образованность эпохи дѣлаетъ широко распространившуюся въ Москвѣ диллетантскую поэзію изящной, отлично владѣющей формой. Громадное большинство образованныхъ молодыхъ людей сочиняетъ мадригалы, эпитафіи, дружескія и насмѣшливыя эпиграммы, пѣсни и «стихи для милыхъ». Темы этой поэзіи идиллически вращаются около любви, горести разлуки и радости свиданія, въ нѣжныхъ словахъ описываются добродѣтели и красоты любезной. Доступность и простота начинаютъ привлекать къ русской поэзіи тѣхъ, кто раньше безпомощно сторонился отъ высокопарныхъ одъ.

Приведемъ нѣсколько образцовъ этой поэзіи, начиная отъ Карамзина, его послѣдователей и безымянныхъ подражателей. Ея мѣсто не въ исторіи литературы, но въ исторіи культуры, потому что эти диллетантскія произведенія не выдаются изъ массоваго уровня, не являются индивидуальнымъ творчествомъ. Это скромныя песчинки той культурной почвы, на которой расцвѣлъ талантъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина.

Очень типиченъ мадригалъ Карамзина «Къ лѣсочку Полины»:

Тебя, лѣсочекъ, насадила
Полина собственной рукой:
Кому же посвятила?—
«Богинѣ прелестей»—Итакъ, себѣ самой»

М. А. Нарышкина, урожд. Четвертинская.

Или граціозная «Надпись къ портрету жестокой»:

Любезна всѣмъ сердцемъ любезная моя:
А ей любезенъ кто?.. не знаю, но не я!

В. Капнисту, автору «Ябеды», принадлежитъ нѣжное стихотвореніе, расходившееся по безчисленнымъ альбомамъ,—«Скромное признаніе въ любви»:

Ахъ! пойду разсѣю скуку
По лѣсочкамъ, по лугамъ.
Тайную, сердечну муку
Эхомъ томнымъ передамъ.
Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по немъ здѣсь слезы лью.
Пусть хотя чрезъ васъ узнаетъ
То, чего сказать нѣтъ силъ:
Что по немъ душа страдаетъ;
Безъ него и свѣтъ не милъ.
Эхи! пристально внимайте:
Если милый мой вздохнетъ,
Вздохъ скорѣй мнѣ передайте!—
Сердце лишь отвѣта ждетъ.

Много сочинялось пѣсенъ; изъ нихъ нѣкоторыя совсѣмъ еще недавно пѣлись въ глухой провинціи, да пожалуй не забыты и сейчасъ. Приводимая прелестная пѣсенка, очаровательная по своей граціозной наивности, принадлежитъ кн. Хованскому, одному изъ друзей Карамзина:

Я вечоръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.
Долго, долго я ходила.
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ;
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ.
И цвѣточка голубова
Я въ долинѣ не нашла,
Безъ цвѣточка дорогова
Я домой было пошла.
Шла домой съ душой унылой;
Недалеко отъ ручья
Вижу я цвѣточекъ милой,
Вмигъ его я сорвала.
Незабудочку сорвала,
Слезы покатились вдругъ.
Я вздохнула и сказала:
«Не забудь меня, мой другъ!
Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь самъ себя.
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!»

---

1) «Русскій Архивъ», 1875 г., стр. 217.

Съ начала 90-хъ годовъ культурный подъемъ Москвы создаетъ цѣлый рядъ журналовъ и альманаховъ. Первымъ появляется въ 1791 году «Московскій журналъ» Карамзина. За нимъ слѣдуютъ обильные альманахи съ миѳологическими названіями, наполненные преимущественно произведеніями и переводами воспитанниковъ Благороднаго университетскаго Пансіона.

Въ обществѣ появляются литературные кружки, — скромный отзвукъ парижскихъ салоновъ. Въ характерныхъ выраженіяхъ Воейковъ описываетъ [1]) дѣятельность одной изъ такихъ культурныхъ ячеекъ: «Въ сихъ бесѣдахъ время посвящено было пользѣ и удовольствію. Здѣсь не приносили жертвъ ни бостону, ни лото; не очерняли злорѣчіемъ добраго имени ближнихъ: занятія были благородны. Дамы собирались съ своими рукодѣліями; почтенные старцы, прославившіеся на полѣ чести или при дворѣ Великой,—разсказывать опыты прошедшаго и смягчать уроки свои той пріятностью, которая невольно пріобрѣтается въ кругу нѣжнаго пола; молодые люди—образовать вкусъ, повѣрять мечты своего уединенія и пріобрѣтать искусство дѣлать свои таланты общеполезными. Дарованія ума расширялись легко и пріятно; разсудокъ доходилъ до важнѣйшихъ истинъ по путямъ, усѣяннымъ цвѣтами; сердце наслаждалось удовольствіями истинными, возвышенными. Питая въ душѣ любовь къ отечеству, читали образцовыя творенія и переводы отечественныхъ нашихъ писателей; разбирали ихъ критически; творцовъ одного рода сравнивали между собою; переводы свѣряли съ подлинниками; и радовались, что многіе не отстали отъ образцовъ своихъ, а нѣкоторые даже превзошли ихъ; радовались всякому, самому малому, успѣху согражданъ».

Въ допожарной Москвѣ эти кружки не имѣли того значенія и вліянія, которымъ они стали пользоваться позднѣе въ серединѣ 20-хъ годовъ.

Говоря о литературной жизни Москвы, нельзя обойти молчаніемъ сатирической литературы, широко распространенной не только въ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, но и въ рукописныхъ спискахъ. Начало было положено Новиковскимъ «Трутнемъ», вышедшемъ въ 1760 году, обличавшимъ «придворнаго человѣка». Безконечно мѣняя объектъ своихъ язвительныхъ стрѣлъ, сатирическая литература процвѣтала на всемъ протяженіи изучаемой нами эпохи. Одни обличаютъ французоманію и модничество, безбожіе и пустоту, другіе — косность, патріархальную неподвижность; такимъ образомъ неистощимый матеріалъ для сатирическихъ обличеній давала самая разнородность общественныхъ группъ Москвы.

Съ 1790-го по 1792-й годъ выходилъ журналъ «Сатирическій Вѣстникъ». Его сатира была направлена противъ всѣхъ буквально слоевъ московскаго общества, начиная отъ вельможъ и кончая приказными и поэтами: «Знатнымъ человѣкомъ почитается здѣсь тотъ, который имѣетъ высокій домъ, карету; который напивается до пьяна, но токмо добрыми винами, страдаетъ подагрою и имѣетъ позывъ на ѣду отъ помощи своего

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1810 г.

доктора. Который чхаетъ и шпоетъ, видится съ женою только въ гостяхъ, съ дѣтьми же встрѣчается по нечаянности и спрашиваетъ объ ихъ имени. Къ которому нельзя подходить ближе десяти шаговъ».

Чтобы устыдить писателей, приводится такса «умопроизведеній» молодого піиты:

1) «За хорошіе, острые, нѣжные, плавные и на заказъ писанные любовные стихи—два рубля.

2) За простые же и безъ дальнихъ околичностей писанные—пятнадцать копѣекъ.

3) Ода благодѣтелю или знатному человѣку—тридцать пять копѣекъ.

4) Сатира на непріятеля, готовая—тридцать пять копѣекъ.

5) За сатиру, въ коей нужно обругать безпорочнаго человѣка—пятьдесятъ копѣекъ».

Такимъ злымъ старческимъ брюзжаньемъ наполнялись десятки и сотни страницъ...

Осмѣяніе модныхъ обычаевъ и свѣтской пустоты, идущее преимущественно изъ масонскихъ круговъ, бывало часто очень остроумно, мѣтко и ядовито. Въ 1791 году появилась двухтомная «Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и женіховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и пр.», съ удивительной зрѣлостью мысли осмѣивающая всѣ курьезныя и легкомысленныя стороны московской жизни. Остріе обличеній, однако, не идетъ дальше мелочей быта и свѣтскаго времяпровожденія. Общій тонъ сатиры добродушно насмѣшливый, навѣрное, болѣе веселившій, чѣмъ коловшій. И большой спросъ на сатирическія произведенія объясняется тѣмъ, что въ нихъ видѣли забавное и легкое чтеніе, возможность посмѣяться въ дружескомъ кругу.

Сатирическая оппозиція модничеству иногда выливалась въ форму невинныхъ демонстрацій, публично осмѣивающихъ то или другое нововведеніе. Въ первые годы XIX-го столѣтія старшее поколѣніе москвичей было возмущено завезенной изъ Парижа модой носить очки. Очки и стриженный затылокъ—признакъ либерализма, дерзкій вызовъ установившимся обычаямъ. Въ № 36 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1802 годъ находимъ описаніе сатирической демонстраціи противъ очковъ, устроенной на первомайскомъ гуляньи въ Сокольникахъ: «...Между чрезвычайнаго множества экипажей была лошадь, довольно странно убранная. Молодой поселянинъ держалъ за узду молодую, трехъ лѣтъ, чалую лошадь, на которой были очки, величиною вершка въ 4 въ діаметрѣ и обдѣланныя въ широкихъ полосахъ жести. Между очками по переносью подписано крупными литерами: «а только 3 лѣтъ». Лошадь въ очкахъ возбудила и общее любопытство, и общій смѣхъ, и кто не спрашивалъ у поселянина, зачѣмъ лошадь въ очкахъ, онъ отвѣчалъ, что въ его селѣ всѣ лошади видятъ, а молодыя всѣ непремѣнно смотрятъ въ очки...»

Для характеристики общественныхъ условій московской жизни начала вѣка интересно отмѣтить, что это невинное сообщеніе въ газетѣ вызвало тревожную переписку генералъ-губернатора съ директоромъ Мос-

ковскаго университета. Негодующій губернаторъ желалъ узнать—«...отъ кого оное извѣстіе для внесенія въ Вѣдомости доставлено, и какимъ правиломъ руководствуясь, помѣстила типографія въ газетѣ происшествіе, въ самой почти Москвѣ случившееся, безъ вѣдома и согласія начальника сей столицы» [1])...

Рукописная сатира сплошь и рядомъ была наполнена нападками и намеками на отдѣльныхъ лицъ. При достаточно констатированной склонности Москвы къ сплетнямъ, такія произведенія пользовались большимъ успѣхомъ и расходились въ сотняхъ писанныхъ экземпляровъ. Для удобства обличенія отдѣльные выпады объединялись въ цѣлую поэму подъ заглавіемъ «Тверской бульваръ» или «Прѣсненскіе пруды» и иногда своими нападками вызывали административное разслѣдованіе.

Этой обывательской литературѣ, шедшей изъ полукультурныхъ слоевъ московскаго общества, надо противопоставить крылатыя, остро отточенныя эпиграммы, бывшія въ большомъ ходу въ литературной средѣ ближе къ 1812-му году и послѣ него.

V.

Въ первые годы XIX-го вѣка московское общество переживаетъ очень значительную эволюцію, мѣняющую до неузнаваемости его міровоззрѣніе и жизненный темпъ. На смѣну благодушному барству, жаждущему только веселаго покоя и чувствительныхъ грезъ, быстро приходитъ бурная, ищущая дѣятельности и борьбы, молодежь, одушевленная героическими идеалами, одинаково воспитанными и знакомствомъ съ классической литературой и свѣжими вѣяніями французской революціи.

Съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I въ Москвѣ формируется, преимущественно среди военной молодежи, новый типъ героическаго мечтателя, воина и борца, словно предвѣщающаго уже близкій 1812-й годъ. Наружно проявляется это новое настроеніе въ разгульномъ удальствѣ, въ лихости и щедромъ разбрасываніи своихъ силъ, въ игрѣ жизнью и опасностью. Безвольная старческая мечтательность 1790-хъ годовъ меркнетъ передъ бурнымъ кипѣніемъ силъ, жаждой подвиговъ и славы.

Грандіозныя событія французской революціи, походы Наполеона, кипучія силы молодого народа, еще только пріобщившагося къ культурѣ и гордаго этимъ, наконецъ, пресловутый русскій размахъ, заставлявшій однихъ устраивать гомерическіе пиры и строить огромные дворцы, другихъ—играть своей жизнью, какъ копейкой,—воодушевляли и поддерживали эту мятежную удаль.

И все сильнѣе бродила она въ русской молодежи съ каждой вѣстью о новыхъ побѣдахъ Наполеона, когда казалось, что ему уже покоренъ весь міръ, и только Россія способна противостоять великому завоевателю...

Идея борьбы съ Наполеономъ, стихійная вражда къ «разбойнику Бонапарту» и горделивое сознаніе, что на Россіи лежитъ миссія его укрощенія, появилась въ московскомъ обществѣ задолго до 1812-го года. Однимъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1876 г., стр. 379.

изъ главныхъ очаговъ растущаго національнаго самосознанія и патріотическаго воодушевленія были клубы, благодаря господствовавшему въ нихъ интересу къ европейской политикѣ. Мысль о борьбѣ съ Наполеономъ зарождалась, какъ оппозиціонная идея, въ головахъ тѣхъ, кого консерваторы честили «стриженными затылками». Она выростала, какъ отзвукъ великой любви къ свободѣ и рѣшенію міровыхъ задачъ, завѣщанной французской революціей. Странно сплеталось недавнее преклоненіе передъ Наполеономъ съ сознаніемъ неизбѣжности борьбы... Ближе къ 1812-го году появляются эпиграммы на Бонапарта и его сподвижниковъ, патріотическое одушевленіе выливается въ грубыхъ формахъ, потому что свѣтскій лоскъ, тѣсно связанный со всѣмъ французскимъ, казался чѣмъ-то несовмѣстимымъ съ патріотизмомъ. Утонченная культурность считалась иноземнымъ продуктомъ: становясь патріотами, беря русскій тонъ, приближаясь къ «поселянамъ», баре становились нарочно грубыми и разнузданными. Карикатуры Теребенева, афиши Ростопчина и патріотическіе стишки кажутся созданными другими людьми, не тѣми, кто такъ мастерски писалъ любовные стихи и мадригалы, кто плакалъ надъ «Бѣдной Лизой» и «Марьиной рощей»!

Несмотря на взрывъ патріотизма, освободиться отъ всего французскаго было трудно, даже невозможно, и патріотизмъ кажется маской, которую вдохновенно надѣвали и охотно носили, но въ обыденной жизни снимали и оставались съ прежнимъ чужеземнымъ обликомъ. Возненавидѣть Наполеона удалось послѣ 1807-го года, но возненавидѣть французскій языкъ, парижскія моды и вина было гораздо труднѣе. Англійская путешественница, миссъ Вильмотъ, посѣтившая Москву въ 1806 году, замѣчаетъ по этому поводу: «...подражаніе французамъ гораздо болѣе удивляетъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, который дѣйствительно служитъ центромъ для всякаго рода иностранцевъ... есть что-то дѣтское въ ихъ нападкахъ на Бонапарта и французовъ, когда они не могутъ съѣсть своего обѣда, если онъ не приготовленъ французскимъ поваромъ, когда они не могутъ воспитать своихъ дѣтей безъ разныхъ искателей приключеній изъ Парижа...»

Роль французовъ въ воспитаніи русскаго юношества была громадна, но, кромѣ уже достаточно извѣстныхъ отрицательныхъ чертъ, было и нѣчто положительное въ воздѣйствіи французскихъ воспитателей-эмигрантовъ на поколѣніе, вынесшее на своихъ плечахъ тягость войны 1812-го года.

Москва была центральной биржей, поставлявшей иностранцевъ учителей во всѣ концы помѣщичьей Россіи. Воспитатели, по большей части набиравшіеся изъ эмигрантовъ, выгнанныхъ революціей, мало соотвѣтствовали своему назначенію, но большая часть родителей не вникала въ тонкости педагогическихъ вопросовъ. Нуженъ былъ французъ—нанимали подходящаго по цѣнѣ. Иногда воспитатель привлекалъ вниманіе барина какимъ-нибудь постороннимъ талантомъ,—игрой на флейтѣ или мастерской дрессировкой собакъ. Въ самой Москвѣ и подъ Москвой, а также и въ высшемъ слоѣ дворянства, воспитаніе дѣтей было поставлено болѣе тщательно, иногда сопровождалось такой щедростью и размахомъ, что является сомнѣніе въ цѣлесообразности такого обилія учителей и воспитателей.

Учили языкамъ иностранцы, русскіе преподаватели, цѣнившіеся, кстати сказать, дороже иностранцевъ, исторіи и географіи. Танцы и музыка заканчивали воспитательный циклъ. Такимъ образомъ, образовательная программа строилась чисто эмпирически, исходя изъ требованій, предъявляемыхъ обществомъ къ интеллигентному молодому человѣку, и совершенно не вытекала изъ какой-либо идеи о совершенномъ типѣ человѣка.

Воспитаніе домашнее предпочиталось общественному, и только люди малосостоятельные отдавали своихъ дѣтей въ пансіоны. Такъ разбросанно и безсистемно воспитывалось русское дворянство, дополняя свое образованіе поѣздками за границу, самостоятельнымъ чтеніемъ и общеніемъ съ культурной средой.

Бѣжавшіе отъ ужасовъ революціи эмигранты, наводнявшіе Москву и Петербургъ—разоренные маркизы, кавалеры, разъяренные аббаты, вся эта взбудораженная и встревоженная масса была встрѣчена русскимъ барствомъ съ раскрытыми объятіями. Громы революціи напугали всѣхъ, даже фрондирующихъ московскихъ вольнодумцевъ. Прежніе воспитатели-эмигранты, спасавшіеся отъ преслѣдованій монархіи, атеисты, демократы и республиканцы вернулись въ отечество. Достаточно благонадежные маркизы и аббаты заняли ихъ мѣсто. Негодующіе и мечтающіе о мщеніи, педагоги новаго склада не уставали проповѣдывать русскому юношеству объ ужасахъ революціи, поддерживать его аристократическія чувства, полемизировать съ демократическими и революціонными идеями.

И молодое поколѣніе росло въ бурной атмосферѣ, съ вниманіемъ привлеченнымъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, съ сознаніемъ возможности и необходимости активной дѣятельности. Сѣявшіе вѣтеръ, пожали бурю,—и поколѣніе, вступившее въ жизнь въ первое десятилѣтіе XIX-го вѣка, умѣло мыслить и хотѣло дѣйствовать, и лѣнивый эпикуреизмъ стараго барства привлекалъ его меньше всего...

Подводя итоги нарисованной картинѣ быта и культуры, нужно дать отвѣтъ на вопросъ, что же представляло собой московское общество на рубежѣ столѣтій, каково было его міровоззрѣніе, его доминирующее настроеніе, его религія. Словомъ—найти тотъ таинственный X, который долженъ остаться отъ каждой личности, если вынести за скобки все индивидуальное, случайное и наносное.

Веселящійся характеръ московской жизни не случаенъ. Въ немъ отблески того граціознаго наслажденія свѣтскими удовольствіями, которое царило въ высшихъ кругахъ дореволюціонной Франціи, этой царицы XVIII-го вѣка. Для тихой и богобоязненной Москвы насталъ вѣкъ шумной жизнерадостности, поверхностно и внѣ связи съ жизнью думающей. Отсутствіе активности, идеализма и воли, характерное для послѣднихъ десятилѣтій королевской Франціи, сказалось и въ бытѣ барской Москвы и придало ея культурѣ мимолетный и неглубокій обликъ. Вліяніе освободительной философіи и неизбѣжный результатъ соприкосновенія варваровъ съ цвѣтущей культурой,—опьяненіе роскошью и внѣшнимъ богатствомъ ощущеній, разрушило патріархальное христіанское міровоззрѣніе, сохранивъ лишь официальную оболочку обязательнаго культа. Мыслъ отошла

къ земному, не рвалась въ высь, работала лѣниво и чаще тѣшилась собственной изощренностью. Единственное глубоко философствующее идейное движеніе—масонство проходило внѣ воздѣйствія на жизнь, оставалось кабинетной мистикой,—для массы, конечно, а не для дѣятелей новиковскаго кружка. Масонъ Юшковъ могъ одновременно предсѣдательствовать въ ложѣ и задавать у себя въ деревнѣ пьяные пиры, поражавшіе видавшихъ виды сосѣдей.

Другая черта московской жизни, тѣсно связанная съ первой, потому что тамъ, гдѣ только танцуютъ, любятъ и пишутъ стихи для милыхъ, изгоняется злоба, нарушающая безмятежный покой,—безконечное барское добродушіе, котораго не нарушала и весьма развитая страсть къ сплетнямъ. Уваженіе къ вельможамъ, покорное признаніе ихъ величія и добродѣтели, и, съ другой стороны, ихъ покровительственное радушіе и щедрость просвѣщенныхъ феодаловъ, опредѣляли внѣшнюю сторону соціальныхъ отношеній.

Несмотря на общій жизнерадостный тонъ быта, пессимизмъ,—мудрое сознаніе скоротечности жизни было прочно усвоенной и при этомъ модной идеей. Она не подавляла людей и не мѣшала веселиться, потому что была всего только одной изъ привычныхъ позъ, а не истиной, добытой страданіями и тяжелымъ опытомъ. Вотъ любопытная исповѣдь одной изъ дочерей вѣка графини Эделингъ: «Мнѣ шелъ 17-й годъ, и въ это памятное мнѣ время я научилась познавать ничтожество жизни. Лѣто прошло быстро и очень пріятно, и мы собирались назадъ въ Петербургъ, какъ заболѣла моя сестра и черезъ три мѣсяца страданій, попеченій и тревоги скончалась. Я лишилась друга и спутницы въ жизни. Душа моя, удручаемая горемъ и усталостью отъ ухода за родителями, находила себѣ отраду въ грустныхъ мечтаніяхъ, которыя я изливала на бумагу. Къ грусти моей примѣшивалась нѣкоторая сладость, такъ какъ я страдала съ самоотреченіемъ, и надежда никогда меня не покидала» (1805 г.).

Мысль о суетности жизни была готовой формулой, взятой изъ литературы и усваивавшейся чуть не съ первыхъ шаговъ сознательной жизни. Но дальнѣйшихъ выводовъ не дѣлали, а если и дѣлали, то не примѣняли къ жизни. Безпринципность общества замѣчаетъ и наблюдательная современница: «Въ ходу много идей, но мало принциповъ, мало идеаловъ, которые, внѣдряясь въ умы, имѣли бы на дѣйствія людей рѣшительное вліяніе. Есть у насъ умственная дѣятельность. но она скорѣе проявляется въ постоянномъ отрицаніи, чѣмъ въ дѣйствительномъ прогрессѣ; презрѣніе къ прошлому, плодъ равнодушія и гордости; такое глубокое равнодушіе къ будущему, что для минутнаго благосостоянія приносятъ въ жертву будущія поколѣнія, лишаютъ состоянія дѣтей своихъ, ограбивъ своихъ отцовъ; разнообразные планы, схватываемые и бросаемые съ одинаковой быстротой; дерзость въ проектахъ и робость въ приведеніи ихъ въ дѣйствіе»... (1810 г.) [1]).

Можетъ быть, эта характеристика слишкомъ сгущаетъ краски, но надо согласиться съ ней, что въ началѣ вѣка въ Москвѣ жили люди, не вол-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1900 г., стр. 178. Записки Сакенъ.

нуемые никакими идеалами, почти не задѣваемые общественными и политическими вопросами, незнакомые съ «проклятыми» сомнѣніями, ясно и просто смотрящіе въ жизнь, принимающіе ее ради ея самой.

Никогда еще такъ не веселилась Москва, какъ въ зиму 1812-го года. Балы слѣдовали за балами, всеобщее веселье увлекало даже стариковъ и скупыхъ, начинавшихъ жить во-всю, строившихъ великолѣпныя палаты, дававшихъ пиры и балы. Молодежь бѣсилась, простой народъ усиленно пьянствовалъ и буянилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и тревога, все опредѣленнѣе становились неясныя предчувствія. Носились зловѣщіе слухи, приближались къ русскимъ границамъ полчища Наполеона, уже неминуемой казалась великая битва... Уже были зловѣщія предзнаменованія: кровавая комета блистала на московскомъ небѣ; мучительная напряженность, томительное затишье передъ бурей выливалось въ бѣшеномъ весельи.

Танцовала молодежь, словно чувствовала, что многіе не вернутся съ кроваваго поля. Старшіе веселились, потому что и они хотѣли быть молодыми въ годину великаго напряженія. Барская Москва доживала свои послѣдніе дни. Съ роскошными дворцами и тѣнистыми парками погибла и яркая полоса московской жизни. Городъ воскресъ, но люди уже стали не тѣ: міръ новыхъ идей нахлынулъ бодрой волной, и Москва, возставшая изъ пепла, и жизнь, сначала робко ютившаяся на развалинахъ прошлаго, ужъ были не тѣ, что до пожара...

VI.

Самое ощутительное и красивое, что осталось намъ отъ дворянскаго быта допожарной Москвы, это «подмосковныя»,— старыя барскія усадьбы. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка почти всѣ родовитые московскіе баре заводятъ себѣ въ окрестностяхъ Москвы роскошныя дачи, по богатству и великолѣпію часто превосходящія городскіе дома, и здѣсь проводятъ лѣтнюю половину года. Такимъ образомъ, подмосковная усадьба противопоставлялась далекимъ захолустнымъ деревнямъ. Провинціальныя помѣстья служили хозяйственнымъ интересамъ, подмосковныя же были приспособлены для господскаго житья, и въ нихъ собственно и развертывается то своеобразное и красивое явленіе русской жизни, которое мы опредѣляемъ терминомъ «усадебная культура».

Слово «подмосковная», получившее распространеніе въ концѣ Екатерининскаго царствованія, нужно понимать немного шире его логическаго значенія: подмосковныя часто были расположены въ уѣздахъ Московской губерніи, а иногда захватывали и сосѣднія съ нею губерніи.

Еще много старыхъ барскихъ усадебъ доживаетъ свой долгій вѣкъ въ разныхъ концахъ Россіи, но лучшія, какъ въ смыслѣ стильности и сохранности, такъ и по своей художественности, почти всѣ принадлежатъ къ числу подмосковныхъ. Онѣ строились и украшались лучшими мастерами своего времени, наполнялись художественными произведеніями; въ громадныхъ паркахъ щедро разбрасывались декоративныя сооруженія; до сихъ поръ служащія для житья, подмосковныя въ большинствѣ старательно поддерживаются своими владѣльцами, и если не сохранили прежняго ве-

ликолѣпія во всей его ширѝ, то все же служатъ любопытнымъ памятникомъ эстетическихъ вкусовъ и культурныхъ потребностей стараго барства.

Эпидемія усадебнаго строительства, охватившая русское дворянство во второй половинѣ XVIII-го вѣка, глубоко коренится въ той новой житейской философіи, которая пришла на смѣну придворной безпринципности Елизаветинскаго царствованія. Долго русскій европеецъ жилъ не философствуя, веселился и выслуживался, льстилъ и угождалъ при дворѣ; всѣ духовныя силы были направлены на интриги и придворную борьбу, и даже тѣ, кто чувствовалъ въ своей душѣ творческія силы, писалъ стихи и рисовалъ — безбожно льстя, унижаясь и прославляя несуществующія добродѣтели. При такомъ узко стяжательномъ настроеніи всѣ идеалы вращались вокругъ двора и палатъ вельможъ, откуда щедро сыпались чины, ордена и денежныя награды.

Затѣмъ въ 70-хъ годахъ, отчасти подъ живительнымъ вѣяніемъ французской философіи, обездѣнившей идеалы и радости свѣтской суеты, но еще въ большей степени благодаря экономической самостоятельности дворянства, позволявшей ему не дорожить крохами съ придворнаго стола, въ литературѣ начинается упорная переоцѣнка всѣхъ понятій придворнаго человѣка. Творчество Державина, немало послужившее самой приторной и разсчетливой лести, начинаетъ звучать совершенно противоположными мотивами. Пѣвецъ Фелицы, ея щедрости и добродѣтели, становится проповѣдникомъ уединенія, покоя, отказа отъ тревожной славы и чиновъ... Если раньше по поводу посѣщенія Императрицей камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой поэтъ «восклицалъ»:

О напа маты! Сердецъ царица!
О ангелъ, а не человѣкъ!
О кротка Сѣвера денница!
Сіяй и озаряй насъ ввѣкъ.
Тобой блаженство мы вкушаемъ,
Тобой мы дышемъ и живемъ,
Тебѣ сердца мы посвящаемъ
И благодарну пѣснь поемъ...

то теперь, подъ вліяніемъ новыхъ настроеній, Державинъ переходитъ къ анакреонтическимъ пѣснямъ, грезитъ о пастушеской и сельской жизни, потому что—

...не надо звучныхъ строевъ:
Перекладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

И жизненная программа, диктуемая новой философіей, идетъ въ разрѣзъ не только съ придворнымъ этикетомъ, но и является вызовомъ тѣмъ, кто считаетъ, что лишній орденъ или чинъ можетъ дать счастье человѣку:

Сосѣдъ! на свѣтѣ все пустое:
Богатство, слава и чины:
А если за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены,—

То здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Теряютъ смыслъ и красоту не только придворныя почести и свѣтскія удовольствія, но и воинская слава:

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть?
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить!

Конечно, въ этихъ обличеніяхъ и ироническихъ выпадахъ противъ всякой дѣятельности, нельзя видѣть особой зрѣлости мысли, жажды искренности и практической честности. Панегирикъ лѣнивому покою говоритъ объ отказѣ отъ жизни, отъ творчества и борьбы, отъ всего, что нарушаетъ тихое благодушіе въ объятіяхъ сытости и праздности. Отказъ отъ активной роли былъ первымъ симптомомъ упадка русскаго дворянства, выразившагося въ направленіи всѣхъ душевныхъ силъ на созданіе красивыхъ и уютныхъ формъ жизни. Въ поискахъ покоя и сельскихъ радостей, казавшихся особенно желанными въ видѣ контраста съ опротивѣвшей городской суетой, дворяне создаютъ себѣ красивые «Эрмитажи», въ которыхъ, не отказываясь отъ удобствъ культуры, пользуются всѣми преимуществами деревенской жизни. «Здѣсь въ объятіяхъ пріятной природы,—мечталъ чувствительный баринъ,—подъ сладкое журчанье ручейковъ, подъ пѣнье хора сельскихъ нимфъ, отдавая дань музамъ, проведу я спокойные дни свои...»

Въ этихъ убѣжищахъ, созданныхъ для идилліи, наслажденія и покоя, все должно быть красиво и поэтично. Изъ всѣхъ затѣй русскаго барства самыя грандіозныя—подмосковныя усадьбы. Въ основѣ усадебной культуры не лежало никакой ни экономической, ни соціальной необходимости. Удовлетворенное барство, овладѣвшее всѣми матеріальными благами міра и отказавшееся отъ тѣхъ тяжелыхъ духовныхъ благъ, которыя не вяжутся съ идеаломъ животнаго благополучія, строитъ и украшаетъ усадьбы, устраиваетъ пышныя празднества и веселится. Отказъ отъ политической и общественной роли привлекаетъ праздное барство къ искусству и литературѣ, создаетъ въ нихъ небывалую эпоху расцвѣта,—и въ этихъ неумирающихъ культурныхъ цѣнностяхъ историческое оправданіе безволія русскаго барства...

Дворянскія усадьбы XVII-го вѣка и первой половины XVIII-го никогда не достигали той степени роскоши, которую мы встрѣчаемъ въ усадьбахъ позднѣйшихъ. Барскіе хоромы строились изъ дерева, въ обычномъ типѣ русскихъ деревенскихъ построекъ. Ихъ окружали многочисленныя службы—такія же рубленыя избы. Сельская жизнь не привлекала выс-

Домъ въ паркѣ А. Г. Найденовой въ Москвѣ.

шаго дворянства, и, главное, не родилась еще мысль о возможности окружить себя въ деревнѣ всѣмъ богатствомъ городской жизни. Единственное, что составляло гордость усадьбы, и для украшенія чего не жалѣлись никакія средства, это—храмы. Отъ деревянныхъ усадебъ XVII-го вѣка конечно не осталось и слѣдовъ, но великолѣпныя церкви, разсыпанныя по деревнямъ московской и сосѣднихъ губерній, строившіяся преимущественно изъ камня, до сихъ поръ служатъ лучшимъ памятникомъ подмосковныхъ боярскихъ вотчинъ. Чудныя барочныя церкви, воздвигнутыя вокругъ Москвы въ вотчинахъ Нарышкиныхъ, создаютъ особый «нарышкинскій» стиль, гораздо слабѣе представленный въ самой Москвѣ. Церкви, строенныя боярами, часто превосходятъ храмы государевыхъ вотчинъ. Созданіе загородныхъ резиденцій усиленно культивировалось Петромъ Великимъ, положившимъ основаніе Петергофу, Стрѣльнѣ, Царскому Селу, Екатерингофу; примѣру Императора послѣдовали нѣкоторые приближенные, но эти загородные дома прививались слабо, почти всѣ ютились вокругъ Петербурга и строились больше изъ почтенія и угодливости, чѣмъ по дѣйствительной потребности.

Первыя попытки европеизировать завѣтныя родовыя гнѣзда, приспособить ихъ къ новымъ потребностямъ быта и украсить сообразно съ новыми понятіями о красотѣ, начинаются въ серединѣ XVIII-го вѣка. Едва ли не первыми воздвигаютъ такія усадьбы братья Разумовскіе, Алексѣй и Кириллъ, украшающіе свои многочисленныя малороссійскія деревни невиданными дворцами и храмами. Ни одна усадьба временъ Елизаветы не дошла до насъ цѣликомъ, остались или церкви, или хранящіе старую планировку парки, или до неузнаваемости перестроенные дворцы. Но Елизаветинскія усадьбы, насколько можно судить о нихъ по гравюрамъ и описаніямъ современниковъ, не создали какого-либо особаго типа построекъ и украшеній, приспособленнаго къ потребностямъ жизни въ деревнѣ: тѣ же вычурные растрелліевскіе дворцы переносились въ глушь Россіи и оставались частицами Петербурга или Москвы.

Въ бывшихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ,—Петровскомъ, Горенкахъ, Перовѣ,—не сохранилось никакихъ слѣдовъ Елизаветинскихъ сооруженій. О характерѣ бывшихъ тамъ усадебъ можно судить по тому, что Елизавета, выстроившая въ Перовѣ дворецъ для Алексѣя Разумовскаго, велѣла потомъ по тому же проекту строить дворецъ въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, русская архитектура временъ Растрелли знала только одинъ типъ вычурнаго раззолоченнаго дворца, изобилующаго скульптурными украшеніями и деревянной рѣзьбой, одинаково эффектнаго и на набережной Невы, и среди подмосковныхъ перелѣсковъ, и въ просторѣ украинскихъ степей.

Лучшія подмосковныя по своему архитектурному облику связаны съ расцвѣтомъ. классицизма, и не даромъ при словахъ «старая усадьба» въ воображеніи русскаго человѣка встаетъ бѣлый домъ съ колоннами и фронтономъ. Этотъ типъ подмосковныхъ складывался между 1780-мъ и 1790-мъ годомъ, въ періодъ оживленія барской Москвы. Первой усадьбой «большого стиля» было шереметевское Кусково, уже въ 1780 году пора-

зившее такого избалованнаго цѣнителя, какъ австрійскій императоръ Іосифъ II [1]). Примѣру П. Б. Шереметева, создавшаго «московскую Версаль», послѣдовали другіе, осѣвшіе въ Москвѣ, вельможи, и къ концу вѣка въ окрестностяхъ Москвы возникаетъ нѣсколько десятковъ красивыхъ «дворянскихъ гнѣздъ».

Сохранившіяся подмосковныя можно раздѣлить на три категоріи. Во главѣ нужно поставить усадьбы московскихъ магнатовъ съ грандіозными дворцами, выстроенными по проектамъ лучшихъ архитекторовъ, всевозможными павильонами, театрами, «эрмитажами» и прочими изящными затѣями, великолѣпными «регулярными» парками съ партеррами, лабиринтами дорожекъ, статуями, памятниками, прудами и т. д. Эти парки тоже художественныя созданія забытаго теперь «садоваго искусства», имѣвшаго своихъ прославленныхъ мастеровъ, свои традиціи. Къ категоріи такихъ усадебъ высшаго ранга надо причислить, кромѣ Шереметевскихъ Кускова и Останкина, Архангельское, созданное кн. Н. С. Голицынымъ и отъ него перешедшее къ Юсуповымъ, Марѳино—гр. Панина и Кузьминки—Голицыныхъ. Дворцы и декоративныя сооруженія въ этихъ усадьбахъ—превосходныя созданія русской классической архитектуры, прелесть которыхъ возрастаетъ отъ красивой гармоніи произведеній искусства съ данными природы, умѣлаго расположенія строеній, развивающаго сложный архитектурный замыселъ, отъ той особой остроты художественнаго воспріятія, которая создается контрастомъ человѣческаго творенія и декораціи природы. Въ усадьбахъ этихъ чувствуешь себя, какъ въ прекрасномъ музеѣ, гдѣ все создано для восторженнаго любованія. Строители ихъ, сознавая и намѣренно подчеркивая художественность своихъ подмосковныхъ, не запирались въ нихъ, чтобы самодовольно наслаждаться созданными и собранными сокровищами, но съ барскимъ радушіемъ открывали доступъ къ нимъ всей Москвѣ. Съ давнихъ поръ излюбленной загородной поѣздкой считалось посѣщеніе Кускова, гдѣ особенно поражали московскую публику богатѣйшія оранжереи. Приведенныя выше строки изъ завѣщанія гр. П. П. Шереметева своей искренностью производятъ трогательное впечатлѣніе и заставляютъ вѣрить, что созданіе и украшеніе Останкина производилось столько же для публики, сколько и для себя... Гр. Н. П. Шереметевъ не поручилъ сооруженіе Останкинскаго дворца одному какому-нибудь художнику; вмѣшивался самъ, давалъ совѣты, руководилъ мастерами и, такимъ образомъ, считалъ себя какъ бы авторомъ дворца въ цѣломъ.

Затѣмъ идутъ болѣе скромныя усадьбы, чуждыя особыхъ затѣй, приспособленныя для удобнаго и спокойнаго житья. Барскій домъ въ этихъ усадьбахъ чаще возводили второстепенные или даже свои архитектора, иногда по образцу какой-нибудь сосѣдней пышной усадьбы, иногда пользуясь указаніями городскихъ архитекторовъ. Планъ дома приспособленъ къ потребностямъ широкаго домашняго быта, и забота объ уютѣ пересиливаетъ стремленіе къ великолѣпію. Паркъ украшали только пруды, пристани да нѣсколько круглыхъ бесѣдокъ обычнаго типа. Худо-

[1]) «Старые Годы», 1910 г. Іюль—августъ.

жественнаго интереса эти усадьбы представлять не могутъ; но ихъ заросшіе, запущенные парки съ ветхими бесѣдками необыкновенно поэтично окружаютъ старый уютный домъ. Старинная мебель, ветхая роспись по стѣнамъ и скульптурныя украшенія какого-нибудь доморощеннаго художника окружаютъ эти дома какими-то романтическими грезами, навѣваютъ грустныя воспоминанія о томъ, чего, можетъ быть, никогда и не было...

Тѣмъ не менѣе въ усадьбахъ этой категоріи встрѣчаются интересныя росписи стѣнъ и потолковъ, любопытныя архитектурные мотивы,— мастерски разработанныя террасы и сходы въ паркъ, но опять-таки болѣе характерныя для эстетическихъ запросовъ московскаго барства, чѣмъ для русскаго искусства конца XVIII-го вѣка. Стильность такихъ усадебъ нерѣдко бываетъ нарушена. Послѣдующія поколѣнія владѣльцевъ, смотря на свой домъ не какъ на художественное произведеніе, а какъ на удобное лѣтнее жилище, не стѣснялись перестраивать его и расширять. Поэтому рядомъ съ чистымъ Empire'омъ можно найти слѣды готики 30-хъ годовъ и даже позднѣйшихъ неопредѣленныхъ эстетическихъ теченій.

И наконецъ — третья категорія, — усадьбы, носящія чисто бытовой характеръ, созданія доморощеннаго классицизма, строившіяся часто по проектамъ и приказаніямъ самого барина, насмотрѣвшагося въ Москвѣ или за границей на архитектурныя сооруженія и воспроизводящаго въ своей усадьбѣ все, что ему понравилось и недорого стоило. Тутъ эстетика совершенно подчинялась быту. Приходила фантазія завести оранжерею — пристраивали ее къ готовому дому. Увеличивалось семейство—прилѣпляли мезонинъ. И все строилось прочно, уютно, но некрасиво...

Если усадьбы-дворцы создавались для великолѣпныхъ празднествъ и восхищенія гостей, усадьбы средняго типа для лѣтняго житья культурнаго барина, не желающаго даже въ деревнѣ отказаться отъ роскоши и удобствъ городского быта, то послѣднія имѣли характеръ строго практическій, хозяйственный. Число такихъ подмосковныхъ незначительно, но въ далекихъ уѣздахъ это самый распространенный типъ средней дворянской усадьбы.

Какъ и всѣ подмосковныя, Кусково (въ 9 верстахъ отъ Москвы по Нижегородской ж. д.) хранитъ только остатки прежняго великолѣпія. Прекрасный паркъ съ крытыми дорожками, прудомъ, статуями и красиво разбросанными среди зелени постройками, разбитый въ 1772 году, — лучшій въ окрестностяхъ Москвы «регулярной садъ» во французскомъ вкусѣ. Садъ планировалъ выписанный изъ-за границы «садоваго дѣла мастеръ» Раккъ († 1797 г.). Въ XVIII вѣкѣ, какъ показываютъ сохранившіяся старинныя гравюры, Кусковскій садъ былъ гораздо обширнѣе и богаче теперешняго. Онъ окружалъ прудъ, продолжался и на противоположномъ берегу, гдѣ теперь разрослась безпорядочная роща. Прямо противъ дома за прудомъ была прорублена длинная просѣка — «перспектива», окаймленная подстриженными купами деревьевъ.

Въ саду, кромѣ главнаго дома оранжереи, поварни — рядомъ съ домомъ съ лѣвой стороны, и «грота», обложеннаго извнутри раковинами, сохранившихся до нашихъ дней, было много другихъ павильоновъ и де-

кoративныхъ сооруженій, безслѣдно исчезнувшихъ или до неузнаваемости передѣланныхъ: театръ, гдѣ выступала знаменитая Шереметевская труппа, Голландскій домикъ, Эрмитажъ, Китайскій домикъ, Англійскій домикъ и т. п. Славу Кускова, кромѣ театра и невиданныхъ въ Москвѣ оранжерей, составляла богатѣйшая «менажерея», т.-е. звѣринецъ. Кусково заботливо поддерживается теперешнимъ его владѣльцемъ. Садъ—въ образцовомъ порядкѣ, деревья подстригаются, тщательно выравненныя дорожки по-прежнему прихотливо извиваются среди зеленыхъ стѣнъ,—но все же общее впечатлѣніе чего-то мертваго, опустошеннаго и отжившаго. Нѣтъ той жизни, для которой созданы эти аллеи и партерры, и чѣмъ старательнѣе будетъ поддерживаться прежній обликъ Кускова, тѣмъ острѣе будетъ чувствоваться аналогія съ нарумяненнымъ трупомъ. Запущенныя, мертвыя усадьбы кажутся болѣе живыми, одухотворенными, поэтичными. Чтобы оживить стриженныя дорожки Кускова, нужно воскресить тѣ праздники, когда разряженная толпа москвичей, шурша шелкомъ, наводняла кусковскій садъ, когда гремѣла роговая музыка, на пруду разъѣзжали разукрашенныя гондолы, и спрятанный на берегу хоръ увеселялъ катающихся...

Роговая музыка—любопытная выдумка барскаго быта—составляла одну изъ приманокъ Кускова. Чтобы избѣжать сложнаго музыкальнаго воспитанія крѣпостного оркестра, каждому музыканту поручалась одна какая-нибудь нота. Такимъ образомъ, число участниковъ оркестра равнялось музыкальному регистру. Никакой выучки не требовалось, и секретъ музыкальнаго успѣха заключался въ соблюденіи очереди. Устраивавшіяся въ Кусковѣ гулянья обыкновенно заканчивались вечерней иллюминаціей парка и фейерверкомъ.

Барскій домъ и расположенная рядомъ церковь довольно бѣдны въ архитектурномъ отношеніи. Домъ строили шереметевскіе крѣпостные архитектора, причемъ преданіе приписываетъ проектъ французскому архитектору де Валли [1]), совершенно невыясненному художнику. Кусковскія зданія относятся къ той переходной полосѣ русской архитектуры, когда пышная вычурность Елизаветинскаго стиля уже надоѣла, но приближавшійся классицизмъ не сталъ еще обязательнымъ канономъ; въ этомъ отношеніи Кусково занимаетъ совершенно обособленное мѣсто среди подмосковныхъ, въ которыхъ господствуетъ классическая архитектура, начиная приблизительно съ 1790-го и кончая 20-ми годами. Оранжерея, собственно ея центральный павильонъ, еще полна традицій творчества Растрелли, но фантастическіе павильоны въ паркѣ уже не подчиняются никакому стилю.

Такимъ образомъ, въ Кусковѣ мы совершенно не видимъ художественнаго единства, строгой согласованности всѣхъ отдѣльныхъ сооруженій; наоборотъ—въ основу какъ будто положенъ паркъ, и къ нему приноровлены зданія. Разбивался паркъ въ французскомъ вкусѣ, строился классическій домъ; позднѣе пристраивался гротъ или еще что-нибудь. Совершенно не такъ, мы увидимъ это на примѣрѣ другихъ подмосковныхъ, создавались усадьбы въ болѣе позднее время, когда уже былъ вы-

---

[1]) И. Е. Бондаренко. Архитектурные памятники Москвы. Вып. III.

Зданіе Николаевскаго Института

работанъ типъ подмосковной: все, начиная отъ барскаго дома и кончая бесѣдкой въ паркѣ или пристанью, было полно одного пониманія красоты, было строго согласовано съ общимъ архитектурнымъ замысломъ.

Исторія Кускова, которая, нужно надѣяться, будетъ когда-нибудь написана, дастъ одну изъ самыхъ красивыхъ и интересныхъ страницъ стараго барскаго быта, особенно плѣнительна тамъ, гдѣ фигурируетъ внукъ петровскаго сподвижника — графъ Николай Петровичъ. Имъ Кусково приведено въ свой теперешній видъ. Великолѣпный паркъ былъ широко открытъ для московской публики; шереметевская труппа, стоившая громадныхъ денегъ, была лучшей въ Москвѣ; роговой оркестръ, игравшій во время гуляній, славился по всей Россіи. Культурное меценатство Шереметева, лишенное тѣхъ грубыхъ и смѣшныхъ чертъ, которыя были свойственны многимъ московскимъ вельможамъ, придаетъ всей его личности печать истиннаго аристократизма, поддерживаемаго не богатствомъ или важностью, а духовной красотой. Этотъ привлекательный обликъ культурнаго барина XVIII-го вѣка завершается обстоятельствами его личной жизни: женитьба на своей крѣпостной актрисѣ Парашѣ, поступокъ неслыханный среди аристократіи XVIII-го столѣтія, недолгая жизнь въ грустномъ уединеніи, сооруженіе страннопріимнаго дома на Сухаревской площади,—всѣ эти отрывочные извѣстные намъ факты создаютъ необыкновенно изящный обликъ чувствительнаго мечтателя, какихъ было много среди русскаго дворянства конца вѣка. Въ началѣ XIX-го вѣка Кусково уже опустѣло и заглохло.

Своей красотой Кусково обязано только человѣческимъ рукамъ. Въ этомъ отношеніи оно выдѣляется среди подмосковныхъ: ихъ строители необыкновенно искусно пользовались природными данными — пригорками, склонами, холмами и озерами.

Идеально использованы всѣ особенности мѣстоположенія въ самой эффектной и роскошной подмосковной—Архангельскомъ Юсуповыхъ (въ 3 верстахъ отъ ст. Павшино, Виндавской ж. д.). Необыкновенно выдержанная гармонія искусства и природы составляетъ главное очарованіе Архангельскаго. Кругомъ дома шумитъ столѣтній паркъ, видны изъ усадьбы поля и холмы, и среди этой обычной картины, какъ совершенно законное, нужное ея дополненіе, вырисовывается барскій домъ, бѣлыя статуи и террасы среди зарослей парка. Нѣтъ и слѣда запущенности или дикости. Старательный уходъ чувствуется во всемъ, но контраста съ окружающимъ пейзажемъ не создаетъ эта искусственная красота. Художникъ, создавшій Кусково, ненавидѣлъ природу; она была для него только матеріаломъ. Творецъ Архангельскаго видитъ въ ней могучаго союника, усиливающаго и возвышающаго его искусство. Тѣ 10 — 15 лѣтъ, которыя протекли между годами созданія Кускова и Архангельскаго, упростили художественный вкусъ, развѣнчали утомительную вычурность.

Имя художника, создавшаго эту красивѣйшую изъ подмосковныхъ, документально не установлено, но преданіе называетъ Кваренги, любимаго архитектора Екатерины II, дѣлавшаго много проектовъ для построекъ московскихъ баръ. Вѣчно занятый при дворѣ, Кваренги могъ дать

проектъ, но никакъ не руководить постройкой, размѣщать отдѣльныя сооруженія, наблюдать за разбивкой парка. Между тѣмъ, строгій и, при этомъ—единый глазъ художника чувствуется въ Архангельскомъ во всемъ. Скорѣй всего, при спѣшной обстройкѣ усадебъ, цѣлая комиссія художниковъ и мастеровъ завѣдывала работами. Архангельское обстраивалось въ серединѣ 80-хъ годовъ, въ періодъ увлеченія русскихъ архитекторовъ смягченнымъ и утонченнымъ классицизмомъ, создавшимъ Екатерининскій стиль, переходную ступень къ суровому изяществу Empire'a.

Очень оригинальны въѣздныя ворота Архангельскаго. Бѣлая арка съ барельефнымъ изображеніемъ летящей славы производитъ впечатлѣніе развалившейся: верхняя сторона ограничена неровными уступами, словно отъ выпавшихъ камней; основаніе воротъ уходитъ въ землю безъ всякой базы или фундамента и довершаетъ впечатлѣніе античной руины. Въ концѣ XVIII-го вѣка, влюбившагося въ памятники классической древности, грезившаго ими, входятъ въ моду декоративныя сооруженія, дающія иллюзію древнегреческой или римской развалины. Въ Архангельскомъ этотъ эффектный пріемъ употребленъ для въѣздныхъ воротъ, и не вполнѣ удачно, потому что вся послѣдующая картина стройныхъ колоннадъ, симметрично распланированнаго сада, зеленыхъ плоскостей партерра совершенно не гармонируетъ съ идеей запущенности и ветхости.

Простой, почти безъ украшеній, дворецъ, окруженный вѣковыми деревьями, кажется нарядпѣе, благодаря благородной выдержанности массъ, и составляетъ какъ бы переходъ отъ унылой и пыльной дороги къ неожиданно развертывающейся сказочной панорамѣ парка. Хотя лучшая и большая часть художественныхъ сокровищъ, стильной мебели и пр. перевезена владѣльцами въ ихъ петербургскій домъ, внутреннее убранство дворца сохранилось отлично. Одна изъ лучшихъ залъ въ домѣ—ротонда, — излюбленная русской классической архитектурой круглая зала съ колоннами. Рѣдкая выдержанность во всемъ, начиная отъ дивной бронзовой люстры и кончая мебелью и ея разстановкой, дѣлаетъ эту залу превосходнымъ декоративнымъ мотивомъ ранняго Empire'a.

По современнымъ гравюрамъ, изображающимъ внутренность комнатъ, залы никогда не загромождались мебелью, чинно разставленной у стѣнъ или въ серединѣ, но всегда въ подчиненіи архитектурному замыслу.

Въ эту эпоху лучшіе художники не гнушались дѣлать рисунки диванов и каминовъ, о разстановкѣ мебели также заботились, какъ и о разстановкѣ статуй въ паркѣ.

Роскошь совершенно не соотвѣтствовала классической архитектурѣ. Внутреннее убранство комнатъ обыкновенно поручалось архитектору, создавшему ихъ стѣны. Мѣткой орнаментаціей, изящнымъ поясомъ карниза, небольшими барельефами надъ дверями и между колоннами, выдѣлялась архитектурная красота, оттѣнялась гармонія массъ. Въ этомъ отношеніи залы Архангельскаго—истинный шедевръ декоративнаго мастерства конца XVIII-го вѣка.

Давнишняя слава Архангельскаго—его паркъ; другихъ такихъ парковъ въ Россіи нѣтъ. Изъ оконъ дворца видны уступчатыя террасы, окаймлен-

Опекунскій совѣтъ. Построенъ въ 1823—1825 гг. извѣстнымъ архитекторомъ Доменико Джилярди
Барельефный фризъ И. П. Витали.

ныя статуями и вазами, украшенныя фонтанами; за ними разстилается «партеръ», плоская широкая аллея, покрытая газономъ и открывающая широкій перспективный видъ. Вдали золотятся поля, блеститъ стальная полоса Москвы-рѣки...

Вся эта картина такъ необычна, такъ напоминаетъ какой-то давно видѣнный сонъ, что странно подумать, что въ нѣсколькихъ верстахъ шумитъ Москва, коптятъ фабрики, тянутся пыльныя и душныя улицы.

Здѣсь когда-то былъ Пушкинъ и въ красивомъ посланіи «Къ вельможѣ» воспѣлъ Архангельское.

Архангельское мало популярно среди москвичей, несмотря на удобство сообщенія и свободный доступъ въ паркъ. Между тѣмъ, ни въ одной подмосковной не кристаллизовалась такъ отчетливо красота XVIII-го вѣка, мечтательная прелесть его созданій. Мраморъ, такой неожиданный среди русскихъ сосенъ и липъ, античныя статуи—все это кажется дивной декораціей или сказкой о заколдованныхъ замкахъ.

Архангельское не знало шумныхъ празднествъ, и барское веселье не нарушало его поэтичной задумчивости. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи усадьбы, имѣнье перешло къ кн. Н. Б. Юсупову. Онъ уединился въ своемъ роскошномъ помѣстьи, собралъ превосходную библіотеку, большую коллекцію картинъ, одну изъ лучшихъ въ Москвѣ, и оставался чуждъ всѣмъ шумнымъ забавамъ московскаго барства. Архангельское привлекало москвичей своими художественными сокровищами. Оно было «пріютомъ музъ», и сосредоточенная изысканная красота его парка какъ бы дополняла торжественный и суровый покой дворца-музея. Благодаря этому, ни въ мемуарахъ, ни въ перепискѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній объ Архангельскомъ, привлекшемъ восторженное вниманіе московскаго общества уже въ то время, когда мемуары почти вышли изъ моды, и дѣловой темпъ жизни отучилъ отъ дружеской переписки, занимавшей важное мѣсто въ жизни допожарной Москвы.

VII.

Вторая Шереметевская подмосковная — Останкино (въ 3 верстахъ отъ Марьиной рощи) со своимъ грандіознымъ дворцомъ совершенно не похожа на загородную усадьбу. Такія палаты могли стоять въ Петербургѣ или въ Москвѣ конца XVIII-го вѣка, удивляя путешественниковъ, и развѣ только раскинутость дворца, его приспособленность къ лѣнивому и широкому бытовому укладу придаетъ Останкину черты подмосковной усадьбы. Громадный дворецъ, какъ недавно установилъ И. Э. Грабарь [1]), созданіе цѣлаго ряда архитекторовъ, послѣдовательно дополнявшихъ и поправлявшихъ одинъ другого: въ основу положенъ проектъ Кваренги, но впослѣдствіи его дополнилъ М. Ѳ. Казаковъ. Исполнителемъ работъ былъ крѣпостной архитекторъ гр. Шереметева Дикушевъ, учившійся у Кваренги. Несмотря на отсутствіе единства и симметріи благодаря позднѣйшимъ пристройкамъ, Останкинскій дворецъ, особенно

[1]) «Старые годы», 1910 г. № 5.

въ деталяхъ и отдѣльныхъ частяхъ, достоинъ почетнаго мѣста среди памятниковъ русской архитектуры конца XVIII-го вѣка. Построенный между 1788 и 1796 годами, дворецъ изобилуетъ оригинальными и свѣжими декоративными мотивами, не встрѣчающимися на другихъ современныхъ зданіяхъ: ниши со скульптурами на правомъ флигелѣ, почти сплошной барельефный фризъ, боковыя колоннады, смягчающія переходъ отъ высокаго центральнаго фронта къ боковымъ флигелямъ и т. д.

Вся усадьба Останкина состоитъ изъ громаднаго дворца и церкви XVII-го вѣка, выстроенной прежнимъ владѣльцемъ кн. Черкасскимъ. Мѣстоположеніе очень ординарное, особенно теперь, когда расположенный передъ домомъ прудъ превратился въ неприглядное болото. И все же дворецъ необыкновенно красивъ и величественъ: то послѣдовательное сотрудничество нѣсколькихъ архитекторовъ, которое нарушило единство и чистоту архитектурнаго замысла, придаетъ его внѣшности какое-то живое разнообразіе. Академическая строгость и симметрія не всегда оправдывается глазомъ: часто грандіозное зданіе, созданное цѣлымъ рядомъ поколѣній, не боявшихся его дополнять и доукрашать, пріобрѣтаетъ большую эстетическую прелесть, съ которой не поссорятъ никакіе доводы художественной логики.

Обыкновенно въ барскихъ усадьбахъ избѣгали большихъ сооруженій, и рядъ отдѣльныхъ зданій разбрасывался по парку. Такъ было въ Кусковѣ, то же самое мы видимъ въ Архангельскомъ, гдѣ театръ занимаетъ отдѣльное зданіе, картинная галлерея — тоже. Въ Останкинскомъ дворцѣ театръ входитъ въ главный корпусъ, и всѣ многочисленныя сооруженія, неизбѣжныя при роскошномъ барскомъ бытѣ, объединены въ одно грандіозное цѣлое, напоминающее по своему величественному масштабу и роскоши петербургскіе Императорскіе дворцы.

Вся прелесть Останкина во внутреннемъ убранствѣ дворца. Его парадныя комнаты—«египетская» гостиная съ хорами, залъ и театръ рѣзко отличаются отъ несравненно болѣе скромныхъ жилыхъ покоевъ. Великолѣпная роспись потолковъ, богатѣйшая обработка дверныхъ наличниковъ, чудная мебель, совершенно необычныя хрустальныя люстры, — все это исполнено собственными мастерами, частью по рисункамъ петербургскихъ художниковъ, частью по заграничнымъ образцамъ. Въ Москвѣ славились Шереметевскіе рѣзчики по дереву, — и въ Останкинѣ мы видимъ цѣлый рядъ ихъ работъ, подтверждающихъ заслуженную ими репутацію. Великолѣпные столики, канделябры, вазы, кажущіяся бронзовыми, оказываются позолоченнымъ деревомъ тончайшей рѣзьбы.

Безконечное богатство украшеній и художественной мебели совершенно отнимаетъ у парадныхъ комнатъ Останкинскаго дворца характеръ жилого помѣщенія. Бродишь словно по систематически подобранному музею прикладного искусства, не успѣвая разобраться въ подавляющемъ разнообразіи художественныхъ идей и мотивовъ. Вычурная пышность придворнаго искусства XVIII-го вѣка, облагороженная и обогащенная принципами классической эстетики, вылилась въ плѣнительный стиль Louis XVI. Онъ создалъ послѣдній дворецъ XVIII-го вѣка — Останкино, потому что

скоро смѣнившій его суровый, рожденный въ революціонной Франціи, Empire не умѣлъ служить земному величію, нужному для дворцовъ, и служилъ только красотѣ и тѣмъ, кто понималъ ея гармоничный языкъ...

Москвѣ, по всему своему складу такой далекой отъ духа XVIII-го вѣка, выпало рѣдкое счастье хранить необыкновенно яркое воплощеніе его художественной культуры. Архангельское и Останкино,—два прекрасныхъ созданія XVIII-го вѣка,—открываютъ намъ два одинаково прекрасныхъ художественныхъ міра, созданныхъ этой сложной и всемогущей эпохой. Вся культура XVIII-го вѣка, тѣсно связанная съ придворнымъ бытомъ, рвалась къ наибольшему величію, къ ослѣпительной пышности, словно стремясь создать на землѣ тотъ рай, въ существованіе котораго на небѣ разучились вѣрить люди XVIII-го вѣка. Останкинскій дворецъ — одна изъ высшихъ точекъ этой торжественной и величественной красоты.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ люди, жившіе въ искусственной атмосферѣ блеска и граціи, всю жизнь рвались къ чему-то противоположному,—нѣжному, простому и тихому. Они мечтали объ естественной жизни, такой же легкой и непосредственной, какъ слова пасторали, какъ пѣсенка сельской идилліи. Ихъ манила природа, но въ то же время казалась слишкомъ грубой, и нужно было создать какую-то облагороженную природу, похожую на фантастическую театральную декорацію. Нашлись художники, понявшіе эту тоску по мечтательной идилліи: возникаетъ искусство, стремящееся возсоздать въ жизни грезы поэтовъ объ «островахъ Цитеры», о «пріютахъ музъ и грацій», о «волшебныхъ Эрмитажахъ». Природа приспособляется къ тонкому воспріятію земныхъ боговъ и принимаетъ подъ искусными руками тотъ очаровательный обликъ, которымъ мы любуемся въ Архангельскомъ.

Англійскій паркъ Останкина, если не считать небольшой «регулярной» поляны передъ домомъ со стороны садоваго фасада, не заключаетъ никакихъ затѣй и декоративныхъ сооруженій. Небольшая часть парка около дворца слегка напоминаетъ планировку Кускова, но безъ всякой вычурности и вылощенности. Паркъ разбивалъ садовникъ Маннерсъ, но отъ его искусства не осталось никакихъ ощутительныхъ слѣдовъ. Въ 1812 году Останкино, благодаря своей близости къ Москвѣ, было ограблено французами, похитившими много картинъ, бронзы и мебели. Строитель Останкина гр. Н. П. Шереметевъ, къ концу жизни перемѣнившій Кусково на Останкино, скоро умеръ. Послѣдніе свои годы, послѣ смерти жены, онъ провелъ въ грустномъ уединеніи. Съ его смертью Останкино опустѣло и осталось грандіознымъ мертвымъ памятникомъ эстетическихъ увлеченій московскаго барства.

Усадебное зодчество допожарной Москвы, не умѣя систематически утилизировать природную красоту мѣстоположенія, такъ и не выработало опредѣленнаго типа усадьбы. Единственное исключеніе—Архангельское, но оно стояло внѣ традицій и строилось не-московскими руками.

Первой усадьбой, разбитой по художественному плану, учитывающему всѣ природныя и естественныя данныя, были Кузьминки.

Усадьба въ Кузьминкахъ (ст. Вешняки, Моск.-Каз. ж. д.) во владѣніи Строгановыхъ, называвшихся Мельницами, существовала со временъ

Петра. Но отъ этихъ *доисторическихъ* для Кузьминокъ временъ сохранился только старый дубъ, по преданію посаженный Петромъ Великимъ, навѣщавшимъ здѣсь Строганова. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка былъ построенъ существующій донынѣ въ слегка измѣненномъ видѣ барскій домъ и церковь, тоже утратившая свой первоначальный обликъ.

Около 1820-го года Кузьминки, перешедшія въ родъ кн. Голицыныхъ, обстраиваются, украшаются и становятся одной изъ лучшихъ подмосковныхъ. Созданіе великолѣпной усадьбы было поручено лучшему московскому архитектору 20-хъ годовъ, итальянцу Доменико Джилярди. Великій художникъ не только далъ превосходные проекты архитектурныхъ сооруженій, но и съ громаднымъ вкусомъ расположилъ постройки, создалъ очаровательныя перспективы въ паркѣ. Кузьминки—единственная подмосковная, отъ начала до конца украшенная и распланированная однимъ и тѣмъ же художникомъ и, къ тому же, лучшимъ архитекторомъ русскаго классицизма.

Необыкновенно эффектны въѣздныя ворота. Ихъ суровый свинцовый силуэтъ, на границѣ парка и поля, издалека вырѣзается на фонѣ зелени. Массивныя колонны, грифоны у княжескаго герба производятъ властное и суровое впечатлѣніе. По бокамъ воротъ тянется Empire'ная рѣшетка, очень простого рисунка, украшенная оригинальными вазами...

Длинная и прямая липовая просѣка ведетъ къ дому. Въ концѣ ея на берегу большого соннаго пруда бѣлѣютъ великолѣпныя постройки усадьбы. Круглый дворикъ передъ домомъ замыкаетъ рѣшетка, въ центрѣ которой изящныя чугунныя ворота. Съ обѣихъ сторонъ въѣзда любопытныя сооруженія стараго барскаго быта. Во время вечернихъ съѣздовъ гостей передъ домомъ зажигались плошки, или т. н. «сковороды», или даже разъѣзжали верховые съ факелами. Кромѣ практической потребности освѣщенія, была въ этихъ огняхъ и своего рода иллюминація. Такія «сковороды», въ видѣ красивыхъ группъ трехъ грифоновъ, окружающихъ высокій свѣтильникъ, освѣщали въѣздъ на парадный дворъ.

Недалеко отъ дома, не представляющаго интереса ни снаружи, ни внутри, расположена бѣлоснѣжная небольшая церковь, перестроенная Джилярди. Ея скромные размѣры не нарушаютъ изысканной гармоніи массъ. Внутри ея интересенъ иконостасъ, по проекту Джилярди: классическая эстетика великолѣпно мирится съ христіанскими изображеніями и символами. Около церкви круглый мавзолей, подъ которымъ похоронены нѣкоторые представители рода Голицыныхъ. Нѣтъ въ этихъ постройкахъ никакихъ изысканныхъ украшеній, формы строги и даже скупы, но отъ нихъ, а тѣмъ болѣе взятыхъ со всѣмъ пейзажемъ—зеленой лужайкой и высокими елями,—вѣетъ непонятнымъ очарованіемъ. Волшебное украшеніе Кузьминокъ—конный дворъ, одно изъ лучшихъ вдохновеній Джилярди. Подходя къ пруду еще издали замѣчаешь на другой его сторонѣ расположенную на пологомъ скатѣ массивную бѣлую нишу съ красивой колоннадой и фигурой Аполлона надъ ней. Чугунныя фигуры атлетовъ съ конями, поставленныя позже, нисколько не вредятъ изящному «конному двору». Но за то съ выстроеными по бокамъ убогими заборами и домиками глазъ совершенно не мирится.

жены, заставляетъ внимательнѣе относиться къ незамысловатому дому, утопающему въ густыхъ зарослях парка. Домъ Ярополицъ, выстроенный какимъ-нибудь доморощеннымъ классикомъ безъ претензій на художественное совершенство, относится къ самому концу XVIII-го вѣка. Своеобразной особенностью Ярополицъ является высокая стѣна, на подобіе какой-то крѣпости или Кремля, съ неуклюжими башнями по угламъ и у въѣздовъ, опоясывающая всю усадьбу. Фантастическій обликъ этого помѣщичьяго Кремля не позволяетъ опредѣлить время его созданія. Повидимому, это 80-ые годы XVIII-го вѣка, когда съ легкой руки Матвѣя Казакова, выстроившаго Царицынскій и Петровскій дворцы въ «русско-готическомъ вкусѣ», вошли въ моду такія отступленія отъ эстетическихъ традицій XVIII-го вѣка. Создавались такія причудливыя сооруженія и въ 30-хъ годахъ XIX-го столѣтія, но къ тому времени дѣла Гончаровыхъ уже были разстроены, и исполненіе дорого стоющей прихоти было бы имъ уже не по силамъ.

Парадныя комнаты Ярополицкой усадьбы—небольшія, тѣсныя и полутемныя, благодаря окружающему домъ парку,—заботливо украшены, но на всемъ разлита наивная старательность, добросовѣстное слѣдованіе за вкусами своего вѣка. Стѣны, расписанныя ландшафтами съ классическими храмами и руинами, барельефы надъ дверями, узорчатые карнизы, колонны въ залѣ, умѣстныя и логичныя въ Останкинскомъ дворцѣ, въ низкомъ и уютномъ залѣ Ярополицъ отдаютъ всей чудаковатостью добраго стараго времени.

Такая же «самодѣльная» церковь съ классическими колоннами, тяжелымъ куполомъ и громаднымъ мѣднымъ шаромъ подъ крестомъ, довершаетъ патріархально идиллическій характеръ Ярополицъ. Эстетика прошла мимо Ярополицъ, но бытовыя черты запечатлѣлись въ каждомъ уголкѣ, въ каждомъ камнѣ, съ большой выразительностью. Здѣсь чувствуется подлинная жизнь прошлаго, со всѣми ея странностями и особенностями.

Поэтичнымъ отжившимъ усадьбамъ, застывшимъ въ своемъ вѣковомъ обликѣ, можно противопоставить такую ж и в у ю, словно вчера только законченную, усадьбу, какъ Братцево кн. Н. С. Щербатова. Усадьба эта содержится въ идеальной сохранности, все бережно реставрируется, что придаетъ дому, несмотря на скромные размѣры, крайне нарядный характеръ. Снаружи красива терраса, ведущая въ садъ необыкновенно простой, но свободной обработки. Внутри любопытны расписные потолки, приписываемые прославленному декоративному живописцу Скотти, очень простые, но цѣнные по изяществу вырисовки, наличники. Кромѣ отдѣльныхъ деталей, домъ въ Братцевѣ чуждъ строгой стильности, благодаря позднѣйшимъ передѣлкамъ и современной обстановкѣ.

Эклектическое творчество 40-хъ годовъ, кромѣ Мароина, хорошо представлено въ Александровскомъ, бывшей подмосковной Всеволожскихъ, теперь принадлежащей П. П. Рябушинскому. Это чуть ли не единственная усадьба, обходящаяся безъ традиціонной колоннады. Наружная сторона дома самой неопредѣленной архитектуры, порвавшей съ классицизмомъ и какъ будто приблизившейся къ петровскому барокко. Изъ комнатъ инте-

ресна Empire'ная библіотека и довольно бѣдная зала со статуями въ нишахъ. Въ прикладномъ и декоративномъ искусствѣ гораздо больше, чѣмъ въ архитектурѣ, почти до 50-хъ годовъ, упорно властвовалъ стиль Empire...

Библіотека Александровскаго,—съ громадными во всю стѣну книжными шкафами, отдѣланными бронзой и маленькими статуэтками въ нишахъ, съ большимъ стѣннымъ зеркаломъ,—необыкновенной чистоты стиля.

Несмотря на большое количество сохранившихся подмосковныхъ, мы видимъ, что многія великолѣпныя усадьбы, восхищавшія современниковъ, не дошли до насъ. Строители быстрыми шагами двигались къ разоренію. Кромѣ того, какъ вѣрно подмѣтилъ бар. Врангель [1]), большинство вельможъ эпохи Екатерины умерло, не оставивъ мужского потомства. Такъ погибли безчисленныя усадьбы Разумовскихъ, Завадовскаго, Безбородко, Потемкина и другихъ.

VIII.

Въ подмосковныхъ баре продолжали тотъ же широкій образъ жизни, что и въ Москвѣ. Хозяйственныя заботы не нарушали веселаго состоянія духа барина и съ первыхъ же дней прибытія въ лѣтнюю резиденцію начинались приготовленія къ пріему гостей, къ торжествамъ по случаю семейныхъ праздниковъ и т. п. поводовъ созвать гостей и потѣшить ихъ тщательно разработанной программой увеселеній. Идиллическое уединеніе, углубленіе въ вывезенныя изъ-за границы книжныя и художественныя сокровища было совершенно не въ обычаѣ большого барства. Только исключительные мизантропы или усталые старики замыкались въ тѣсномъ семейномъ кругу.

Многіе особо радушные и богатые баре превращали свои подмосковныя въ мѣста общественныхъ гуляній и развлеченій; такъ было въ Кусковѣ у Шереметева, въ Люблинѣ у Дурасова, въ Нескучномъ у Орлова-Чесменскаго, въ Кузьминкахъ у С. М. Голицына. Барскій бытъ въ подмосковныхъ ничѣмъ не отличался отъ московскаго, развѣ только усиленіемъ страсти къ гостепріимству и хлѣбосольству и «сельскими веселіями».

Гости съѣзжались на нѣсколько сутокъ. Программа празднествъ составлялась съ большой тщательностью и продуманностью; искусство, природа, фантазія самого барина и многочисленныхъ домочадцевъ—все было привлечено, чтобы создать что-нибудь исключительное, о чемъ бы долго помнила Москва, и, всѣхъ удивляя, разнеслась бы вѣсть по всей Россіи. Большимъ мастеромъ на такія выдумки былъ Н. П. Архаровъ. Между прочимъ—его дворня въ началѣ вѣка славилась по Москвѣ своей распущенностью, и кличка «архаровецъ» соотвѣтствовала теперешнему «хулиганъ».

Сохранился восторженный разсказъ современника о торжествахъ въ подмосковной Архаровыхъ близъ Звенигорода, въ день рожденія жены хозяина. Интересны не самыя развлеченія, но та добросовѣстность, съ которой выполняется вся тонко разработанная программа, наивный характеръ увеселеній, показывающій, какъ много дѣтской свѣжести было въ душахъ этихъ странныхъ людей XVIII-го вѣка [1]).

---

[1]) «Старые годы». 1910. Іюль—Сентябрь

[1]) «Русскій Архивъ». 1889 г.

Гости, какъ водится, съѣхались наканунѣ торжественнаго дня. Послѣ парадной обѣдни всѣ вернулись въ домъ, гдѣ слушали пѣніе хора. Затѣмъ былъ сервированъ обѣдъ на 100 человѣкъ. Послѣ обѣда карты. Вечеромъ русская комедія «Честное слово», разыгранная домочадцами и приглашенной молодежью. По окончаніи комедіи гости были приглашены въ садъ, роскошно иллюминованный. Здѣсь ихъ ожидалъ цѣлый рядъ сюрпризовъ: на дорогѣ гостямъ встрѣтилась избушка на курьихъ ножкахъ. Одинъ изъ друзей хозяина крикнулъ:—«Избушка, стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ!» Избушка повернулась и пошла передъ гостями, водила ихъ по всему саду, привела къ роговой музыкѣ и пропала...

Когда гости наслушались музыки, появилась вѣтряная мельница и повела ихъ дальше. Привела къ мѣсту, гдѣ пѣлъ хоръ и тоже исчезла. По окончаніи пѣнья гости двинулись къ бесѣдкѣ на прудѣ. Тутъ имъ представился «пустынникъ преогромной фигуры, съ превеликой сѣдой бородой, ведомый подъ руки». Подойдя къ хозяйкѣ, пустынникъ подалъ ей стихи и сказалъ, что онъ поднялся нарочно изъ пещеры, чтобы ее поздравить. Какъ оказалось послѣ — пустынникомъ былъ загримированъ самъ Архаровъ. Затѣмъ катанье на прудѣ съ пѣсенниками, появленіе масокъ, ужинъ въ полночь, а затѣмъ балъ. Въ такомъ же духѣ былъ проведенъ и слѣдующій день, послѣ чего гости начали возвращаться въ Москву.

Недалеко отъ Новодѣвичьяго монастыря на углу Погодинской и Юшкова переулка стоитъ до сихъ поръ мрачный заколоченный домъ съ колоннами. Про него идетъ съ давнихъ лѣтъ дурная слава, и Хамовническіе старожилы разсказываютъ много легендъ о таинственномъ домѣ. Это бывшая дача Юшкова, на которой онъ устраивалъ свои грандіозные пиры, о которыхъ упоминается въ статьѣ С. А. Князькова (VIII вып.). Юшковъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей допожарной Москвы, отличавшійся при этомъ, по словамъ современниковъ, большимъ остроуміемъ, стяжалъ громкую славу своимъ своеобразнымъ радушіемъ. Приглашая изъ Москвы гостей въ свою деревню — Чечково, онъ самъ готовилъ для нихъ обѣдъ, исполнялъ роль баньщика—парилъ и мылъ... Устраивалъ для нихъ балы, причемъ въ качествѣ дамъ выступали 20 крѣпостныхъ дѣвокъ, обученныхъ всѣмъ модньмъ танцамъ.

Такъ нелѣпо и безшабашно проводили время въ подмосковныхъ тѣ баре, которые въ Москвѣ все-таки сдерживали себя извѣстными требованіями свѣтскаго этикета. Въ этомъ отношеніи П. И. Юшковъ не одинокъ, и многіе, зимой танцовавшіе въ Благородномъ собраніи и бойко болтавшіе по-французски, въ деревнѣ жили на распашку, легко сбрасывая европейскую маску и давая волю самобытнымъ талантамъ и склонностямъ.

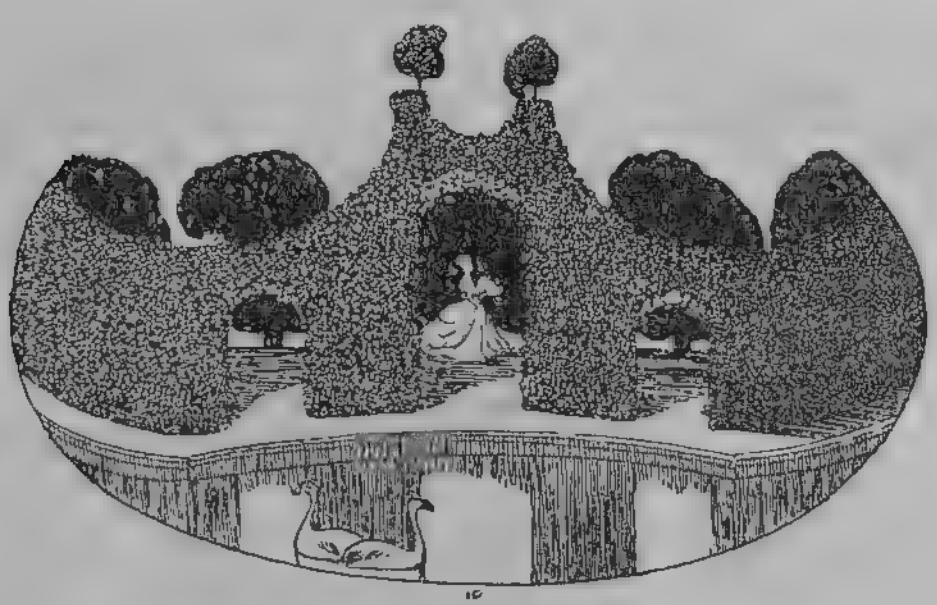
Даже та минимальная зависимость отъ общественнаго мнѣнія, которая связывала въ Москвѣ большого барина, многимъ вольнолюбивымъ натурамъ казалась нестерпимой. Только въ деревнѣ чувствовали они себя вполнѣ свободными и создавали въ своемъ княжествѣ нѣкоторое подобіе двора. Свита составлялась изъ дворовыхъ и приживальщиковъ, на которыхъ возлагались обязанности, соотвѣтствующія придворнымъ чинамъ: одни въ присвоенныхъ имъ одеждамъ съ булавами въ рукахъ шли впереди барина,

когда онъ по воскресеньямъ во всемъ парадѣ отправлялся къ обѣднѣ; другіе участвовали въ утреннемъ церемоніалѣ, третьи распоряжались по хозяйству, состоя какъ бы въ званіи министровъ.

Любимымъ развлеченіемъ другихъ господъ, болѣе патріотично настроенныхъ, были русскія пѣсни, пляски и игры крѣпостныхъ дѣвокъ, которыя для этого созывались на барскій дворъ и увеселяли господъ. Руководящая роль въ этихъ «народныхъ развлеченіяхъ» возлагалась на дворовыхъ дѣвокъ, понимавшихъ требованія господъ и знавшихъ нравящіяся имъ пѣсни. Подобныя увеселенія «поселянъ и поселянокъ» смѣнили у подмосковнаго дворянства шутовъ и дураковъ, которые въ началѣ вѣка продолжали существовать только у захолустнаго дворянства, да и то въ наименѣе культурныхъ кругахъ.

Идиллическій характеръ подмосковныхъ, тонкая культурность, сквозящая въ каждой детали зданія, въ каждомъ обработанномъ уголкѣ парка, способна ввести въ заблужденіе относительно нравовъ и привычекъ людей и жизни, протекавшей въ такой красивой оболочкѣ. Начинаетъ казаться, что по великолѣпнымъ заламъ дворцовъ, по задумчивымъ дорожкамъ садовъ могли гулять только задумчивые и благородные люди, что создавшіе эту красоту не были способны внести дисгармонію въ ея изысканныя формы, и вся жизнь ихъ была такой же стройной, утонченной и нѣжной сказкой.

Роковой историческій парадоксъ: одна изъ самыхъ очаровательныхъ усадебъ, надъ которой трудились лучшіе художники, — Грузино, создана Аракчеевымъ. И теперь, бродя по старому парку, мечтательно ждешь, что по тѣнистымъ аллеямъ пронесутся воскресшія тѣни какихъ-то необыкновенно поэтичныхъ дѣвушекъ или романтическіе призраки граціозныхъ и нѣжныхъ маркизовъ,— но если бы воскресло прошлое, то пьяный хохотъ, лай собакъ и щелканье арапниковъ, визгъ и крики огласили бы заснувшую усадьбу...



Ворота и часть дома, бывшаго гр. О. В. Ростопчина; находится на Б. Лубянкѣ. Построенъ извѣстнымъ архитекторомъ Растрелли

Москва въ 1812 году.

Ф. Г. Мускатблита.

«Если я овладѣю Кіевомъ, то возьму Россію за ноги. Если я овладѣю Петербургомъ, то возьму ее за голову. Завявъ-же Москву, я поражу ее въ сердце».

Наполеонъ.

I.

На разсвѣтѣ 12 іюня 1812 года берегамъ Нѣмана между Гродно и Ковно довелось стать свидѣтелями грандіознаго зрѣлища: въ грозу, при оглушительныхъ раскатахъ грома и подъ проливнымъ дождемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, началась переправа Наполеона съ его Великой арміей въ Россію.

Мосты стонали отъ навалившейся на нихъ тяжести, и живыми, казалось, безкрайными лентами вились по нимъ густыя непріятельскія колонны, гремя ружьями, бряцая саблями, стуча колесами и сливая грузную симфонію своего наступленія въ общій разносившійся далеко вокругъ гулъ.

Къ вечеру безпримѣрное въ новѣйшей исторіи «нашествіе двадесяти языковъ» стало совершившимся фактомъ: въ предѣлахъ нашего отечества находилось 450.000 непріятелей, 1.200 полевыхъ орудій и 10.000 провіантскихъ повозокъ, а «фуражъ»,—горделиво утверждалъ побѣдоносный вождь этой армады,—«вырастетъ тамъ, куда пойдетъ моя кавалерія».

Вѣрующіе отмѣтили, что это произошло какъ разъ въ тотъ день, Апостолъ котораго гласитъ: «Открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣческую».

Суевѣрные обращали вниманіе на важное значеніе въ царствованіе Александра I числа «12»: онъ родился 12 декабря, вступилъ на престолъ

12 марта и прибылъ въ Москву въ началѣ Отечественной войны 12 іюля; вторженіе непріятелей произошло 12 іюня 1812 года; Москва была совершенно оставлена ими 12 октября, и тогда же произошла имѣвшая крупное вліяніе на исходъ всей кампаніи битва у Малоярославца.

Простонародье съ тревогой всматривалось въ появившуюся на небѣ комету съ громаднымъ блестящимъ хвостомъ, которую Наполеонъ называлъ своей «путеводной звѣздой въ Россію», и, именуя ее «Метлой Божіей», истолковывало это явленіе, какъ знаменіе грядущей бѣды.

Утверждали, что въ мірѣ появился тотъ самый Аполіонъ, о которомъ упоминаетъ откровеніе Іоанна Богослова въ Апокалипсисѣ, что онъ—Антихристъ, собравшій съ помощью сатаны необъятную силу съ львиными зубами и скорпіоновыми хвостами и что его имя содержится въ «числѣ звѣриномъ» 666, а такъ какъ съ основанія Москвы къ тому времени прошло 665 лѣтъ, то это считалось весьма знаменательнымъ.

Повышенная мнительность повела къ тому, что ей во всемъ сталъ мерещиться шпіонажъ.

О возможности столкновенія съ Наполеономъ поговаривали еще съ зимы, но даже въ наиболѣе освѣдомленныхъ кругахъ неизбѣжность и, главное, близость его не ощущались.

Вдругъ, 13 іюня фельдмаршалъ гр. Салтыковъ получилъ изъ Вильно отъ Государя извѣщеніе о вторженіи непріятелей въ Россію:

«Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое соблюденіе союза. Я, для охраненія мира истощалъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Нечаянное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ педавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ, врученные мнѣ Провидѣніемъ способы, къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и на храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ со свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія доколѣ не единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Тогда же былъ изданъ и приказъ по I и II арміямъ, во главѣ которыхъ стали покинувшій постъ военнаго министра Барклай-де-Толли и кн. Багратіонъ.

Вѣсть объ этихъ актахъ скоро докатилась и до Москвы. Городъ встрепенулся. Народъ началъ стекаться на Никольскую улицу къ Казанскому собору, вблизи котораго тогда былъ узкій проходъ въ Управскую типографію. Тамъ печатались и раздавались военныя извѣстія.

Какъ только вышли оба манифеста, цѣлыя тучи листковъ разлетѣлись по всей Москвѣ. Толпа подхватывала ихъ, рвала изъ рукъ и, жадно вчитываясь въ нихъ, тутъ же обмѣнивалась мнѣніями.

По Смоленской дорогѣ полетѣли въ Москву курьерскія тройки, подкатывая къ дачѣ Главнокомандующаго гр. Растопчина въ Сокольникахъ.

Онъ продолжалъ заниматься текущими дѣлами и, не обнаруживая особой удрученности, игралъ въ часы досуга на билліардѣ съ шутомъ Махаловымъ, которому за проигранную партію платилъ 5-рублевую ассигнацію, а за выигранную—заставлялъ своего потѣшника выпивать по большому стакану воды или пролѣзать по нѣсколько разъ подъ билліардъ.

Населеніе пристально слѣдило за курьерскими тройками. Но положительныхъ свѣдѣній о состояніи и дѣйствіяхъ обѣихъ армій не имѣло, тѣмъ болѣе, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о движеніи Наполеона сообщалось чрезвычайно осторожно и лишь вскользь. Знали, и то только по частнымъ извѣстіямъ, что обѣ арміи отступаютъ въ боевомъ порядкѣ, стремятся соединиться и подыскиваютъ удобное для генеральнаго сраженія мѣсто.

Утромъ 1 іюля появилась вступительная афиша гр. Растопчина, но безъ его подписи, съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и Московскаго мѣщанина Корнюшки Чихирина, который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ, подъ орломъ, собравшемуся народу:

«Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: Молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ згинешь! Сиди-ка дома, да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фигляритъ: вить солдаты-та твои карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучь не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-та и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печахъ обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить. Карлъ та Шведской, пожилистѣй тебя былъ, да и чистой Царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-та мало будетъ. Побойчей Французовъ твоихъ были: Поляки, Татары и Шведы, да и тѣхъ наши такъ отпотчивали, что и по сю пору кругъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-та ихъ кости. Ну и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь ли, что такое наша Матушка Москва? Вить это не городъ, а Царство. У тебя дома-та слѣпой, да хромой, старухи, да ребятишки остались, а на Нѣмцахъ не выѣдишь: они тебя смаху осѣдлаютъ. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600,000, да забритыхъ 300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А все молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному Царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ Батюшка Александръ Павловичъ: Сила Христіанская выходи, и вы-

сыпитъ безконечная и свѣту Божьева не увидишь! Ну, переднихъ бей пожалуй, тебѣ это по сердцу, за то остальные-та тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну, какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо што Ивана Великова, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлоруссцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а на право кругомъ домой ступай и знай изъ роду въ родъ, каковъ есть Русскій народъ. — Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: Во полѣ береза стояла, а народъ смотря на него, говорилъ: отъ куда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!»[1])

За этимъ анонимнымъ обращеніемъ послѣдовалъ рядъ дальнѣйшихъ «Дружескихъ посланій отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея».

Въ аристократической средѣ отъ этой поддѣлки подъ простонародный стиль морщились и не раздѣляли ея оптимизма. Низамъ она нравилась, и ей, повидимому, вѣрили. Наибольшее довѣріе питалъ къ ней... самъ авторъ. Гр. Растопчинъ сначала былъ убѣжденъ, что Москва останется цѣлой и невредимой и, подшучивая надъ страхомъ салонныхъ барынь, говорилъ одной изъ нихъ:

— Повѣрьте мнѣ: пока я Главнокомандующимъ въ Москвѣ, я не отдамъ ея ключей Наполеону.

— Ну, а если васъ заставятъ?!

Онъ поднялся во весь ростъ и воскликнулъ:

— Меня заставятъ?!

— Но, вѣдь, Берлинъ, Вѣна, Мадридъ...

Гр. Растопчинъ съ жаромъ воскликнулъ:

— Москва не будетъ имъ подражать и останется неподражаемою!

Всѣмъ, кто высказывался при немъ о возможности занятія непріятелями Москвы, онъ отвѣчалъ:

— Мы размостимъ улицы и выгонимъ ихъ градомъ камней![2])

Пуще всего гр. Растопчинъ опасался волненій и, по собственному признанію, употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заслужить общее благоволеніе.

«Двукратное посѣщеніе мной часовни Иверской Божіей Матери, моя доступность для каждаго, произведенная мной провѣрка вѣсовъ, наконецъ, 50 палочныхъ ударовъ, данныхъ въ моемъ присутствіи одному унтеръ-офицеру, который былъ приставленъ при продажѣ соли и заставилъ ждать нѣсколькихъ крестьянъ, все это,— увѣрялъ онъ Александра I въ своемъ письмѣ къ нему,— снискало мнѣ расположеніе вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ»[3]).

Всемѣрно стараясь о поддержаніи спокойствія, онъ обратился, между прочимъ, и къ аббатамъ католическихъ церквей — въ Москвѣ ихъ было тогда 2 — съ «Объявленіемъ», въ которомъ «покорно» просилъ этихъ настоятелей внушать прихожанамъ, чтобы «они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностію».

---

[1]) Гр. Растопчинъ. Сочиненія. СПБ. 1853.

[2]) «Русскій Архивъ», 1891, XI.

[3]) «Русскій Архивъ», 1893, VII.

Серебр[illegible]

—Я,—заявлялъ гр. Растопчинъ,—въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйствуютъ на умы легкомысленные и развращенные, и что начальству не останется другого дѣла, какъ только пещись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розысковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ водворенію порядка.

Тѣмъ не менѣе сыскъ дѣйствовалъ безъ устали, высматривая и подслушивая, даже то, чего въ дѣйствительности совсѣмъ не было, и зачастую примѣшивая къ своей благодарной работѣ личные счеты.

Во главѣ полиціи стояли оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ и полицеймейстеры Брокеръ, Воейковъ и Дурасовъ.

Слѣдственныхъ приставовъ было 4, изъ которыхъ 1 управлялъ канцеляріей оберъ-полицеймейстера, а остальные 3 производили болѣе или менѣе крупныя слѣдствія.

Особенно отличался среди нихъ умершій въ Москвѣ 80 лѣтъ тому назадъ отъ холеры Яковлевъ.

Происходя изъ кантонистовъ и будучи полу-грамотнымъ, онъ началъ свою карьеру аудиторскимъ писаремъ, быстро пошелъ въ гору и, ставъ слѣдственнымъ приставомъ, имѣлъ всѣ ордена, какіе только можно было имѣть въ его чинѣ, а также множество подарковъ—перстней, табакерокъ, часовъ—и денежныхъ наградъ.

По распоряженію высшей власти, Яковлевъ неоднократно получалъ командировку въ Петербургъ и вообще за предѣлы Москвы.

Розыски этого сыщика почти всегда сопровождались успѣхомъ, и его своеобразная слава гремѣла по всей Россіи, а какого она была характера, видно изъ того, что угроза приходомъ Яковлева заставляла умолкать самыхъ капризныхъ и крикливыхъ дѣтей.

Пропойца съ усыпаннымъ отвратительными угрями синевато-багровымъ и одутловатымъ лицомъ, широкимъ, поросшимъ щетинистыми волосами носомъ, и съ постоянно опухшими вѣками,—онъ былъ страстнымъ любителемъ медвѣжьей травли, охотно посѣщалъ бойни, не упускалъ случая посмотрѣть на публичное исполненіе приговоровъ, близко зналъ всѣхъ палачей и, вступая съ ними въ пріятельскій разговоръ, съ видомъ знатока бралъ и разсматривалъ бывшіе въ дѣлѣ кнуты, плети, штемпеля для клейменія и щипцы для вырыванія ноздрей.

Самъ сваливавшійся въ постель на нѣсколько дней и даже недѣль отъ достававшихся ему побоевъ,—этотъ сыщикъ билъ допрашиваемыхъ смертнымъ боемъ, отъ котораго несчастные нерѣдко тутъ-же умирали или, въ лучшемъ случаѣ, оставались калѣками на всю жизнь[1]).

Жалобы на него вовсе не принимались или признавались незаслуживающими довѣрія.

Въ такой обстановкѣ возникло кошмарное дѣло Верещагина и Мѣшкова, о которомъ жители Москвы узнали 3 іюля изъ особой афиши, извѣстившей ихъ о появленіи въ городѣ «дерзкой» бумаги.

«Списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ, и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же сочини-

[1]) Халютинъ. Воспоминанія. „Современникъ", 1858, IV.

тель и губернскій секретарь Мѣшковъ, переписчикъ ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за преступленіе».

Отецъ «сочинителя» содержалъ на откупу нѣсколько пивныхъ лавокъ и владѣлъ довольно обширнымъ каменнымъ съ колоннами домомъ на Николо-Ямской противъ церкви св. Симеона Столпника.

Его сынъ, которому было тогда 22 года, получилъ довольно обширное для купеческаго круга той поры образованіе, зналъ французскій и нѣмецкій языки и, живо интересуясь ходомъ военныхъ дѣйствій, часто посѣщалъ находившуюся близъ Ильинки въ домѣ Плотникова кофейню турка Ѳедора Андреева, гдѣ прочитывалъ иностранныя газеты.

Тамъ онъ встрѣчался со своимъ давнишнимъ пріятелемъ Мѣшковымъ и дѣлился съ нимъ всѣми новостями.

«Сочинителемъ» вмѣненнаго ему въ вину документа Верещагинъ не былъ и не могъ быть, потому что это была рѣчь Наполеона, произнесенная имъ въ Дрезденѣ предъ походомъ въ Россію къ князьямъ Рейнскаго союза:

«Вѣнценосные друзья Франціи! Положеніе вещей въ Европѣ ухудшилось. Какъ глава Рейнскаго союза, повелѣваю вамъ для общей пользы удвоить свои войска, чтобы съ приведеніемъ ихъ въ боевую готовность, пожать подъ моимъ начальствомъ лавры на полѣ чести. Возвѣщаю вамъ свое намѣреніе. Я желаю возстановить Польшу, какъ самостоятельное государство, и хочу поднять ее до могущественнаго королевства. Мнѣ желательно наказать варваровъ, пренебрегающихъ моей дружбой. Уже берега Вислы и Прегеля покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Будьте моими единомышленниками! Я намѣренъ поразить и поражу древнихъ тирановъ Европы. Вамъ извѣстно, что я всегда сдерживалъ свое слово. И теперь я утверждаю: не пройдетъ и 6 мѣсяцевъ, какъ 2 сѣверныя столицы (Москва и Петербургъ) узрятъ въ своихъ стѣнахъ побѣдителей всего міра».

Что же касается другой бумаги, то и это было не что иное, какъ письмо Наполеона къ прусскому королю Фридриху Вильгельму:

«Ваше Величество! По недостатку времени я не могъ извѣстить Васъ о послѣдовавшей оккупаціи Вашихъ областей. Для поддержанія порядка я оставилъ въ нихъ своего принца. Будьте увѣрены въ искренности моего къ Вамъ расположенія. Очень радъ, что, какъ курфюрстъ Бранденбургскій, Вы заглаживаете недостойный Васъ союзъ съ потомками Чингисъ-хана желаніемъ примкнуть къ огромной Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь подробно изложитъ Вамъ мою волю и желаніе, которыя, надѣюсь, Вы исполните съ вящшимъ рвеніемъ. Ратныя дѣла зовутъ меня теперь въ мой воинскій станъ».

Оба акта были просто переведены Верещагинымъ изъ иностранныхъ газетъ и прочитаны Мѣшкову, который списалъ рѣчь Наполеона и передалъ ее для ознакомленія своему домовладѣльцу съ Кузнецкаго моста, Смирнову.

«При рукоприкладствѣ допроса» Верещагинъ взялъ авторство на себя и, пока дѣло шло по инстанціямъ, томился вмѣстѣ съ Мѣшковымъ во временной тюрьмѣ, которая помѣщалась во дворѣ нынѣшней Думы и называлась «Ямой».

Сокторъ II II

Сборъ вишенъ въ домашнемъ саду.

Не прошло и полутора мѣсяцевъ, какъ пришелъ приговоръ: Верещагина лишить добраго имени, наказать 25 ударами кнута, заклепать въ кандалы и сослать въ Сибирь, Мѣшкова лишить дворянскаго достоинства и опредѣлить на военную службу [1]).

Гр. Растопчинъ привлекъ къ этому дѣлу еще и друга извѣстнаго публициста Новикова, почтъ-директора Ключарева и самовольно сослалъ его въ Воронежъ.

Москва интересовалась этимъ дѣломъ мало: 10 іюля было получено воззваніе Государя къ ней, и тогда же стало извѣстно, что онъ посѣтитъ ее.

На другой день съ зарею колоссальная толпа двинулась къ Дорогомиловской заставѣ и потянулась по Смоленской дорогѣ на Поклонную. Тамъ одни отдыхали подъ тѣнью деревьевъ, другіе нетерпѣливо расхаживали по тракту. Всѣ намѣревались выпрячь лошадей изъ царской коляски и на плечахъ нести ее прямо въ Кремль. Государь замедлилъ свой пріѣздъ, остановился для отдыха въ Перхушковѣ и выѣхалъ оттуда лишь вечеромъ, чтобы избѣгнуть торжественной встрѣчи. Объ этомъ крестьяне Филей и Покровскаго узнали отъ отряженныхъ ими въ Перхушково конныхъ гонцовъ. Они запаслись фонарями и группами расположились по краямъ Смоленской дороги. Темной ночью Александръ I прибылъ на Поклонную, а послѣ полуночи — въ Кремль, все пространство котораго было къ утру сплошь залито народомъ. Престарѣлый митрополитъ Платонъ, разбитый параличемъ и проживавшій то въ Троице-Сергіевской лаврѣ, то неподалеку отъ нея, въ Вифаніи, не могъ лично привѣтствовать Государя на порогѣ главной святыни. Вмѣсто него выступилъ лучшій проповѣдникъ того времени, преосвященный Августинъ. Коснувшись въ своей рѣчи войны съ Турціей, которую вела тогда Россія, онъ сказалъ:

«Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь, тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь. Государь, оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостью — тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языци, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Обратное шествіе Александра I изъ Успенскаго собора подъ оглушительный перезвонъ колоколовъ, которые мощно покрывалъ Иванъ Великій, сопровождалось взрывами неописуемаго энтузіазма. Восторженное «ура» сплеталось съ гулкимъ кличемъ:

— Дай насмотрѣться на тебя!

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1866. IV.

— Веди насъ, куда хочешь!

— Умремъ или побѣдимъ!

Сомкнутый въ живомъ кольцѣ густой массы,—Государь съ трудомъ подвигался. Свита пыталась раздвигать ряды.

— Не троньте ихъ! Я пройду.

Когда стало извѣстно, что онъ обратится къ представителямъ дворянства и купечества съ призывомъ къ пожертвованіямъ, гр. Растопчинъ обезпокоился, какъ бы это собраніе не вышло недостаточно «вѣрнымъ» и «почтительнымъ» и принялъ свои мѣры. Онъ велѣлъ поставить неподалеку отъ Слободского 2 запряженныхъ почтовыми лошадьми телѣжки. Подлѣ нихъ прохаживались 2 одѣтыхъ по дорожному офицера. На вопросъ любопытныхъ, для кого все это предназначено, они должны были отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлютъ въ ссылку [1]).

Дворянству и купечеству было назначено собраться 15 іюля въ Слободскомъ дворцѣ. Александръ I обратился къ нимъ съ призывомъ показать міру могущество Россіи. Рѣчь вызвала необычайный подъемъ. Началась добровольная подписка. Итогъ выяснился чрезъ полчаса: сборъ далъ нѣсколько милліоновъ рублей, причемъ первыя 50 тысячъ, т.-е. половину всего своего состоянія подписалъ городской голова Куманинъ. Государь былъ глубоко растроганъ, едва сдерживалъ свое волненіе и за параднымъ обѣдомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ неоднократно повторялъ, что этого дня онъ никогда не забудетъ. Немного спустя, въ бесѣдѣ съ фрейлиною Стурдзою, Александръ I съ грустью сказалъ:

— Мнѣ жаль только, что я не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого чуднаго народа.

— Какъ же это, Государь? Я васъ не понимаю! — возразила его собесѣдница.

— Да, этому народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдѣ, а я, къ несчастью, не имѣю для этого ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла подъ сѣнью двора; если бы тогда меня довѣрили Суворову или Румянцеву, они образовали бы меня для войны, и, можетъ быть, я сумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя угрожаютъ намъ теперь.

На Тверской въ домѣ Главнокомандующаго открылся комитетъ для пріема ополченцевъ. Записывались лица самаго разнообразнаго положенія—чиновники, семинаристы и студенты срочнаго выпуска, состоявшаго изъ 215 человѣкъ. Купецъ Рахманиновъ безвозмездно предоставилъ для обмундированія ратниковъ ополченія сукно. Портной Гетманъ даромъ шилъ имъ одежду. Ихъ называли «жертвенниками». Съ блестящими крестами на шапкахъ, съ ружьями и пиками,—они вскорѣ стали мелькать по городу, повсемѣстно встрѣчая радушный пріемъ. Первымъ ополченцемъ въ полной формѣ явился къ гр. Растопчину писатель Глинка, за нимъ—историкъ Калайдовичъ.

Александръ I экстренно вызвалъ въ Москву начальника оружейнаго завода въ Тулѣ, предписалъ ему принять всѣ мѣры, чтобы казенные ма-

---

[1]) Записки гр. Растопчина. «Русская Старина», 1890. III.

стеровые изготовляли ежемѣсячно по 7000 ружей, и приказалъ войти въ соглашеніе съ частными оружейниками для выдѣлки 3000 ружей въ мѣсяцъ.

— Поручаю вамъ объявить всѣмъ заводскимъ мастерамъ и фабрикантамъ, имѣющимъ свои фабрики, что въ никакое еще время въ отечествѣ нашемъ не требовалось болѣе отъ каждаго усердія и пожертвованій, какъ въ нынѣшнее.

Отмѣчая всеобщее воодушевленіе и щедрый даръ Москвы, Государь написалъ предсѣдательствовавшему въ Государственномъ Совѣтѣ гр. Салтыкову:

«Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Одна сія губернія дастъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80.000, кромѣ поступающихъ охотно изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронуту до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Въ ночь на 19 іюля Государь выѣхалъ въ Петербургъ.

Несмотря на страдную пору, жизнь въ Москвѣ все еще шла попрежнему. Преобладалъ тонъ старой до-революціонной Франціи, перенесенный сюда волнами эмиграціи.

Въ барскихъ домахъ неизмѣнно танцовали матрадуры, полонезы и экосезы.

Въ Англійскомъ и Танцовальномъ клубахъ то и дѣло слышалось:

— Вистъ! Бостонъ! Лабетъ!

Лѣто стояло прекрасное. На Тверской появился единственный тогда бульваръ того же имени, усаженный новыми березками.

Въ Нескучномъ саду ставились различныя представленія.

Въ Государевомъ (теперь—Кадетскій въ Лефортовѣ) оркестръ задорно игралъ любимыя въ то время увертюры изъ «Калифа Багдадскаго», «Рѣдкой вещи» и «Діанина древа», а пѣвцы исполняли романсы Нелединскаго-Мелецкаго.

Гулянья въ этихъ мѣстахъ посѣщались очень усердно.

Дамы являлись туда въ нарядахъ съ высокой таліей и короткими рукавами, въ длинныхъ по локоть перчаткахъ, въ прическахъ à la Titus, въ «погрузительныхъ» шляпкахъ и въ башмакахъ à la Dupore,—такъ назывался знаменитый танцоръ, который незадолго до начала Отечественной войны подвизался въ Москвѣ и до того вскружилъ своимъ поклонницамъ головы, что онѣ стали носить медальоны съ изображеніемъ его ногъ.

Кавалеры щеголяли въ сѣрыхъ шляпахъ à la Sandrillon, во фракахъ бутылочнаго, васильковаго или кофейнаго цвѣта, въ узкихъ, гороховыхъ панталонахъ и лакированныхъ сапожкахъ съ кисточками, въ пышныхъ жабо съ батистовыми брызжами, съ хлыстиками или съ витыми изъ китоваго уса тросточками, набалдашникъ которыхъ изображалъ собой массонскіе молоточки.

Были въ ходу модные романы «Jeune Troubadoure», «Страстный Вертеръ», «Матильда и Малекъ-Адель», «Парижская дура», «Фоблазъ», «1001 дурачество» и «Бѣдная Лиза», сентиментальные конфектные билетики и пикантныя картинки на вѣерахъ или, какъ ихъ называли, махальцахъ.

Набожные читали «Путь ко спасенію» и «Угрозъ Свѣтовостоковъ», а нѣкоторые отдались богомолью и уѣзжали въ дальніе монастыри, на что косо посматривали простолюдины: «ишь, ударилъ громъ, начали креститься!»

Въ народныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, у Новоспасскаго и Андроньева монастырей были устроены красивыя палатки. Вокругъ нихъ гремѣла музыка. Внутри—блестѣло разное оружіе и уставленные пирамидами военные доспѣхи. Тамъ возвышались вазы съ фруктами и находился буфетъ съ винами. По срединѣ павильона стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, который былъ обшитъ золотымъ галуномъ съ кистями. На немъ лежала переплетенная въ пунцовый бархатъ книга съ національнымъ гербомъ, куда волонтеры вписывали свои имена.

Въ гостиницѣ «Парижъ» на Тверской показывалась «акустическая машина», выставленная пріѣхавшимъ изъ Або «механикомъ и гимнастомъ» Винстеромъ.

Большой успѣхъ имѣла «всемірно извѣстная» труппа эквилибристовъ.

Въ театрѣ на Арбатской площади, въ деревянной, но красивой ротондѣ съ галлереями и множествомъ дверей для выхода на случай пожара, подвизалась французская труппа подъ управленіемъ m-me Бюрсэй съ извѣстной артисткой Жоржъ во главѣ и русская—съ Семеновой. Жоржъ выступала по субботамъ, Семенова—по четвергамъ. Въ эти дни театръ былъ переполненъ. Для полученія билетовъ публика приходила съ вечера и всю ночь напролетъ дежурила у кассы. Любители и знатоки драматическаго искусства были отъ игры обѣихъ актрисъ въ восторгѣ. Публика разбилась на 2 непримиримыхъ лагеря: «Жоржистовъ» и «Семеновистовъ», во главѣ которыхъ находился самъ написавшій нѣсколько пьесъ гр. Растопчинъ[1]). Такъ было вплоть до вторженія Наполеона въ Россію. Потомъ часть французской труппы возвратилась къ себѣ на родину, а часть—въ томъ числѣ m-me Бюрсэй—осталась въ Москвѣ, и репертуаръ театра сталъ исключительно русскимъ. Ставились драмы «Наталья боярская дочь», «Добрые солдаты», ораторія Дехтерева «Мининъ и Пожарскій» и оперы Каваса «Илья Богатырь» и Шаховского «Иванъ Сусанинъ», въ которой послѣдній оставался живъ.

Вечеромъ 30 іюля должна была пойти комедія Крылова «Модная лавка», сатира на продѣлки французовъ и француженокъ. Этотъ спектакль былъ отмѣненъ, и вмѣсто него поставили оперу «Старинныя святки» съ боярами, святочными играми боярышенъ-затворницъ и вообще старымъ бытомъ Москвы. Замѣна была вызвана полученіемъ извѣстія о побѣдѣ заслонявшаго своимъ корпусомъ Петербургъ гр. Витгенштейна при Клястицахъ. Утромъ въ Успенскомъ соборѣ былъ торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, а вечеромъ въ театрѣ хоромъ пѣвчихъ и оркестромъ музыки была исполнена «Слава» Александру I. Артистка Сандунова, пользовавшаяся огромной популярностью, дополнила хоралъ своимъ речитативомъ: «Слава храброму гр. Вит-

---

[1]) «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1840.

Барское поместье гр. Паниных „Марино"

генштейну, поразившему силы вражескія! Слава храброму Кульневу, умершему за отечество!» Театръ дрогнулъ отъ грома рукоплесканій, и пѣвица, уступивъ настойчивымъ требованіямъ публики, должна была неоднократно повторить свою вставку.

Втеченіе лѣта чрезъ Москву проходили въ дѣйствующую армію на Смоленскую дорогу Башкирскіе и отчасти Калмыцкіе полки въ своихъ конусообразныхъ войлочныхъ башлыкахъ съ колчанами и стрѣлами за плечами. Гр. Растопчинъ дѣлалъ имъ на площадяхъ смотръ, во время котораго они производили свои военныя упражненія, а 14 августа на Земляномъ валу противъ Спасскихъ казармъ собралось ополченіе Москвы въ числѣ 6000 человѣкъ. Преосвященный Августинъ совершилъ водосвятіе, благословилъ крестоносцевъ на брань и, такъ какъ у нихъ еще не было знаменъ, вручилъ ополченію 2 взятыя имъ изъ церкви Спаса хоругви.

Въ общемъ кровавая война, поскольку о ней можно было судить въ Москвѣ, куда пока еще не проникли ни она сама, ни ея страшныя видѣнія, тѣсно сплелась въ городѣ съ безмятежнымъ миромъ и всѣми его спутниками.

О мирѣ красочно говорили всѣ гулянья.

О войнѣ—лишь картины приготовленія къ ней,—какъ тѣ, о которыхъ уже упомянуто, такъ и рядъ другихъ.

Напримѣръ, многія дамы, охваченныя порывомъ подлиннаго человѣколюбія, а нѣкоторыя просто изъ подражанія имъ щипали корпію, кроили и шили перевязки для раненыхъ; въ рѣдкой комнатѣ, даже изъ парадныхъ, модная тогда мебель изъ желтой карельской березы не была завалена бинтами и засорена обрѣзками полотна и холста; даже дѣти занимались этимъ; въ дѣвичьихъ же работа по изготовленію перевязочныхъ средствъ положительно кипѣла.

На Никольской улицѣ у Казанскаго собора вывѣшивались юмористическіе лубки, изображавшіе богатырей Гвоздилу и Долбилу, казака съ длинной, унизанной непріятелями пикой, Наполеона изъ человѣческихъ костей (подражаніе нѣмецкой карикатурѣ), группу тощихъ непріятелей, подымающихъ соломинку или иллюстрацію крайняго вздорожанія сахара въ видѣ двоихъ пьющихъ чай и только любующихся поставленной между ними головой сахару,—подпись: пить чай съ наглядкою.

Съ Кузнецкаго моста постепенно исчезли затѣйливыя вывѣски «A la corbeille», «Au temple de bon goût», «Restaurant joyeux», «Антуанета Лапоторъ», «Викторина Пешъ» и «Шальме»; ихъ замѣнили Доброхотовъ, Майковъ, Пузыревъ и другія русскія фирмы.

Но весь этотъ конгломератъ фактовъ, въ которомъ отсвѣчивали блики далекой грозы, тускнѣлъ въ общей жизнерадостности.

«Я,—вспоминаетъ очевидецъ,—нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все, что мы видимъ, что ежедневно происходитъ предъ нашими глазами, а также и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться, но къ несчастью этого желанія я ни въ комъ не вижу и, признаюсь тебѣ,

что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріятели» [1]).

По мѣрѣ приближенія Наполеона настроеніе въ Москвѣ стало омрачаться. Съ паденіемъ Смоленска, который считался ея оплотомъ и воротами, тревога возросла. Въ гостиныхъ только и толковали, что объ отъѣздѣ, обсуждая, слѣдуетъ ли уѣзжать и куда. Обвиняли дипломатію и генералитетъ. Боялись всего и подозрѣвали всѣхъ. Отдѣльныя семьи и лица начали покидать городъ, который раньше почти не видѣлъ раненыхъ, такъ какъ подавляющее большинство ихъ размѣщалось между Смоленскомъ и Москвой, а теперь обратился въ огромный перевязочный пунктъ. Раненые прибывали ежедневно и — тысячами. Имъ оказывалось всевозможное вниманіе. Госпитали въ избыткѣ снабжались всѣмъ необходимымъ.

Волненіе Москвы обезпокоило и ставшаго во главѣ соединившихся I и II армій Кутузова. Онъ обратился къ гр. Растопчину съ письмомъ, которое просилъ напечатать:

«Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ сердцемъ извѣстился я, что увеличенныя насчетъ дѣйствій армій нашихъ слухи, разсѣваемые неблагонамѣренными людьми, нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія. Я покорнѣйше прошу ваше сіятельство успокоить и увѣрить ихъ, что войска наши не достигли еще этого разслабленія и истощенія, въ какомъ, можетъ быть, стараются ихъ представить. Напротивъ того, всѣ воины, не имѣвъ еще данныхъ генеральнаго сраженія, оживляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожидаютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запечатлѣть кровью преданность свою къ августѣйшему Престолу и Отечеству. Всѣ движенія были далѣе направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію первопрестольнаго града Москвы. Да благословитъ Всевышній сіи предпріятія наши; сіе должно быть моленіемъ всѣхъ сыновъ Россіи. Прошу ваше сіятельство увѣрить всѣхъ московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то сіе зависѣло отъ насъ, главнокомандующихъ».

Это не внесло успокоенія тѣмъ болѣе, что вся Москва уже знала о состоявшемся переводѣ различныхъ правительственныхъ учрежденій и казеннаго имущества въ другія мѣста. Для этого было отпущено 15.000 повозокъ. Отправка началась съ 16 августа. Канцелярія гражданскаго губернатора Обрѣзкова была переведена во Владиміръ, Губернское правленіе и Архивъ иностранныхъ дѣлъ—въ Нижній-Новгородъ, учебныя заведенія съ ихъ инвентаремъ—въ Казань.

Особенно усилился надзоръ за иностранцами, въ числѣ которыхъ находилось 1.600 французовъ. О «неумолкаемости» ихъ гр. Растопчинъ безпрестанно доносилъ министру полиціи, Балашеву. Дѣла о шпіонствѣ росли, какъ грибы. Казавшихся наиболѣе подозрительными онъ сажалъ на барки и высылалъ по Волгѣ въ низовыя губерніи, преимущественно въ Саратовъ. Такъ было выслано 43 «выборной канальи изъ каналій», среди

---

[1]) Переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской. «Русскій Архивъ», 1872, XII.

которыхъ значилось 14 гувернеровъ, актеры, торговцы, ремесленники, врачъ, художникъ и поваръ. Въ своемъ посланіи къ нимъ гр. Растопчинъ писалъ:

«Перестаньте быть негодяями (mauvais sujets) и сдѣлайтесь путными людьми. Превратитесь въ добрыхъ русскихъ гражданъ изъ французскихъ, какими вы были до сихъ поръ или бойтесь еще большей кары. Войдите въ барку, не выходите изъ себя (entrez dans la barque, rentrez en vous-mêmes) и не превращайте ея въ барку Харона. Прощайте, счастливаго пути!» [1]).

Пустой случай могъ испортить все, что онъ сдѣлалъ для поддержанія спокойствія въ городѣ. Наканунѣ Бородинской битвы 2 ремесленника-нѣмца, говорившіе плохо по-русски, затѣяли споръ съ мѣнялою и, разгорячась, сказали: «Что вы дѣлаете затрудненіе? Чрезъ нѣсколько дней мы и даромъ возьмемъ у васъ эти деньги!» Началась перебранка, а за ней—потасовка. Нѣмцамъ пришлось бы скверно, если бы не подоспѣлъ защитившій ихъ квартальный. Сбѣжавшаяся толпа хотѣла расправиться съ ними по своему. Дали знать гр. Растопчину. Когда онъ прибылъ, уже вся улица была запружена народомъ. Толпа разступилась. Порядкомъ помятые ремесленники сидѣли на тротуарѣ. Гр. Растопчинъ подошелъ къ нимъ и сдѣлалъ рукою знакъ. Все стихло. Обратившись къ собравшимся, онъ строго спросилъ, какъ они осмѣливаются расправляться сами и душить людей, не умѣющихъ выражаться по-русски. Всѣ, снявши шапки, молчали. Вдругъ молодой человѣкъ, мелкій купчикъ съ рѣшительностью отвѣтилъ: «Пора народу дѣйствовать самому, когда вы даете его въ жертву иностранцамъ!»—«Такъ какъ онъ находился возлѣ меня»,—разсказываетъ гр. Растопчинъ,—«то сильнѣйшая ему пощечина была отвѣтомъ съ моей стороны. Онъ зашатался, я закричалъ, чтобы скорѣе привели мнѣ каменьщика замазать ему известкою ротъ, который осмѣливается богохульствовать». Толпа сдала, и молодой человѣкъ убѣжалъ. Несчастныхъ нѣмцевъ безпрепятственно отвезли послѣ этого въ больницу, и народъ, снова выслушавъ колоритное вразумленіе, разошелся. Гр. Растопчинъ «вышелъ изъ этихъ обстоятельствъ крайне довольный, что такъ все кончилось» [2]).

Необычайно боясь мятежа, онъ обратился за содѣйствіемъ къ митрополиту Платону. Владыка, несмотря на свою крайнюю слабость, откликнулся на его зовъ. На Сенатской площади былъ воздвигнутъ уставленный иконами амвонъ. Ждали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ, въ Никольскихъ воротахъ показался черный цугъ. Толпа обнажила головы. Митрополитъ выглянулъ изъ окна и дрожащей рукой благословилъ ее. За нимъ въ экипажѣ ѣхалъ гр. Растопчинъ. Народъ повалилъ за ними. На Чудовской площади пастырь съ помощью діаконовъ вышелъ изъ кареты и былъ введенъ на амвонъ. Гр. Растопчинъ сталъ за нимъ. Платонъ съ блѣднымъ и изможденнымъ лицомъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ, и слово отъ его имени держалъ діаконъ, умоляя толпу не волноваться, довѣриться сво-

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей, т. III, стр. 134.
[2]) «Русскій Архивъ», 1875, X.

имъ начальникамъ и покориться волѣ Божіей. Митрополитъ плакалъ. Его подвижническій видъ, рѣчь, переданная устами другого, и слезы,—все это произвело потрясающее впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ послышались рыданія. «Владыко желаетъ знать»,—продолжалъ діаконъ,—«насколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣна!» Живая стѣна упала. Старецъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ. Тогда выступилъ гр. Растопчинъ и въ доказательство того, что населеніе не будетъ выдано врагу безоружнымъ, позволилъ толпѣ разобрать арсеналъ: «Защита будетъ въ вашихъ рукахъ» [1]).

Раненые все прибывали. Имъ давали роздыхъ на Смоленскомъ рынкѣ. Они лежали на соломѣ. Обыватели разрывали свои рубахи, дѣлали бинты, накладывали перевязки и носили туда цѣлые лотки вина, калачей, сбитня. Медленно тянулись скорбные транспорты по Тверской. Легко раненые брели возлѣ телѣгъ. Для тяжело раненыхъ былъ отведенъ Лефортовскій дворецъ. Съ каждымъ днемъ окровавленныхъ страдальцевъ становилось все больше, такъ что ихъ пришлось размѣщать въ частныхъ домахъ, а населеніе все убывало. Церкви стояли все время открытыми. Только тамъ встрѣчались знакомые, пожимали другъ другу руки, плакали и прощались даже съ тѣми, кого едва знали. Подворотни загромоздились сундуками, улицы — бричками, каретами и обозами съ домашнимъ скарбомъ. Простонародье смотрѣло на тѣснившіеся у заставы экипажи съ недоброжелательствомъ и роптало на покидавшее Москву барство. Мужчины подвергались непріятностямъ и даже опасности. Помѣщику, уѣзжавшему со своими родственницами въ Рязань, пришлось надѣть чепчикъ и спрятать бритый подбородокъ подъ женской шалью. Благодаря этимъ предосторожностямъ, бѣглецамъ удалось благополучно выбраться за заставу, но тутъ они наткнулись на ополченцевъ.

— Куда ѣдете?

— Къ себѣ въ имѣнье,—отвѣтила извѣстная впослѣдствіи писательница Зонтагъ, тогда Юшкова.

— Такъ ужъ видно всѣ Москву покидаютъ, не жаль выдать ее врагу на разграбленіе!—заговорили въ толпѣ.

— Добрые люди, вѣдь, вы видите, мы женщины и помощи никакой принести не можемъ.

— Да васъ-то мы не держимъ, а этихъ вотъ намъ оставьте!

Ополченцы указали на кучеровъ и лакеевъ.

— Какъ же намъ кучера отдать? Кто на козлы сядетъ?

— А намъ что за дѣло? Хоть сама полѣзай! Мы этихъ молодцовъ не отпустимъ!—и всѣ обступили коляску.

— Пошелъ!—крикнула Юшкова.

Кучеръ ударилъ по лошадямъ, шестерня двинулась, народъ разступился и экипажи покатились [2]).

«Я радъ»,—объявилъ гр. Растопчинъ,—«что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше но-

[1]) Разсказы очевидцевъ о 1812 годѣ. «Московскія Вѣдомости», 1872, № 52.
[2]) «Русскій Архивъ», 1877, VII.

востей. Но нельзя похвалить ни мужей, ни братьевъ, ни родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то непристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ».

Улицы пустѣли, а кто шелъ, не зналъ, куда итти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди. Носились слухи, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Увѣряли, будто Государь—въ Сокольникахъ на дачѣ у гр. Растопчина, гдѣ атаманъ казаковъ гр. Платовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Слушали и не слушали. Мысли, души, весь бытъ былъ въ разбродѣ[1]).

Въ день Бородинскаго боя совершался крестный ходъ. Отъ Срѣтенскихъ и до Никольскихъ воротъ онъ подвигался между двумя рядами съ массой раненыхъ. Страждущіе и умиравшіе пытались подняться на своихъ телѣгахъ и помолиться. Порѣдѣвшее населеніе собиралось на площадяхъ и у заставъ, въ нѣмомъ отчаяніи прислушивалось къ доносившемуся по вѣтру гулу канонады и лихорадочно останавливало курьеровъ, засыпая ихъ разспросами. Пріѣхалъ митрополитъ Платонъ. Съ быстротою молніи разнеслась молва, что онъ явится на Три Горы или Поклонную благословить воинство на рѣшительное сраженіе. Но его прибытіе было только послѣднимъ порывомъ любви къ родинѣ. Остановившись въ Чудовомъ монастырѣ, старецъ сѣлъ въ креслахъ на главномъ крыльцѣ, долго смотрѣлъ на Кремль, словно прощаясь съ нимъ, и потускнѣвшимъ взоромъ глядя на подходившихъ къ нему, чуть слышно шепталъ: «Прощайте, простите, спаси васъ Господь!» Онъ хотѣлъ остаться въ Москвѣ, и преосвященный Августинъ съ трудомъ уговорилъ его удалиться въ Виѳанію[2]).

Гр. Растопчинъ выпустилъ прокламацію, въ которой объявлялось, что въ происшедшей битвѣ противнику не уступлено «ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ», и что «если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска». Блеснулъ яркій лучъ надежды. Но тѣмъ убійственнѣе было разочарованіе: Москва съ ужасомъ узнала что, проведя ночь «на полѣ грозной сѣчи», Кутузовъ отступаетъ.

«Если уцѣлѣвшій противникъ»,—свидѣтельствуетъ ординарецъ Наполеона,—«отступилъ въ такомъ блестящемъ порядкѣ, гордымъ и не теряющимъ мужества, не оставивъ по дорогѣ не только ни одного человѣка, но ни одной повозки, даже ни одного клочка одежды, что значило для насъ пріобрѣтеніе какого-то поля битвы?»[3])

Въ оцѣнку этого не входили и не могли войти. Мысль о самомъ фактѣ отступленія мучительно сверлила мозгъ. Всѣ фабрики закрылись. Торгъ прекратился. Послѣдовало распоряженіе запирать всѣ питейныя заведенія и трактиры—ихъ было до 300—въ 10 часовъ утра.

Паника приняла чудовищные размѣры. Выѣзжали съ утра и до глубокой ночи. Лошади и повозки неимовѣрно вздорожали. Бѣдные уносили

---

[1]) Глинка. Записки о 1812 годѣ.

[2]) Снегиревъ. «Жизнь митрополита Платона», т. II, и «Очерки жизни архіепископа Августина».

[3]) Гр. де-Сегюръ. Mémoires.

на себѣ свое имущество, а громоздкія вещи закапывали на дворахъ, въ огородахъ и садахъ или замуравливали ихъ въ каменныя стѣны. Дѣти бросали туда же на сохраненіе свои игрушки: кнутики, кубари, куклы. Сперва ставили въ ямы сундуки, затѣмъ сбрасывали подушки и, наконецъ, чтобы остріе непріятельскаго оружія не вытаскивало въ поискахъ добычи чего-либо мягкаго, на все наваливали землю и накидывали дрова.

Около 600 подводъ съ ризницами патріаршей, монастырскими и соборными, съ библіотеками, съ дѣлами Консисторіи и Синодальной конторы потянулись въ Вологду.

Сенатъ съ архивомъ выѣхалъ въ Казань.

А гр. Растопчинъ все еще не оставлялъ бравады въ своихъ афишахъ: «Примемся за дѣло, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ». Только 31 августа онъ переѣхалъ съ дачи изъ Сокольниковъ въ свой домъ на Лубянкѣ (теперь—Московскаго страхового общества) и, посылая населеніе на Три Горы, заявлялъ: «Должно и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжелый своихъ выдавать. Москва наша мать; она насъ поила, кормила и обогатила. Собирайтесь».

Трудно было яблоку упасть. «Отъ восхода до захода солнца народъ терпѣливо ожидалъ прибытія своего вождя, но гр. Растопчинъ не являлся»[1]). Это произвело страшную сумятицу. Полиція стала втихомолку покидать городъ. Уѣхалъ и комендантъ Гессе. Получивъ отъ Кутузова извѣщеніе, что на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ рѣшено оставить Москву, гр. Растопчинъ немедленно отдалъ приказъ о вывозѣ раненыхъ и больныхъ. Для нихъ было приготовлено 4.000 телѣгъ, на которыхъ размѣстилось около 17.000 человѣкъ. Съ ними по его распоряженію ушла и пожарная команда со всей прислугой, запряжками и 96 трубами.

Въ послѣднюю ночь изъ «Ямы» и острога выпустили колодниковъ. Съ полуобритыми головами и звѣрскими лицами они бросились разбивать кабаки, погреба и трактиры и, вооружившись дубинами, кистенями, ножами и топорами, шатались по улицамъ и, останавливая случайныхъ прохожихъ, съ неистовымъ крикомъ: «Бей, коли, руби!»—грабили, кого попало. Разбивъ питейную контору на Поварской улицѣ, эти банды выбили у винныхъ бочекъ втулки, днища и краны и, чего ужъ не могли выпить, разливали по землѣ. Всюду слышался неимовѣрный грохотъ, дикіе вопли, охриплая ругань и звонъ вдребезги разсыпавшихся стеколъ.

Объ отступленіи Кутузова черезъ Москву гр. Растопчинъ не объявилъ. Обозъ прошелъ за Рогожскую заставу ночью, а съ разсвѣтомъ 2 сентября, когда военный караулъ еще стоялъ на гауптвахтѣ, чрезъ Дорогомиловскую заставу вступилъ состоявшій изъ конницы авангардъ арміи, за которымъ слѣдовали дружины ополченія, артиллерія и пѣхота, направленная на мосты Каменный, Москворѣцкій и Яузскій. Тамъ была наибольшая давка.

Извѣстіе объ оставленіи Москвы прежде всего распространилось въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ проходили войска. Въ отдаленныя же — оно

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія, 1859, кн. I.

проникало постепенно. Многимъ самое прохожденіе арміи казалось совершенно непонятнымъ: «Ѣду мимо одного дома»,—сообщаетъ современникъ,—«и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя дѣвушками, вѣроятно, мать съ дочерьми. Я удивленнымъ голосомъ спросилъ: «Что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь французы идутъ за нами по-пятамъ! Вы можете попасть въ плѣнъ!» Дама сначала не хотѣла этому вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, проговорилъ второпяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: лошадей, экипажи, французы!»[1])

Узнавшіе о несчастьи и имѣвшіе возможность двинулись изъ Москвы вмѣстѣ съ арміей. Старики, едва передвигая ноги, шли окруженные своимъ семействомъ. Матери несли на рукахъ грудныхъ младенцевъ и сверхъ того вели за собой малолѣтокъ. Дѣти въ толпѣ терялись, и родные съ громкимъ плачемъ отыскивали ихъ. Больныхъ тащили на плечахъ. Нѣкоторые ѣхали верхомъ съ тюками по обѣ стороны сѣдла. Плелись съ котомками за спиной. Мчались въ каретахъ или объемистыхъ повозкахъ, набитыхъ перинами, чемоданами, картонками, статуями, музыкальными инструментами, клѣтками съ попугаями, обезьянами на цѣпочкахъ, любимыми болонками и даже курятниками. Бабы въ лохмотьяхъ чередовались съ разряженными барынями, которыя во имя спасенія своего гардероба носили на себѣ по нѣсколько платьевъ. За иными гнали полное хозяйство съ коровами, овцами, козами и охотничьими собаками.

Изъ воротъ старой крѣпости выступалъ гарнизонный полкъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брозина. Онъ шелъ съ музыкою. Увидѣвъ это, начальникъ арьергарда пылкій Милорадовичъ закричалъ:

— Какой негодяй вамъ приказалъ итти съ музыкою?

Командиръ хладнокровно отвѣтилъ:

— Въ Регламентѣ Петра Великаго сказано, если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою.

Пораженный такимъ отвѣтомъ, Милорадовичъ вспылилъ:

— Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что-нибудь о сдачѣ Москвы? Прикажите замолчать вашей музыкѣ! [2])

Въ полдень, когда войска еще проходили, и у гр. Растопчина уже все было готово къ отъѣзду, предъ его домомъ на Лубянкѣ собралось множество народу. Толпа бурно требовала, чтобы онъ велъ ее—согласно своему призыву — на Три Горы. Не выйти нельзя было: угрожающій кличъ собравшихся вполнѣ опредѣленно возвѣщалъ о близости расправы. Показаться съ пустыми руками —также: это было бы равносильно обреченію себя въ жертву съ каждымъ мигомъ все болѣе сгущавшихся страстей. Нужно было во что бы то ни стало отвести надвинувшуюся грозу. Необходимъ былъ громоотводъ. Онъ нашелся. О немъ вспомнили. Это былъ Верещагинъ. Распорядившись привести его и, выйдя съ нимъ на крыльцо, гр. Растопчинъ воскликнулъ: «Вотъ измѣнникъ, отъ котораго погибаетъ Москва!»—и громовымъ голосомъ приказалъ своему ординарцу

[1]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны, т. II.
[2]) «Русскій Архивъ», 1875, XI.

Бурдаеву: «Руби!» Не ожидавшій этого поручикъ оторопѣлъ, замялся и не подымалъ рукъ. Тогда гр. Растопчинъ обрушился на стоявшаго рядомъ съ Бурдаевымъ дежурнаго капитана Гаврилова: «Вы мнѣ отвѣчаете своею собственною головою! Рубить!!» Не успѣлъ Верещагинъ сказать: «Грѣхъ вамъ будетъ, ваше сіятельство!»—какъ оба выхватили сабли. Первый ударъ машинально нанесъ ему Виноградовъ, а за нимъ — Бурдаевъ. Верещагинъ съ крикомъ упалъ, и его окрашенный кровью вопль былъ той искрой, которая разрядила еле сдерживавшійся народъ. Толпа съ остервененіемъ обрушилась на Верещагина, добила его и, потащивъ со двора на улицу, одумалась лишь послѣ того, какъ ея несчастная жертва превратилась въ посинѣвшій, окровавленный и страшно изуродованный трупъ [1]).

На запросъ министра юстиціи Дмитріева гр. Растопчинъ уже изъ Владиміра отвѣтилъ: «Измѣнникъ сей и государственный преступникъ былъ, предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву, преданъ мною стоявшемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости».

Воспользовавшись суматохой, «находчивый» администраторъ вскочилъ въ поданный ему съ задняго крыльца экипажъ и умчался къ Серпуховской заставѣ. За ней онъ услышалъ 2 пушечныхъ выстрѣла: подойдя съ Воздвиженки, непріятельскій авангардъ—подъ начальствомъ Мюрата—обстрѣлялъ Троицкія ворота, за которыми засѣло нѣсколько человѣкъ съ ржавыми ружьями, и вошелъ въ Кремль.

На Спасской башнѣ пробило 4 часа. Изъ оконъ Сената полетѣли столы, скамьи и кресла, и вскорѣ на Сенатской площади выросъ шумный непріятельскій бивуакъ. Другія колонны, войдя въ Калужскую, Пресненскую и Тверскую заставы, стали размѣщаться по Лубянкѣ, Маросейкѣ, Покровкѣ и въ остальныхъ районахъ Москвы.

Жители—ихъ осталось до 20.000—скрывались, объятые ужасомъ, въ подвалахъ и потайныхъ углахъ. Огромный городъ казался совершенно вымершимъ. Непріятели подвигались въ немъ, какъ въ колоссальномъ могильномъ склепѣ. Не довѣряя гробовой тишинѣ, они зорко всматривались въ каждое окно и напряженно вслушивались въ отдаленный шумъ. Не то было въ другихъ столицахъ Европы. «Насъ удивило»,—говоритъ участникъ похода,—«что нигдѣ не видно было ни единой души, даже ни одной женщины, и некому было послушать нашу музыку, игравшую маршъ «Побѣда за нами!» [2])

Губернаторомъ былъ назначенъ маршалъ Мортье. Комендантомъ—генералъ Дюронель. Плацъ-комендантомъ — гр. Мильо. Интендантомъ—Лессепсъ. Оберъ-полицеймейстеромъ — оставшійся въ городѣ лекторъ французскаго языка въ Университетѣ, Вильеръ.

Вечеромъ начались пожары: вспыхнуло Зарядье съ масляными и москательными лавками, за нимъ—Балчугъ и окрестности Яузскаго моста и,

---

[1]) Жуковъ. Новое извѣстіе очевидца и личнаго дѣятеля катастрофы. «Московскія Вѣдомости», 1860, № 76.

[2]) Сержантъ Бургонь. Mémoires.

наконецъ,—лѣсные склады у Остоженки. Оттуда огонь перекинулся на Тверскую и охватилъ Губернаторскую площадь. Шедшій туда патруль долженъ былъ свернуть въ сторону, такъ какъ предъ нимъ буйно колыхался сплошной огненный сводъ.

Переселенцы находились въ это время въ 5 верстахъ отъ города. Они увидѣли, какъ ночью на красномъ фонѣ, который становился все ярче, вырѣзались стройныя колокольня Ивана Великаго и Сухарева башня, и, глядя на запылавшую Москву, истово крестились:

— Господи, что это такое? Заступница милосердная! Святые угодники! Мать наша горитъ! Горитъ, родная, какъ свѣча предъ Богомъ...

II.

Пока его авангардъ вступалъ въ Москву, Наполеонъ оставался на Поклонной, любуясь развернувшейся предъ нимъ панорамой. «Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!»—воскликнулъ онъ и затѣмъ прибавилъ: «Давно пора!»

Для него за этими стѣнами скрывались всѣ надежды на миръ, на покрытіе военныхъ издержекъ и на безсмертную славу.

Его взоры были прикованы ко всѣмъ входамъ въ Москву. Когда же наконецъ, откроются эти ворота, и выйдетъ изъ нихъ депутація!

Однако ужъ наступалъ вечеръ, а городъ оставался безмолвнымъ. Томленіе Наполеона возростало, и все труднѣе становилось сдерживать нетерпѣливое войско.

Нѣсколько офицеровъ проникли въ Москву и, вернувшись, сообщили, что она покинута. Наполеонъ съ негодованіемъ отвергъ это извѣстіе и, спустившись съ Поклонной, продвинулся къ Дорогомиловской заставѣ. Тутъ онъ все еще ждалъ и надѣялся: «Можетъ быть, эти жители еще не умѣютъ сдаваться? Здѣсь все ново, какъ для насъ, такъ и для нихъ!»

Но рапорты неизмѣнно подтверждали одно и то же.

Пришли покинувшіе городъ иностранные книгопродавцы Риссъ, Сессе и типографъ Ламуръ. Они также подтвердили роковую вѣсть. Наполеонъ призвалъ своего ординарца Дарю: «Москва пуста! Какое невѣроятное событіе! Необходимо туда проникнуть! Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ!» Онъ думалъ, что эти люди, охваченные гордостью или парализованные ужасомъ, неподвижно сидятъ у своихъ очаговъ, и, всюду встрѣчая со стороны побѣжденныхъ покорность, желалъ возбудить ихъ довѣріе къ себѣ тѣмъ, что самъ явился выслушать ихъ мольбы.

Посланный вернулся ни съ чѣмъ. Никто не показывался. Ни одной струйки дыма не поднималось изъ домовыхъ трубъ, ни малѣйшаго шума не доносилось изъ этого огромнаго города. Казалось, что все точно по волшебству окаменѣло.

Наполеонъ былъ такъ настойчивъ, что заупрямился и все еще продолжалъ дожидаться. Наконецъ, нѣкій офицеръ, не то изъ желанія выслужиться, не то въ увѣренности, что всякое желаніе его повелителя должно быть непремѣнно исполнено, вошелъ въ Москву, захватилъ съ собою 5—6 бродягъ и пригналъ ихъ къ Наполеону, воображая, что до-

ставилъ столь долгожданную депутацію. Наполеонъ сразу же убѣдился, что предъ нимъ—жалкій сбродъ, пожалъ плечами и приказавъ: «Уберите эту рвань!»—презрительно сказалъ: «А, эти русскіе еще не знаютъ, какія послѣдствія повлечетъ за собой взятіе ихъ столицы!» [1])

Проведя ночь въ одномъ изъ трактировъ въ Дорогомиловѣ, онъ въѣхалъ въ городъ лишь утромъ 3 сентября. Арбатъ, которымъ слѣдовалъ Наполеонъ, былъ совершенно пустъ. Единственнымъ, привѣтствовавшимъ его лицомъ, оказался нѣмецъ, владѣлецъ Арбатской аптеки [2]).

Наполеонъ направился въ Кремль. Въ сѣромъ сюртукѣ и низкой треуголкѣ, верхомъ на великолѣпномъ арабскомъ конѣ,—онъ рѣзко отличался отъ своей блестящей свиты и тянувшагося за нимъ торжественнаго шествія.

Гусары по-эскадронно — зеленые, коричневые и синіе, легкіе уланы на статныхъ лошадяхъ, тяжелая кавалерія съ тигровыми шкурами и шишаками, гвардейская артиллерія въ куньихъ шапкахъ, драгуны въ мѣдныхъ каскахъ и свѣтлыхъ плащахъ съ карабинами на ремняхъ за плечами, стройная и закаленная солнцемъ Африки старая гвардія въ мундирахъ съ разноцвѣтными отворотами и огромныхъ медвѣжьихъ шапкахъ, пруссаки въ голубыхъ курткахъ, австрійскіе кирасиры — бѣлые съ оливковымъ шлюмажемъ на шляпахъ, голландскіе копейщики въ красномъ, неаполитанскіе смуглые стрѣлки, поляки въ національномъ нарядѣ съ откидными рукавами, приземистые вестфальцы и рослые баварцы, которыхъ простонародье называло «безпальцами» и «поварцами»,—все это казалось движущейся мозаикой.

Кремль превратился въ крѣпость. Боровицкія, Никольскія и Тайницкія ворота были окопаны рвомъ и окружены валомъ, на которомъ поставили орудія. Сюда входили съ особаго дозволенія начальства. «Qui vive?»—спрашивали караульные всѣхъ входившихъ безъ особаго пропуска и, послѣ двукратнаго опроса не получая надлежащаго отвѣта, стрѣляли.

Резиденціей Наполеона сталъ Кремлевскій дворецъ. Штабъ его находился въ Сенатѣ и Оружейной палатѣ.

Мюратъ, вступая въ Москву, обратилъ свое вниманіе на домъ Баташева, что на Швивой горкѣ, назначилъ себѣ въ немъ квартиру, приставилъ караулъ и вечеромъ въ сопровожденіи 30 генераловъ съ многочисленными офицерами прибылъ на ночлегъ. Войдя въ домъ, онъ истребовалъ къ себѣ управляющаго и приказалъ ему показать комнаты. Покои были великолѣпны. Обстановка — роскошна. Мюратъ спросилъ управляющаго, кто его господинъ, и гдѣ онъ. Управляющій отвѣтилъ, что это—крупный заводчикъ, который на лѣто всегда уѣзжаетъ изъ города. «Напишите своему господину»,—сказалъ король,—«чтобы онъ спокойно возвращался въ Москву: здѣсь онъ будетъ подъ моимъ особымъ покровительствомъ». Чтобы задобрить непріятелей, дворня старалась исполнять всѣ всѣ ихъ прихоти и требованія. Прислуга освѣтила все зданіе и приготовила ужинъ. Мюрату онъ былъ сервированъ отдѣльно въ богатѣйшей красной

[1]) Гр. де-Сегюръ. Mémoires.
[2]) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву. СПБ. 1813.

„Кузьминки" кн. С. М. Голицына.—Конный дворъ.

гостиной. Для генераловъ и свиты столы были накрыты въ залѣ и столовой. Ужинъ былъ сытный, но безъ бѣлаго хлѣба. Только для короля нашлась случайно уцѣлѣвшая у дворовыхъ ребятишекъ сайка. Остальнымъ пришлось удовольствоваться чернымъ хлѣбомъ. «Генералы»,—разсказываетъ управляющій,—«сперва гнѣвались и говорили, что только свиньи кушаютъ такой хлѣбъ, однако-жъ, бывъ голодны, принялись и за него». Послѣ ужина каждый генералъ, не желая спать на холопской постели, угрожающе требовалъ барской кровати и непремѣнно — въ особомъ покоѣ. Покоевъ было достаточно. Барскихъ кроватей, конечно, не хватало. Всю ночь шла неимовѣрная суета. «Насъ таскали, какъ кошекъ за хвостъ, то туда, то сюда. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, и всю ночь мы бродили, какъ тѣни». Утромъ незваные гости вновь принялись тормошить дворню. Кто требовалъ чаю, кто—кофе, а иной—шампанскаго. Прислуга съ ногъ сбилась»[1]). Такъ продолжалось до тѣхъ поръ пока вслѣдствіе пожара Мюратъ не переѣхалъ въ домъ гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ.

Принцъ Евгеній расположился въ домѣ Мамонова на Тверской.

Маршалъ Даву поселился въ домѣ кн. Щербатова на Дѣвичьемъ полѣ, куда должны были обращаться за пропускными билетами всѣ, желавшіе оставить Москву.

Генералъ Клапаредъ помѣстился въ богатомъ Покровскомъ монастырѣ.

Дюма выбралъ для себя внутри удобно расположенный и отлично отдѣланный домъ Мухановой. Въ немъ все было въ такомъ порядкѣ, словно ожидали пріѣзда господъ. Въ гостиной, на круглomъ столѣ, лежали начатыя дамскія работы. Вся мебель стояла по своимъ мѣстамъ, и въ роскошной спальнѣ на письменномъ столѣ лежали ключи.

Лористонъ занялъ домъ гр. Растопчина на Лубянкѣ, а его канцелярія была устроена на колокольнѣ Ивана Великаго.

Вендеменъ жилъ въ домѣ Дурасова у Яузскаго моста, славившемся—до непріятельскаго нашествія—хлѣбосольствомъ своего радушнаго хозяина.

Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи генералу Сокольницкому. Отыскивая для него помѣщеніе поближе къ Кремлю, гр. Солтыкъ былъ изумленъ рядомъ выдающихся по своей красотѣ зданій и, главнымъ образомъ,—домомъ Пашкова на углу Знаменки и Моховой, въ которомъ теперь – Румянцевскій музей. «Я затруднялся»,—говоритъ онъ,—«какой выбрать домъ изъ сотни великолѣпныхъ, одинъ богаче другого. Какая противоположность съ бивуаками и жалкими лачужками, которыми намъ приходилось довольствоваться столько мѣсяцевъ! Эти дома казались мнѣ зачарованными замками арабскихъ сказокъ». Выборъ палъ на особнякъ гр. Мусиной-Пушкиной. На стукъ въ парадную дверь вышелъ управляющій въ сопровожденіи дюжины служителей. Онъ освѣдомился у посѣтителя, что ему угодно, и объявилъ, что домовладѣлица, уѣзжая, поручила своему довѣренному не отказывать гостямъ въ пріемѣ, а для услуги имъ оставила достаточный штатъ людей [2]).

[1]) Письма прикащика Сокова къ Баташеву. «Русскій Архивъ», 1871.
[2]) Гр. Солтыкъ. Napoléon en 1812, Paris, 1830.

Другіе командиры, большая часть которыхъ размѣстилась въ Рязанскомъ подворьѣ (сейчасъ—Консисторія), также заняли лучшіе дома, благодаря чему почти только эти зданія и уцѣлѣли.

Часть арміи была расквартирована по храмамъ, въ которыхъ тотчасъ же начались сопровождавшіеся насиліемъ грабежи и безчинства. Въ Москвѣ было 267 церквей и 23 монастыря. Они обладали несмѣтнымъ богатствомъ. Отчасти его заблаговременно вывезли, отчасти укрыли въ землѣ, въ прудахъ и вообще въ болѣе или менѣе надежныхъ мѣстахъ. Благодаря этому, многое удалось спасти. Тѣмъ круче пришлось монашествующей и бѣлой братіи. Толпами врываясь въ храмы, грабители прежде всего забирали бывшую на виду драгоцѣнную утварь. Затѣмъ начинался допросъ священнослужителей о схороненномъ имуществѣ, который сопровождался побоями и истязаніями.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ былъ допрошенъ казначей, престарѣлый іеромонахъ Ааронъ. Его таскали за волосы и бороду и били палашами по спинѣ, пока онъ не лишился чувствъ. Несмотря на всѣ пытки, инокъ не выдалъ мѣстонахожденія сокровищъ и даже успѣлъ спрятать небольшой запасъ муки, которымъ кормилъ своихъ и приходившихъ къ нему обывателей.

Въ Заиконоспасскомъ—грабители схватили іеромонаха Виктора и бросили его въ рѣку, откуда онъ едва спасся, а монаха Вонифатія нѣсколько разъ окунали въ холодную воду, пока онъ не свалился полумертвымъ.

Въ Донской—сразу вломилось до 200 мародеровъ. Всѣ были вооружены. Сначала они бросились въ кельи съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ. Потомъ стали до-гола раздѣвать иноковъ и требовать золота и серебра. Намѣстника жестоко избили, ризничному проломили голову, іеромонаха Иринея изранили саблями и штыками. Многихъ били ружьями и саблями. Нѣкоторые полунагіе монахи разбѣжались и укрылись въ башнѣ. Ихъ нашли и снова жестоко избили.

Никитскій—былъ весь расхищенъ, причемъ грабители ежедневно приходили къ монахинямъ, требовали денегъ и хлѣба и наносили имъ страшные побои.

Алексѣевскій—также.

Изъ Вознесенскаго и Страстного—монахинь выгнали на паперть, а въ кельяхъ размѣстили устраивавшихъ оргіи солдатъ.

Въ Андроньевскомъ и Златоустовскомъ—кололи образа и употребляли ихъ вмѣсто дровъ.

Въ Крестовоздвиженскомъ и Покровскомъ — церкви были обращены въ конюшни. Въ иконостасы вбили гвозди для сбруи. Алтари превратились въ спальни. Одѣвшись въ ризы, солдаты прогуливались по двору и стрѣляли птицъ [1]).

«Проходя мимо Петровскаго монастыря»,—вспоминаетъ очевидецъ,—«я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые съ любопытствомъ заглядывали въ монастырскія ворота. Подражая имъ, я также взглянулъ туда; но въ какое я пришелъ изумленіе, увидавъ весь монастырскій помостъ покрытымъ спекшейся кровью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валялись

[1]) «Московскія Епархіальныя Вѣдомости», 1871, №№ 14, 31, 37, и 1872, №№ 13, 51.

Боковой фасадъ въ Остафьевѣ.

внутренности животныхъ, которыя гніеніемъ производили сильное зловоніе. Зажавъ носъ и вытаращивъ глаза, съ удивленіемъ я спросилъ зрителей, что здѣсь происходитъ. Одинъ изъ толпы, насмѣшливо взглянувъ на меня, отвѣчалъ: «Ты, братъ, видно сытъ, да при томъ же изъ дворянской породы; ишь, какъ законопатилъ носъ! Вотъ мы такъ принюхались къ вони, ходя сюда ежедневно, не достанется ли чего хотя изъ требушины на нашу сиротскую долю. Развѣ не видишь, что тутъ непріятельская бойня»... Оставивъ дожидавшихся мясной провизіи и проходя мимо соборной церкви, увидалъ я въ растворенныя двери въ ней устроенную мясную лавку; вокругъ стѣнъ, на широкихъ полкахъ, лежали разныя части мяса; на паникадилахъ и на вколоченныхъ въ иконостасѣ гвоздяхъ висѣли внутренности животныхъ и разныя птицы».

Такія же бойни были устроены въ Даниловомъ монастырѣ, во дворѣ котораго рѣзали барановъ, коровъ и свиней, въ церкви Вознесенія у Серпуховскихъ воротъ и въ Петропавловской, что въ Лефортовѣ, гдѣ стояли быки.

«Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмодемьянской церкви»,— разсказываетъ свидѣтель,— «изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоявшаго на паперти непріятеля, онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по-домашнему, въ колпакѣ, безъ галстука, съ накинутой на плеча шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидѣлъ слѣды грабежа и буйства. По срединѣ храма пылалъ костеръ, вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ, подъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: «Добре, Русъ». Я поблагодарилъ поклономъ. Послѣ того, желая, быть можетъ, похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы. Тутъ же находились разныя овощи — картофель и капуста. На вбитыхъ въ иконостасы гвоздяхъ висѣли конская сбруя и военная амуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскія врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ увидѣлъ я стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою. Налюбовавшись конемъ, повелъ онъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла лошадь въ алтарѣ, ѣвшая овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ»[1]).

Не избѣгли этой участи и храмы въ самомъ Кремлѣ.

Въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто паникадила висѣли вѣсы. На нихъ вѣшали выплавленное золото и серебро. На иконостасѣ было написано: 18 пудъ золота и 325 пудъ серебра. Тутъ же находились плавильные горны и стойла для лошадей. Гробница съ останками митрополита Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана. Досчатыя надгробья могилъ архипастырей были обнажены, а у патріарха Гермогена — изрублено.

---

[1]) Кн. Шаховской. Воспоминанія. «Русскій Архивъ», 1886, XI.

Въ Архангельскомъ—валялись разбитыя винныя бочки и разная выброшенная изъ дворцовъ и Оружейной палаты рухлядь. Въ самомъ алтарѣ находилась кухня для Наполеона.

Въ Верхоспасскомъ—престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ.

У Спаса на Бору и Николы Гостунскаго были устроены склады овса, соломы и сѣна для лошадей Наполеона. Остальные храмы были превращены въ гвардейскія казармы.

Болѣе посчастливилось Новодѣвичьему монастырю, которому покровительствовалъ жившій въ немъ начальникъ расквартированнаго тамъ же отряда капитанъ Задера, и—Зачатьевскому: главный хирургъ при корпусѣ маршала Даву Паулетъ приставилъ къ нему охранную стражу и приказалъ сдѣлать на воротахъ надпись о томъ, что эта обитель уже совершенно ограблена, и потому ходъ въ нее воспрещается.

Бивуаки были разбросаны повсюду: у обгорѣлыхъ лавокъ Гостиннаго Двора, на Тверскомъ бульварѣ и площадяхъ, гдѣ солдаты мѣсили тѣсто въ помойныхъ лоханяхъ и варили на кострахъ супъ или кашу, и — самые худшіе—у заставъ или за ними. Тамъ, въ грязи, у нихъ курилось топливо изъ расколотой мебели, рамъ, дверей и иконостасовъ. Около огней, съежившись, сидѣли и прохаживались солдаты, обрызганные грязью и закопченные дымомъ, въ изношенныхъ мундирахъ и потрепанной обуви. Шалаши, крышами для которыхъ служили обгорѣлыя доски, днища бочекъ и большія картины, а стѣнами – зеркала и ширмы, были устроены изъ обломковъ разныхъ построекъ. Солдаты, наиболѣе удачно поживившіеся, лежали въ нихъ на обитыхъ дорогой матеріей диванахъ или на связкахъ бархата, мѣховъ и парчи. Предъ ними въ раззолоченныхъ люстрахъ и бронзовыхъ канделябрахъ торчала по вечерамъ и ночью горящая лучина и валялись кучи награбленнаго добра, среди котораго были и бутылки съ виномъ, заткнутыя, вмѣсто пробокъ, вырванными изъ книгъ листами.

«Это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожилось войско. Въ окнахъ домовъ видны были люди въ шинеляхъ и штиблетахъ, смѣясь прохаживающіеся по комнатамъ; въ погребахъ, въ подвалахъ такіе же люди хозяйничали съ провизіей; на дворахъ такіе же люди отпирали и отбивали ворота сараевъ и конюшенъ; въ кухняхъ раскладывали огни, съ засученными руками пекли, мѣсили и варили, пугали, смѣшили и ласкали женщинъ и дѣтей. И этихъ людей вездѣ, и по лавкамъ, и по домамъ, было много, но войска уже не было»[1]).

Было среднее между жителями и солдатами. Мародеры. Приказъ, которымъ грабежъ строжайше воспрещался, былъ объявленъ въ каждомъ полку, но тамъ его истолковали по-своему.

«Капитанъ разрѣшилъ мнѣ»,—вспоминаетъ свидѣтель,—«взять 10 солдатъ, вооруженныхъ саблями и отправиться на добываніе продовольствія.

---

[1]) «Война и миръ» ч. III, гл. XXVI, стр. 494—495.

Еще 20 человѣкъ онъ отрядилъ въ другую сторону, потому что мародерство или разграбленіе—какъ угодно—было разрѣшено, но приказано было производить какъ можно меньше безпорядка»[1]).

Въ 10 часовъ вечера въ гренадерской ротѣ было приказано сдѣлать перекличку. Оказалось, что не хватаетъ 18 душъ. Остальные спокойно спали въ бильіардной залѣ, растянувшись на богатыхъ собольихъ мѣхахъ и на шкурахъ лисицъ, львовъ и медвѣдей. У многихъ головы были закутаны въ дорогія шали въ видѣ чалмы, и въ этомъ нарядѣ они скорѣе походили на султановъ, чѣмъ гвардейскихъ гренадеровъ. Недоставало только гурій.

«Я затянулъ перекличку»,—продолжаетъ разсказчикъ,—«до 11 часовъ, изъ-за товарищей, чтобы не отмѣтить ихъ отсутствующими. Дѣйствительно, они вернулись немного погодя, сгибаясь подъ тяжестью своихъ ношъ. Въ числѣ замѣчательныхъ вещей, принесенныхъ ими, было нѣсколько серебряныхъ подносовъ съ выпуклыми рисунками и много слитковъ того же металла, въ формѣ кирпичей. Остальная добыча состояла изъ мѣховъ, индѣйскихъ шалей и шелковыхъ матерій, затканныхъ золотомъ и серебромъ. Они попросили у меня разрѣшенія сходить еще раза 2 за виномъ и вареньемъ, оставленными ими въ одномъ подвалѣ. Я позволилъ и далъ имъ въ провожатые капрала. Надо замѣтить, что со всѣхъ вещей, спасенныхъ отъ пожаровъ, мы, унтеръ-офицеры, всегда взимали въ свою пользу по крайней мѣрѣ 20 процентовъ».

Они могли это дѣлать вполнѣ спокойно и безъ всякаго риска навлечь на себя кару высшихъ военачальниковъ: тѣ брали иногда всѣ 100 процентовъ. Въ Каретномъ ряду остались лавки съ экипажами, и генералитетъ подолгу топтался тамъ, удостоивъ не одну шикарную коляску своимъ болѣе чѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ. Грабежъ шелъ на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ размашистѣе. Ядро великой арміи было сдержаннѣе.

«Французы уже бывало не обидятъ даромъ. Пришли и стали вездѣ шарить. Сестры сробѣли и убѣжали изъ комнаты, а сами изъ-за двери выглядываютъ. Какъ они ихъ увидали, сейчасъ позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день, глядимъ, идутъ опять тѣ же самые съ гостинцами: принесли дѣтямъ игрушекъ,—изъ лавокъ, вѣрно, взяли. Дѣвочки-то радуются, а они, глядя на нихъ, смѣются, и тутъ же вмѣстѣ съ ними играть стали. Которыя улицы горѣли, оттуда всѣ выбрались, и многіе жили какъ есть подъ открытымъ небомъ. Шелъ я Крымскимъ бродомъ, и вижу на Орловомъ лугу сидитъ цѣлая толпа народа. Если, бывало, куда надо итти, такъ норовишь ранехонько утромъ, чтобы непріятелямъ не попасться. А встрѣтятъ, бывало, да несутъ что, такъ возьмутъ съ собой, чтобы ты имъ помогалъ. Я ношу носилъ, такъ они меня съ пустыми руками не отпускали. Захватили меня и объясняютъ, чтобъ я имъ показалъ, откуда провизіи достать. Дѣлать нечего, поневолѣ покажешь,—своя голова дороже. Повелъ ихъ въ ряды, а съ ними щупъ: ужъ они дознались, что много добра было зарыто

[1]) Сержантъ Бургонь. Mémoires.

подъ полами, да подъ землей, и все пробовали, не найдутъ ли чего. Купецъ Глотовъ зарылъ у себя въ Охотномъ ряду вина и засыпалъ ихъ землей, потомъ глины наложилъ, а на глинѣ песку цѣлая насыпь. А все же не уцѣлѣли его вина. Охотный рядъ сгорѣлъ, и мало того, что бутылки всѣ перелопались отъ жара, стекло даже сплавилось. Щупали, щупали мои и ничего не нашли, а что было на виду, то взяли; унесли мы боченокъ съ водкой, да съѣстныхъ припасовъ разныхъ въ кулекъ набрали. Они сейчасъ алё! (пойдемъ), и понесъ я за ними весь этотъ запасъ въ Хамовники. Пока мы идемъ, они все про Бонапарта толкуютъ: показываютъ на голову и объясняютъ мнѣ, что Наполеонъ у-у-у! что много молъ у него въ головѣ. А я иду, да думаю: «Да будь онъ семи пядей во лбу, чѣмъ онъ васъ кормить-то станетъ? Наши запасы ужъ къ концу подходятъ, а вамъ что-то не видать, чтобъ подвозили. Онъ васъ своими-то мозгами не накормитъ». Какъ донесъ я имъ провизію, они мнѣ сейчасъ изъ того же куля дали большой кусокъ рыбы, сахару откололи, чаю отсыпали и вина поднесли. Пришло къ намъ двое, а мы сидимъ за обѣдомъ. Обѣдъ незавидный: щи пустыя матушка сварила, да лепешекъ ржаныхъ напекла; однако наши гости тутъ же съ нами поѣли: ужъ имъ тогда плохо приходилось,—вся провизія подобралась. Потомъ подошли они къ иконѣ и стали что-то говорить, подсмѣиваются и на нее указываютъ. Вдругъ одинъ вынулъ саблю, да хвать Царицу Небесную въ правой глазокъ. Я сталъ креститься и руки къ небу подымаю, показываю имъ, что это наша икона, что мы на нее молимся, а матушка горько заплакала. Они взглянули на меня, потомъ на мать, да какъ увидали, что она плачетъ, сейчасъ говорятъ: пардонъ! (простите) и вонъ шмыгнули, — значитъ, совѣсть есть. Какъ бывало придутъ, мы ихъ сейчасъ узнаемъ по рѣчи, да по манерамъ и не боимся, потому знаемъ, въ нихъ совѣсть есть. А отъ ихъ союзниковъ упаси Боже! Мы ихъ такъ и прозвали: безпардонное войско, что ихъ ни просьбой, ни слезами не возьмешь. Въ народѣ даже говорили, что ихъ пуля не беретъ. Коли не дѣломъ, такъ ужъ словомъ обидятъ. Что они говорятъ — не поймешь, а слышишь, что ругаются»[1]).

Особенно признательную память оставили по себѣ въ эту мрачную пору главный врачъ Ларрей со своими ассистентами, спасшіе не одного изъ нашихъ оставшихся въ городѣ раненыхъ, затѣмъ—командиры Коленкуръ и Кампанъ.

Сейчасъ же по вступленіи въ Москву часть непріятелей окружила на Остоженкѣ и стала грабить толпу обывателей. Подоспѣвшій генералъ разогналъ грабителей и чрезъ переводчика велѣлъ толпѣ слѣдовать за нимъ. «Звали его», передаетъ пострадавшая купчиха,—«Кольникуръ. Мы обрадовались и пошли. Приходимъ къ Пречистенкѣ. Тутъ непріятелей—видимо-невидимо. Приперли насъ къ рѣшеткѣ дома кн. Голицына такъ, что мы двинуться не можемъ. Кольникуръ крикнулъ, чтобы солдаты посторонились, намъ приказалъ итти въ ворота и самъ въѣхалъ, а за нимъ

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1872, № 34.

человѣкъ 100 солдатъ. Предъ подъѣздомъ стояла коляска, и на крыльцо вышелъ мужчина съ дамой. На ней была дикая шляпка и дикій салопчикъ. Кольникуръ къ нимъ подъѣхалъ и что-то съ ними говорилъ. Потомъ они сѣли въ коляску. Онъ за ними поѣхалъ и махнулъ рукой, чтобы мы шли за нимъ вслѣдъ, а ужъ за нами его команда. Какой, право, добрый былъ, царство ему небесное, когда его уже въ живыхъ нѣтъ! Услыхалъ, что закричалъ ребенокъ у тетки и прислалъ ему крендель. Откуда его взялъ, не знаю. Такъ и проводилъ коляску и толпу до самой заставы» [1]).

Генералъ Кампанъ, остановившійся въ домѣ Всеволожскаго вблизи Дѣвичьяго поля, подолгу любовался стоявшими на каминѣ въ его комнатѣ прекрасными часами. Оставляя городъ, онъ объявилъ, что беретъ ихъ себѣ по праву завоеванія, но, не желая взять даромъ, оставляетъ за нихъ хозяину своего коня: «Это—прекрасная, лошадь и господинъ Всеволожскій будетъ ею доволенъ!» Дѣйствительно, конь такъ понравился вскорѣ возвратившемуся къ себѣ домовладѣльцу, что онъ помѣстилъ его въ свой конскій заводъ, назвавъ лошадь «Madame Campane». Послѣ отъѣзда господъ въ этой усадьбѣ осталась многочисленная дворня. Въ ожиданіи нашествія и опасаясь насилія, дворовые спрятали своихъ женъ и дѣтей въ вырытыя въ саду логовища и приносили имъ туда пищу ночью. Это оказалось излишнимъ. Вскорѣ они убѣдились, что непріятели никого не обижаютъ, и заключенные были выпущены изъ своихъ норъ.

Между тѣмъ, пожары, начавшіеся при самомъ вступленіи непріятелей въ Москву, не только не прекращались, а все усиливались. Они вспыхивали во множествѣ мѣстъ сразу и, сближаясь, сливались въ огненный океанъ, багровыя волны котораго безпощадно хлестали по постройкамъ—особенно деревяннымъ, которыхъ было гораздо больше, чѣмъ каменныхъ,—и слизывали цѣлыя вереницы ихъ, такъ что о направленіи многихъ улицъ можно было судить лишь по почернѣвшимъ остовамъ, обуглившимся заборамъ или кучамъ тлѣвшей золы.

Наполеонъ видѣлъ въ этомъ результатъ поджоговъ, производившихся, какъ онъ полагалъ, по наущенію гр. Растопчина, и публично обвинялъ его въ своихъ «Бюллетеняхъ» [2]) въ вандализмѣ, подчеркивая то обстоятельство, что по распоряженію гр. Растопчина изъ Москвы былъ предварительно вывезенъ весь пожарный, обозъ, и кромѣ того, опираясь на рядъ фактическихъ данныхъ: показанія захваченныхъ поджигателей, распущеніе колодниковъ, найденныя въ печахъ дома гр. Растопчина петарды.

Гр. де-Сегюръ—и отечественные исторіографы—спѣлъ ему диѳирамбъ: «Подобное рѣшеніе, какъ все великое и цѣльное, вызвало изумленіе. Причины этого рѣшенія были уважительны, а успѣшное исполненіе оправдало его. Такое необычайное самоотверженіе заслуживаетъ вниманія и восхищенія историка».

Гр. Растопчинъ отклонилъ и обвиненіе и похвалу.

«Я всегда былъ представляемъ потомству и Исторіи, какъ виновникъ такого происшествія, которое по принятому мнѣнію, было главнѣйшею

---

[1]) Толычева. Разсказы старушки.
[2]) №№ XIX—XXIV.

причиною истребленія непріятельскихъ армій, паденія Наполеона, спасенія Россіи и освобожденія Европы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться отъ такихъ прекрасныхъ названій; но никогда не присвоивая себѣ правъ другого и соскучась слышать одну и ту же баснь, я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить Исторіею.

«Когда пожаръ разрушилъ въ 3 дня $^{6}/_{8}$ частей Москвы, Наполеонъ почувствовалъ всю важность сего происшествія и видѣлъ слѣдствіе, могущее произойдти отъ того надъ Русской націей, имѣющей полное право приписать ему сіе разрушеніе, по причинѣ бытности его самого и подъ его начальствомъ 130,000 солдатъ. Онъ полагалъ найти вѣрное средство отклонить отъ себя весь позоръ сего дѣла въ глазахъ Русскихъ и Европы и обратить его на Начальника Русскаго правленія въ Москвѣ: тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателемъ; журналы и брошюры наперерывъ одинъ передъ другимъ повторили это обвиненіе и нѣкоторымъ образомъ заставили авторовъ, писавшихъ послѣ о войнѣ 1812 года, представлять достовѣрнымъ такое дѣло, которое совершенно было ложно.

«Я располагаю по статьямъ дальнѣйшія доказательства, утвердившія мнѣніе, что пожаръ Москвы есть мое дѣло; я буду отвѣчать на нихъ происшествіями, извѣстными всѣмъ Русскимъ. Было бы несправедливо этому не вѣрить; ибо я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости» [1]).

Находя, что «столь ужасное предпріятіе чтобы выдумать и исполнить, каково есть сожженіе столичнаго города Имперіи, надлежало имѣть причину гораздо важнѣйшую, чѣмъ увѣренность во злѣ, могущемъ отъ того произойти для непріятеля», гр. Растопчинъ приводитъ не всегда одинаково вѣскія возраженія и въ заключеніе заявляетъ:

«И такъ, вотъ подробности, которыя я могу доставить о семъ происшествіи, которое Наполеонъ складываетъ на меня, которое Русскіе складываютъ на Наполеона, и которое не могу я приписать ни Русскимъ, ни Наполеону исключительно. Половина Русскихъ людей, оставшихся въ Москвѣ, состояла изъ однихъ токмо бродягъ, и легко статься можетъ, что они старались о распространеніи пожаровъ, дабы съ большею удобностію грабить въ безпорядкѣ. Но это еще не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ, что существовалъ планъ для сожженія города, и что этотъ планъ и его исполненіе были моимъ дѣломъ».

Что не пожаръ Москвы заставилъ Наполеона уйти, — объ этомъ и говорить нечего. «Я думаю»,—совершенно основательно утверждаетъ убѣжденный въ умышленномъ поджогѣ ея участникъ похода [2]),—«что можно было и не поджигать города, а просто увезти съ собой или побросать въ рѣку все продовольствіе и опустошить край на 10 лье въ окружности — это было не трудно, такъ какъ часть края пустынна—и тогда намъ чрезъ 2 недѣли все равно пришлось бы убраться».

Отчего-же загорѣлась Москва?

---

[1]) «Правда о пожарѣ Москвы».
[2]) Сержантъ Бургонь. Mémoires.

«Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонъ, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей—не хозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, такъ какъ безъ нихъ было бы то же самое. Какъ не лестно было французамъ обвинять звѣрство гр. Растопчина и русскимъ обвинять злодѣя Бонапарта или, потомъ, влагать героическій факелъ въ руки своего народа, нельзя не видѣть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгорѣть, какъ должна сгорѣть каждая деревня, фабрика, всякій домъ, изъ котораго выйдутъ хозяева, и въ который пустятъ хозяйничать и варить себѣ кашу чужихъ людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не тѣми жителями, которые оставались въ ней, а тѣми, которые выѣхали изъ нея. Москва, занятая непріятелемъ, не осталась цѣла, какъ Берлинъ, Вѣна и другіе города только вслѣдствіе того, что жители ея не поднесли хлѣбъ-соль французамъ, а выѣхали изъ нея»[1]).

Вспыхнуло Замоскворѣчье. Взлетѣлъ на воздухъ находившійся на берегу рѣки складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Занялись мосты и даже барки съ хлѣбомъ, которыя превратились въ огромные плавучіе костры.

Въ ночь на 4 сентября пожаръ принялъ чудовищные размѣры. Никто не спалъ. Сорвавшаяся буря неистово погнала пламя и обвила Москву ослѣпительно-яркимъ огненнымъ вѣнцомъ. Вопли народа, плачъ дѣтей, барабанный бой, колокольный набатъ, грохотъ падающихъ стѣнъ и трескотня прорѣзывавшихъ воздухъ ружейныхъ выстрѣловъ, — все это слилось въ потрясающій хоралъ, который покрывался порывами отчаянно гудѣвшаго вѣтра. Съ колоколенъ срывались колокола и падали съ глухимъ звономъ, огромныя головни летали изъ улицы въ улицу, пылающія бревна перекидывались съ дома на домъ и, обрушившись, разсыпались каскадами искръ. Огонь яростно впился въ Винный дворъ и сальные заводы, сразу охватилъ ихъ, багровыми змѣями извивался по крышамъ, выметывался въ окна и съ оглушающимъ шумомъ высоко швырялъ лопавшіяся и объятыя голубымъ пламенемъ бочки со спиртомъ. Спугнутые съ гнѣздъ голуби въ Охотномъ ряду кружились надъ огнемъ, нигдѣ не находя себѣ пріюта. Сорвавшіяся съ узды лошади съ дикимъ ржаніемъ скакали въ разныя стороны. Съ жалобнымъ воемъ метались собаки. Жители изступленно вытаскивали изъ домовъ образа, ставили ихъ у воротъ и, опаленные, задыхаясь отъ дыма, бросались, сами не зная куда. Ударили сборъ. Маршалъ Мортье лично явился тушить пожаръ со своимъ стоявшимъ въ Потѣшномъ дворцѣ отрядомъ гвардіи. Все было напрасно. Огонь не унимался и сталъ угрожать Кремлю, который освѣщался иногда такъ, что казалось, будто въ немъ самомъ уже начался пожаръ. Наполеона охватило необычайное волненіе. Онъ вставалъ, быстро обходилъ всѣ свои аппартаменты и снова садился. Подходилъ къ письменному столу, бралъ бумаги, порывисто бросалъ ихъ, вновь переходилъ отъ окна къ окну и, всматриваясь въ страшную стихію, пожи-

[1]) «Война и миръ», ч. III, гл. XXVI, стр. 497—498.

равшую его завоеваніе, охватывавшую всѣ входы въ Кремль и подступавшую все ближе, рѣзко восклицалъ: «Какое ужасное зрѣлище! Сколько прекрасныхъ зданій! Это они сами! Невѣроятное рѣшеніе! Что за люди! Скивы!»[1]) Тревога въ Кремлѣ возростала съ каждымъ мгновеніемъ. Дворецъ утопалъ въ клубахъ удушливаго дыма. Оконныя стекла накалялись и трескались отъ жара. Часть гвардіи тушила падавшія головни, часть стояла наготовѣ съ оружіемъ. Лошади были осѣданы и запряжены. Мюратъ, принцъ Евгеній и Бертье проникли къ Наполеону и на колѣняхъ умоляли его немедленно покинуть Кремль. Наполеонъ упорствовалъ. Вдругъ раздался крикъ: «Пожаръ въ Кремлѣ!» Горѣла Троицкая башня. Выйдя на Сенатскую площадку и убѣдившись въ близости неминуемой гибели, Наполеонъ рѣшился, наконецъ, оставить Кремль и приказалъ везти себя въ загородный Петровскій дворецъ. Съ величайшимъ трудомъ ему и его свитѣ удалось выбраться изъ Кремля. По Тверской нельзя было ни пройти, ни проѣхать: это было сплошное волнуемое порывами вѣтра огненное море. Все исчезало въ дыму и развалинахъ и стало неузнаваемымъ. Между тѣмъ необходимо было спѣшить. Одна узкая извилистая улица казалась скорѣе входомъ въ этотъ адъ, чѣмъ выходомъ изъ него. Наполеонъ, не задумываясь, пошелъ по ней среди треска горѣвшихъ костровъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Обломки затрудняли путь.

«Мы шли по огненной землѣ подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Нестерпимый жаръ палилъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть на опасность. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали дымомъ дыханіе. Наши руки обжигались, защищая лицо отъ горѣвшихъ головешекъ и отстраняя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ ужасномъ положеніи, когда лишь быстрое движеніе могло быть единственнымъ спасеніемъ, проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился. Здѣсь окончилась бы наша жизнь, исполненная треволненій, если бы не случайное обстоятельство»[2]). Грабившіе въ этой части города солдаты узнали Наполеона и будучи уже знакомы съ мѣстностью, вывели его по пожарищамъ къ Дорогомиловскому мосту. Отсюда Наполеонъ со своими спутниками доѣхалъ берегомъ до села Хорошева, переправился по понтонному мосту чрезъ рѣку и, выбравшись мимо Ваганькова кладбища въ поле, съ наступленіемъ темноты добрался до Петровскаго дворца. Онъ долго молча смотрѣлъ отсюда на гигантское зарево надъ городомъ и глухо произнесъ: «Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія».

Пробывъ здѣсь 3 сутокъ и узнавъ, что пожаръ стихаетъ, Наполеонъ вернулся въ Кремль. На обратномъ пути предъ нимъ развернулась удручающая картина. Повсюду были груды дымившихся развалинъ—обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ. У пепелищъ бродили прикрывавшіе отрепьями свою наготу ограбленные жители. На каждомъ шагу шатались толпы мародеровъ, или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на по-

[1]) Гр. де-Сегюръ. Mémoires.
[2]) Ibidem.

вый грабежъ, и группы солдатъ, собиравшихся у погребовъ и у дверей домовъ и церквей, пощаженныхъ огнемъ. Трудно было пробираться среди обгорѣлыхъ остатковъ зданій, всевозможной мебели и домашней утвари, выброшенной изъ домовъ и оставленной грабителями, которые захватывали все, что попадалось подъ руки, а потомъ бросали, находя другую, болѣе цѣнную добычу. Площади и лагерныя стоянки превратились въ рынки, гдѣ каждый старался промѣнять лишнее на необходимое. Рѣдчайшіе предметы роскоши продавались по ничтожной цѣнѣ. За золотыя вещи съ убыткомъ отдавались огромныя груды серебра только потому, что оно занимало много мѣста и не влѣзало въ походныя сумки. Отборныя вина и мѣшки съ кофе шли въ обмѣнъ на кусокъ хлѣба, и все это создавало причудливѣйшій узоръ, въ которомъ богатство сплелось съ нищетой, пышность—съ грязью и изобиліе—съ голодомъ.

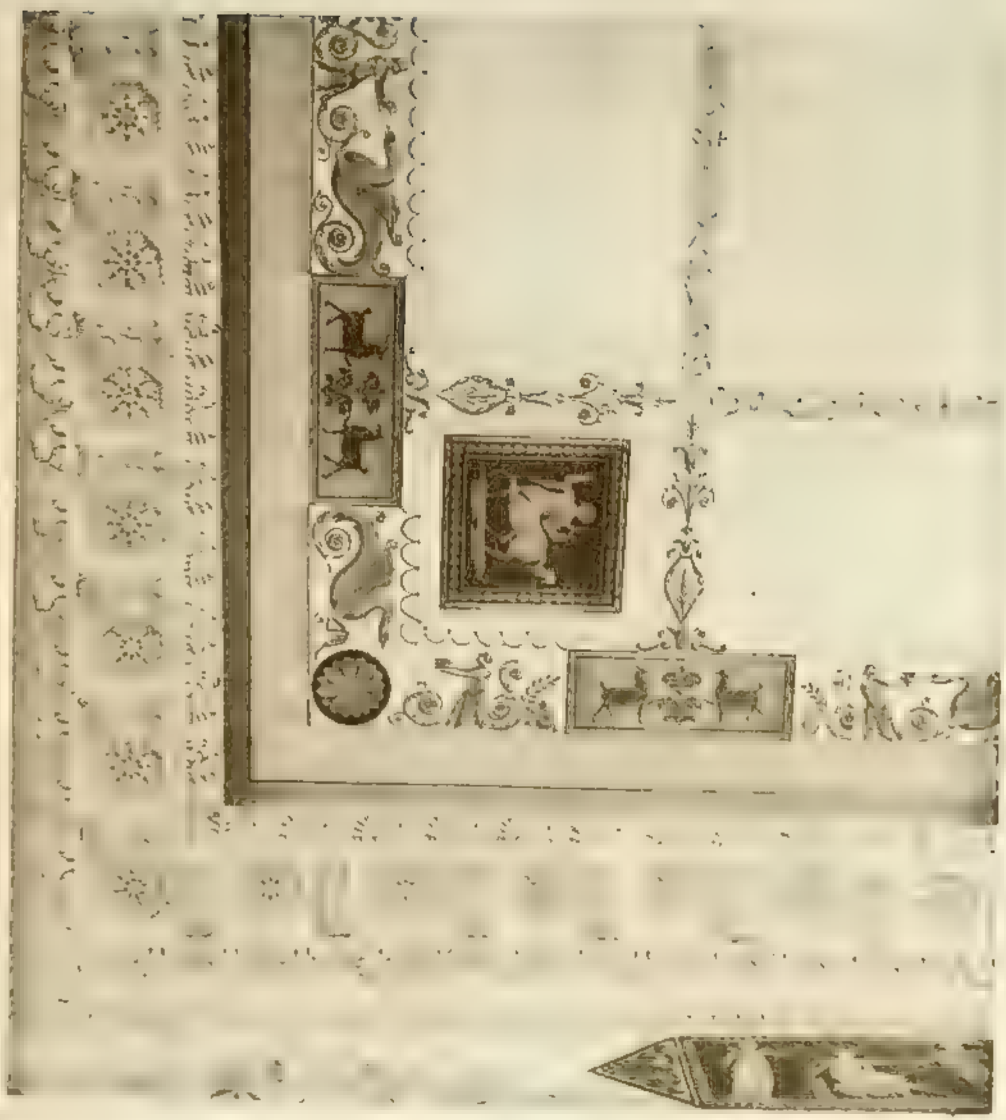
Москва напоминала собой обожженную и почти бездыханную дѣвушку въ теремѣ, надъ которой глумилась шайка бродягъ, и о трепетѣ жизни въ несчастной можно было судить не столько по ея подавленному стону, сколько по безшабашному разгулу копошившихся около нея насильниковъ.

Получивъ подробное донесеніе о состояніи города, Наполеонъ ужаснулся. Чтобы предотвратить дальнѣйшіе пожары, онъ приказалъ сформировать подъ предсѣдательствомъ главнаго военнаго судьи генерала Лауэра комитетъ для суда надъ тѣми, кто будетъ уличенъ въ поджогахъ. Стали ловить всѣхъ, перебѣгавшихъ изъ горѣвшихъ домовъ въ другіе, въ томъ числѣ и спасавшихся отъ огня. Было схвачено около 30 человѣкъ. Среди нихъ очутился спасавшій свое семейство и выскочившій изъ окна актеръ Бобровскій. Въ приговорѣ пространно доказывалось, что пожаръ Москвы былъ заранѣе обдуманъ, и что подсудимые явились лишь исполнителями приказанія гр. Растопчина. «Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія». Чтобы придать этому положенію особую вѣскость, комитетъ привелъ отрывокъ изъ его афиши: «Вооружитесь, чѣмъ попало, особенно вилами, которыя весьма пригодны противъ французовъ, потому что они—не тяжелѣе соломеннаго снопа, а если мы не побѣдимъ, то сожжемъ ихъ въ Москвѣ, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее». О «вилахъ-тройчаткахъ», которыя рекомендовались, какъ средство борьбы съ непріятелями, ибо послѣдніе «не тяжелѣ снопа аржанаго», въ одномъ изъ объявленій гр. Растопчина дѣйствительно говорилось. Но строки, приведенной мной курсивомъ, нигдѣ у него не было. Ревностный переводчикъ дошелъ до того, что отъ себя сдѣлалъ къ подлиннику эту прибавку. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, допроса и осмотра вещественныхъ доказательствъ былъ составленъ обвинительный актъ. Его прочли подсудимымъ и спросили ихъ, не могутъ ли они прибавить что-нибудь въ свою защиту. Получивъ отрицательный отвѣтъ, судъ распорядился удалить подсудимыхъ. Что они привели въ свое оправданіе, и имѣлись ли у нихъ защитники,—этого изъ приговора не видно. Даже самый приговоръ объявленъ имъ не былъ. Арестованныхъ привели къ Петровскому монастырю, выстроили у стѣны и дали по нимъ залпъ. Другія 18 лицъ были доставлены подъ конвоемъ во дворъ дома Кожина, что у церкви Козьмы и Даміана, и тамъ, несмотря

на клятвенныя увѣренія въ невиновности, ихъ также разстрѣляли. Разстрѣлъ производился и на Дѣвичьемъ полѣ. Тѣла казненныхъ были повѣшены на фонарныхъ столбахъ, главнымъ образомъ, у Тверского бульвара съ прикрѣпленными къ одеждѣ надписями на французскомъ и русскомъ языкахъ: «Московскіе поджигатели».

Для установленія порядка въ арміи былъ изданъ особый приказъ. «Императоръ повелѣваетъ»,—писалъ начальникъ главнаго штаба, маршалъ Даву,—«чтобы въ Москвѣ былъ прекращенъ грабежъ. Поэтому, составьте необходимое число патрулей изъ пѣхоты и кавалеріи для разведенія солдатъ къ ихъ корпусамъ и озаботьтесь, чтобы никто не смѣлъ отыскивать добычи ни въ погребахъ, ни въ домахъ. Примите мѣры, чтобы они не оставляли своихъ стоянокъ, и въ полдень, въ 3 часа, или когда найдете удобнѣе, сдѣлайте перекличку. Вѣдомости доставьте мнѣ, чтобы Его Величество точно зналъ количество солдатъ, которыми онъ можетъ располагать. Это чрезвычайно важно». Распоряженіе не исполнялось. На другой день оно было повторено. «Императоръ съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что, несмотря на отданный вчера о прекращеніи грабежа приказъ, грабежъ производится сегодня въ точно такихъ же размѣрахъ, какъ и прежде. Считаю нужнымъ повторить, что вы должны заставить уважать приказъ Императора объ удержаніи солдатъ въ ихъ помѣщеніяхъ, поручить офицерамъ, чтобы они наблюдали за ними, и, наконецъ, возстановить дисциплину». И это не помогало. Приказъ пришлось снова подтвердить и расширить. «Императоръ не только желаетъ, чтобы грабежъ былъ прекращенъ, но и чтобы не снаряжали партіями солдатъ для сбора жизненныхъ припасовъ или другихъ предметовъ. Солдатъ, посланныхъ съ такими порученіями, находится въ городѣ еще очень много. Подобные наряды Его Величество запрещаетъ». Главному интендантскому управленію было предписано собрать все оставленное бѣжавшими жителями имущество въ магазины и приступить къ его правильной раздачѣ. Караулы у заставъ и многочисленные посты на улицахъ и площадяхъ получили строжайшее предписаніе немедленно арестовывать грабителей. Наконецъ объявлялось, что «всѣ пойманные солдаты будутъ преданы военному суду и судимы по всей строгости законовъ». Все было тщетно. Распадъ шелъ неудержимо.

Составленная изъ иностранцевъ-обывателей Москвы полиція ничего не могла подѣлать. Комиссары или частные пристава (Дрозъ, Лалансъ, Маркъ, Морель, Реми, Фабръ) на перебой докладывали о печальномъ положеніи во ввѣренныхъ имъ районахъ. Приставъ Басманной части доносилъ, что «воровство и грабежъ продолжаются. Образовалась цѣлая банда. Разогнать ее можно только значительною силою». Грабила даже старая гвардія. «Гвардейскій гренадеръ»,—докладывалъ приставъ Якиманской части,—«съ саблею наголо вошелъ въ домъ дьякона церкви Успенія въ Казачьей и силою отнялъ у него и его, состоящаго изъ 14 душъ, семейства послѣдніе 2 хлѣба». И еще: «Отставного русскаго сержанта вечеромъ обокралъ унтеръ-офицеръ 10 роты гвардейской кавалеріи, взявъ у него четверть овса, 2 пары чулокъ и 4 рубашки». Такихъ донесеній поступали горы. Особенно удручалъ Наполеона развалъ старой гвардіи, толпами возвращавшейся съ награбленнымъ



Роспись потолковъ въ [illegible]

добромъ въ Кремль. «Съ соболѣзнованіемъ видитъ Императоръ»,— объявлялъ въ очередномъ приказѣ маршалъ Лефевръ, «что отборные солдаты, предназначенные хранить его особу, которые должны подавать другимъ примѣръ подчиненности, до такой степени не подчиняются приказаніямъ, что разбиваютъ погреба и магазины, приготовленные для арміи»[1]).

Не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ въ смыслѣ упорядоченія городской жизни и новый магистратъ. Онъ помѣщался въ домѣ гр. Румянцева на Маросейкѣ. Въ составъ его, наряду съ иностранцами-обывателями Москвы, были привлечены и русскіе. Всѣмъ были присвоены отличительные знаки, отпущены охранные листы, и дано жалованье, которое выплачивалось золотомъ. Во главѣ муниципалитета былъ поставленъ купецъ Находкинъ. Лессепсъ вызвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ назначается городскимъ головой. Находкинъ отвѣтилъ: «Ваше превосходительство, какъ честный человѣкъ, я долженъ прежде всего заявить вамъ, что никогда и ничего не сдѣлаю противъ своей вѣры и своего Государя». Лессепсъ сказалъ: «Вражда императора Наполеона и императора Александра васъ не касается, и ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ народа». Товарищемъ городского головы былъ назначенъ членъ вотчиннаго департамента Бестужевъ-Рюминъ. Онъ также сначала отказывался отъ участія въ городскомъ управленіи: «Я сдѣлалъ было отрицаніе мое отъ участія въ немъ, но маршалъ Мортье говорилъ, что оно учреждается не въ пользу французовъ, а, напротивъ, считаютъ такое учрежденіе единственнымъ средствомъ защитить несчастныхъ моихъ соотечественниковъ отъ грабежа, насилій и обидъ. Слѣдовательно, и отклоненіе отъ участія въ исполненіи этого намѣренія съ моей стороны несправедливо»[2]). Прочитавъ представленный ему наказъ, Бестужевъ-Рюминъ согласился принять возложенныя на него обязанности, такъ какъ не нашелъ въ немъ ничего противнаго совѣсти и сопряженнаго съ нарушеніемъ присяги. Точно такъ же были завербованы и гласные. «Я, выслушавъ приказаніе»,—вспоминаетъ обыватель,—«просилъ объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и 8 человѣкъ дѣтей, и что часть нашего дома сгорѣла, и онъ весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ, что онъ уволить меня не можетъ, потому что я выбранъ не имъ, а самими русскими. Я настоятельно повторилъ мою просьбу. Онъ долго слушалъ и, наконецъ, разсердившись, сказалъ: «Что же вы со мною разговариваете? Развѣ хотите, чтобы я о васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору Наполеону, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять?»... Послѣ этого купецъ умолкъ. Лессепсъ приказалъ ему итти за собою, ввелъ его въ комнату, гдѣ подъ предсѣдательствомъ городского головы уже происходило засѣданіе и указалъ новому члену муниципалитета его мѣсто, рядомъ съ бывшимъ гувернеромъ при пансіонѣ Годфруа. Наполеонъ предписалъ этой оригинальной думѣ составить изъ русскихъ команду и группами отряжать ее въ окрестности Москвы для закупки провизіи на спеціально ассигно-

[1]) «Русскій Архивъ», 1876, VI
[2]) Чтенія, 1859, кн. II.

ванныя средства. Городское управленіе пробовало это дѣлать. Оно формировало отряды, правда, изъ иностранцевъ, но въ качествѣ переводчиковъ ставило во главѣ ихъ своихъ русскихъ членовъ. Тѣ, не желая провіантировать непріятелей и опасаясь быть въ такихъ командировкахъ избитыми, почти всегда отказывались отъ нихъ. Гораздо охотнѣе они исполняли свои обязанности по надзору за больничной частью и особенно—порученія о возстановленіи богослуженія. Списковъ этого муниципалитета сохранилось нѣсколько. Фамиліи въ нихъ слегка варіируются. Это объясняется частымъ измѣненіемъ состава городского управленія. Судя по «Росписанію», найденному въ бумагахъ близкаго къ гр. Растопчину лица, муниципалитетъ состоялъ изъ 66 членовъ. Обязанности ихъ формулированы въ этомъ актѣ разнообразно. «Имѣли смотрѣніе надъ мостовыми»... «Завѣдывали тишину, спокойствіе и правосудіе»... «Надзоръ за ремесленниками и пособіе бѣднымъ жителямъ»... «Надзоръ за богослуженіемъ, чтобы оное было уважаемо»... «По квартирмейстерской части»... «По особеннымъ секретнымъ порученіямъ»... «Для разныхъ закупокъ»... «Переводчикъ и смотритель».

Обо всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ военнаго, административнаго и общественнаго характера Лессепсъ возвѣстилъ населенію въ напечатанномъ на французскомъ и русскомъ языкахъ «Провозглашеніи»:

«Жители Москвы! Нещастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить тѣченіе оныхъ.

«Страшные примѣры насъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія.

«Строгіе мѣры взяты, чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

«Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ ваши муниципалитетъ или градское правленіе. Оное будетъ пещись объ васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

«Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить чрезъ плечо, а градскій голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

«Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило 2 генеральныхъ комиссаровъ или полицеймейстеровъ и 20 комиссаровъ или частныхъ приставовъ, постановленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

«Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

«Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобъ они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемые нещастію.

«Сіи суть средства, которые Правительство употребило, чтобъ возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до

того, нужно чтобъ вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли естьли можно ваши нещастія, которыя претѣрпели, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутся на ваши особы, и оставшіеся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сумнѣвались, что оные будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ.

«Жители! какой бы вы націи ни были, возстановите публично довѣріе, источникъ щастія государствъ, живите какъ братья съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобы опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ»[1]).

III.

Введенная въ Москвѣ «конституція» обезпокоила наше министерство полиціи, и оно обнародовало слѣдующее «Предостереженіе»:

«Извѣстно, что непріятель учреждаетъ въ Москвѣ нѣкоторыя на французскій образецъ, присутственныя мѣста или начальства, стараясь разглашать, яко бы дѣлаетъ то для возстановленія порядка и спокойнаго въ ней пребыванія жителей. Между тѣмъ солдаты его продолжаютъ расхищать и производить разныя насилія и грабительства. Для прикрытія сихъ неистовствъ, успѣлъ онъ страхомъ или соблазнами преклонить нѣкоторыхъ русскихъ простолюдиновъ принять на себя обязанности быть членами сихъ учреждаемыхъ отъ него обществъ. Перехваченныя бумаги содержатъ въ себѣ имена ихъ. Правительство долженствовало бы обнародовать оныя, и произвести надъ ними строгій и праведный судъ, ибо вступать въ учреждаемыя непріятелемъ должности—есть уже признавать себя ему подвластнымъ, а не просто плѣнникомъ; но Правительство удерживается отъ сего только потому, что бумаги сіи не совсѣмъ достовѣрны, и что оно, безъ точнаго о томъ освѣдомленія, опасается преждевременнымъ и поспѣшнымъ осужденіемъ оскорбить невинность. Между тѣмъ, обращая вниманіе и попеченіе свое о благѣ каждаго и всѣхъ, не можетъ оставить безъ предварительнаго увѣщанія, чтобы всякъ опасался вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, и грабить и разорять Царство наше. Какому надлежитъ быть или безумію, или крайнему развращенію, дабы повѣрить, что тотъ, который пришелъ сюда съ мечемъ, на убіеніе насъ изощреннымъ, съ пламенникомъ, для воспаленія нашихъ домовъ, съ цѣпями, для возложенія ихъ на выю нашу, съ кошницами, для наполненія ихъ разграбленнымъ имуществомъ нашимъ, что тотъ желаетъ устроить нашу безопасность и спокойствіе? Сохранитъ ли тотъ славу и честь нашу, кто пришелъ отнять ихъ у насъ? Пощадитъ ли тотъ кровь нашу, кто, ничѣмъ отъ насъ неоскорбленный, пришелъ проливать? Оставитъ ли тотъ безпрепятственно соблюдать намъ древнюю предковъ нашихъ вѣру, кто святотатственною рукою дерзаетъ обдирать оклады съ почитаемыхъ нами

---

[1]) Собраніе бумагъ Отечественной войны. Изданіе П. И. Щукина.

Святыхъ и Чудотворныхъ иконъ? Что же значатъ его слова и обѣщаніе? Сынъ ли тотъ отечества, кто имъ повѣритъ? По симъ причинамъ Правительство почитаетъ за нужное обвѣстить всенародно:

1) что оно прилагаетъ всевозможное попеченіе о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей.

2) что симъ предварительнымъ извѣщеніемъ надѣется спасти простоту отъ поздняго раскаянія въ легковѣрности, дерзость же, нестыдящуюся нарушать долгъ и присягу, устрашить праведнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ».

Прокламація Лессепса не произвела, повидимому, никакого впечатлѣнія, такъ какъ вскорѣ послѣ нея онъ опубликовалъ новое «Воззваніе», въ которомъ уже прямо убѣждалъ окрестный людъ доставлять въ Москву столь необходимые для изголодавшейся арміи съѣстные припасы:

«Вы спокойные Московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ нещастія удалили изъ города, и вы разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте!

«Тишина возвращается въ сію столицу и порядокъ въ ней возстановливается. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя, что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ ихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается.

«Его Величество Императоръ и Король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ, кои ослушаются его повеленіямъ.

«Онъ хочетъ прекратить ваши нещастія и возвратить васъ къ вашимъ семействамъ.

«Соотвѣтствуйте жъ его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности.

«Жители! Возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища, вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ.

«Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! Приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ, домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу вы получите должную вамъ плату.

«И вы, наконецъ, крестіяне, выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страху въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи, что найдете защищеніе!

«Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестіяне могутъ привозить излишные свои запасы и земельныя растенія.

«Правительство приняло слѣдующія мѣры, чтобы обезпѣчить имъ свободную продажу.

«1) Щитая отъ сего числа крестіяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого бы роду ни были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, то есть на Маховую и въ Вохотный рядъ.

«2) Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, на какую покупатель и продавецъ согласятся между собой, но естьли продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цену, то воленъ будетъ

НАПОЛЕОНЪ I осматриваетъ изъ Кремля въ Петровскій дворецъ

повести ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ.

«3) Каждое Воскресенье и Середа назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ въ такомъ разстояніи отъ города, чтобы защищать тѣ обозы.

«4) Таковыежъ мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестіянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія.

«5) Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ.

«Жители Города и деревень, и вы работники и мастеровые какой бы вы націи не были! васъ взывается исполнять отеческія намѣренія Его Величества и Короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами».

Гарантія въ безопасности и обѣщаніе вознагражденія подвинули было крестьянъ на доставку провіанта, но ихъ постигло жестокое разочарованіе. Такъ, жители села Останкина прибыли въ Москву на 30 подводахъ съ овсомъ и мукою. Весь транспортъ былъ у нихъ купленъ за наличный расчетъ. Ихъ отпустили съ просьбой опять пріѣхать. Не успѣлъ караванъ выбраться изъ города, какъ на него напали мародеры. Они избили поселянъ, отняли деньги и лошадей, а самихъ вернули въ Москву и заставили исполнять черную работу.

«Мы стояли у воротъ дома»,—разсказываетъ одинъ изъ иностранцевъ,—«вмѣстѣ съ полковникомъ Домономъ и двумя французскими офицерами и увидали, что солдаты ведутъ къ намъ мужика. Онъ былъ блѣденъ, слезы катились изъ глазъ, а въ рукахъ у него былъ печатный листъ бумаги. Онъ хотѣлъ говорить съ генераломъ; ему указали на полковника, которому онъ объяснилъ, что въ ихъ деревню были присланы объявленія, которыми крестьяне приглашались привозить всякіе припасы въ Москву съ обѣщаніемъ за все платить исправно. «Мы съ братомъ»,—говорилъ бѣднякъ,—«повѣрили, нагрузили воза, поѣхали къ Москвѣ, но подъ самымъ городомъ напали на насъ солдаты и ограбили. Братъ хотѣлъ защищать воза, и его убили». При этомъ онъ показалъ объявленіе, обагренное кровью его брата. Полковникъ обѣщалъ разобрать дѣло и строго наказать солдатъ, если они окажутся изъ его полка»[1]). Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по ближайшимъ деревнямъ, и подвозъ провіанта въ Москву совершенно прекратился. Вслѣдъ за вступленіемъ непріятелей въ городъ нашелся спекулянтъ, который открылъ для нихъ на Знаменкѣ ресторацію съ фокусниками, пѣвицами, танцовщицами, биліардами и рулеткой. Прислуга ресторатора гналась за провизіей по всей Москвѣ съ длинными палками, которыми она подбивала разную домашнюю птицу, изловливала ее и затѣмъ съ торжествомъ укладывала въ мѣшки или корзины. Другіе ловили въ Пресненскихъ прудахъ

[1]) «Русскій Инвалидъ», 1864, № 30.

карасей. Запасы скоро истощились, и ресторанъ закрылся. Голодъ далъ себя чувствовать все сильнѣе. Жители доставали съ барокъ подмоченную и прокисшую пшеницу или муку и питались ею, разводя ее водой. Вырывали изъ земли мерзлый картофель. Отыскивали въ подвалахъ медъ и соленую рыбу и, чтобы какъ-нибудь пронести все это, обкладывали кули книгами. Иные, раздобывъ икры, покрывали ее слоемъ грязи, отвѣдавъ которую солдаты морщились, отплевывались и отходили. Многіе прятались за уголъ, чтобы съѣсть убогій кусокъ не на виду у грабителей. Соленый огурецъ и квашеная капуста стали рѣдкостью. Генераловъ въ блестящей формѣ съ золотымъ шитьемъ можно было видѣть таскавшими на спинѣ уцѣлѣвшіе въ укромныхъ помѣщеніяхъ и похищенные оттуда окорока. Солдатскіе раціоны уменьшались съ каждымъ днемъ. Лессепсъ рвалъ на себѣ волосы: «Я—несчастнѣйшій интендантъ въ мірѣ, потому что самъ не имѣю никакой провизіи, а достать ее неоткуда». Солдаты, располагавшіе серебряными блюдами и подносами, питались зашлѣсневѣлымъ тѣстомъ, изсохшей копиной или, какъ назывались тогда вороны и галки, городской дичью. Дошло до того, что изъ-за ломтя мяса они шли другъ на друга въ штыки. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ счелъ себя вынужденнымъ дать тому самому грабежу, съ которымъ онъ пытался бороться, официальную санкцію: чѣмъ бы солдатъ не тѣшился, лишь бы не ропталъ. Было разрѣшено не только частичное, но и массовое мародерство. Оно практиковалось и раньше. Благословеніе же свыше развернуло его до степени вакханаліи.

«Когда французъ встрѣчалъ на улицѣ женщину, то, остановивъ ее, подымалъ платье на голову и обыскивалъ. Буде находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги, или крестъ серебряный на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ, то все исправно обиралъ или, остановя и схватя за пазуху женщину, разодравъ до низу платье и рубаху, то же дѣлалъ. Шубы, салопы и капоты снимали безъ разбору, ни мало не заботясь о наготѣ несчастныхъ, безъ одежды и безъ куска хлѣба скитавшихся толпами по разграбленному и въ конецъ разоренному городу. Весь сей бѣснующійся народъ представлялъ изъ себя пречудный маскарадъ: здѣсь встрѣчался усатый гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ эпитрахилью на шеѣ; здѣсь въ женской мантиліи, въ шароварахъ и съ каской; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ; вотъ еще въ діаконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ красивымъ пеломъ на шляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ около шеи. Прибавьте къ сей пестротѣ наряда разбросанныя по улицамъ убитыя и обгорѣвшія человѣческія тѣла и мертвые лошадиные трупы, присоедините къ тому бѣгающихъ нагихъ женщинъ, вопль и сѣтованіе, ненастную погоду, неимѣніе пристанища и голодъ,—то все еще картина будетъ недостаточною!»[1])

Протоіерей Гратинскій, ограбленный почти до нага, переходилъ изъ одного дома въ другой и, наконецъ, поселился въ уцѣлѣвшемъ домѣ на

[1]) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву. СПБ., 1813.

Въ Московскомъ кремлѣ въ 1812 г
Пожаръ Московскаго кремля въ 1812 г.

Изъ собр. Ровинскаго находящ. въ Рум. музеѣ.

Мясницкой. Съ нимъ было почти 200 разоренныхъ обывателей. «Здѣсь»,—доносилъ онъ потомъ,—«въ облегченіе участи стенавшихъ подъ игомъ убійцъ и грабителей, рѣшилъ я просить позволенія открыть богослуженіе и отъ французской полиціи получилъ его. Плацъ-комендантъ гр. Мильо далъ мнѣ билетъ и, для безопасности богослуженія, караулъ изъ 2 солдатъ»[1]).

Въ Рождественскомъ монастырѣ командиръ размѣщеннаго въ немъ эшелона также разрѣшилъ отправлять церковную службу. Обрадованный пастырь велѣлъ немедленно ударить въ колоколъ, но прибѣжалъ солдатъ и объявилъ ему, что генералъ не выноситъ громкаго колокольнаго звона и поэтому проситъ, нельзя ли звонить въ маленькій колоколъ. «Ну, что же»,—отвѣтилъ батюшка,—«мы его безпокоить не станемъ». Ударяли по 3 раза къ часамъ и къ вечернѣ въ маленькій колоколъ.

Служили и у Харитонія въ Огородникахъ, и въ Срѣтенскомъ монастырѣ, священникъ котораго, несмотря на угрожавшую ему кару, неизмѣнно поминалъ имя Государя [2]), и въ Петропавловской церкви на Якиманкѣ, но съ запрещеніемъ молитвы объ избавленіи отъ нашествія супостатовъ. Здѣсь было позволено звонить лишь однажды въ день и при томъ не ранѣе 8 часовъ утра. Услышавъ звонъ, многіе изумились. Сначала обыватели подумали, что это—солдатская потѣха, но скоро разубѣдились въ этомъ: звонъ производился не безпорядочно, а по чину. Пошли. По сторонамъ храма, у дверей, стояли непріятельскіе часовые съ ружьями и безпрепятственно пропускали прихожанъ.

У Спаса на Глинищахъ, близъ Ильинки, собралась цѣлая колонія обездоленныхъ жителей. Каждая семья жила въ особомъ уголкѣ. Женщины съ дѣтьми ютились преимущественно въ трапезѣ. Поселенцы поочередно ходили добывать себѣ пищу. Случалось, что нѣкоторые уже не возвращались. Иногда въ запертыя изнутри желѣзныя двери раздавался сильный стукъ. Обыватели дрожали отъ страха и не рѣшались отпереть. Тогда незваные гости взламывали врата, врывались въ церковь, шарили по всѣмъ угламъ, срывали даже пеленки съ грудныхъ дѣтей и суму съ нищихъ и уходили. Ночью церковныя окна освѣщались заревомъ пожаровъ, и сонъ истомленныхъ жильцовъ прерывался раздававшимися неподалеку выстрѣлами или неистовыми воплями убиваемыхъ. На всякій случай здѣсь были разставлены ведра, кадки и ушаты съ водой, а на стѣнахъ развѣшивались мокрыя рогожи. Дѣти взбирались на колокольню посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, но боялись высовываться, такъ какъ пьяные солдаты часто подстрѣливали ихъ, какъ птенцовъ въ гнѣздѣ.

Кромѣ уцѣлѣвшихъ храмовъ обыватели пугливо жались и къ Воспитательному дому. Главнымъ смотрителемъ его былъ Тутолминъ. Съ нимъ остался въ Москвѣ помощникъ эконома Христіани, Зейдель, съ его сыномъ. Желая спасти ввѣренное ему учрежденіе отъ разгрома, онъ отправился въ Кремль и исходатайствовалъ у коменданта генерала Дюронеля охрану. Ему былъ данъ караулъ изъ 12 жандармовъ при офицерѣ. Тутолминъ никому не отказывалъ въ убѣжищѣ. Вскорѣ все зданіе наполнилось безпріютными.

[1]) Донесеніе протоіерея Гратинскаго. «Русскій Архивъ», 1866, V.
[2]) Лажечниковъ. Походныя записки русскаго офицера.

Ихъ было такъ много, что нѣкоторые размѣстились въ коридорахъ, по лѣстницамъ и на дворѣ. Туда была приведена и голодавшая по нѣсколько дней престарѣлая слѣпая кн. Голицына съ поручицею Бауеръ. Узнавъ, что благодаря распорядительности Тутолмина удалось во время пожара отстоять большую часть Воспитательнаго дома, Наполеонъ изъявилъ ему свое благоволеніе и пожелалъ познакомиться съ нимъ. Тутолминъ явился. Наполеонъ принялъ его благосклонно и, выслушавъ благодарность за оказанное Воспитательному дому покровительство, сказалъ:

— Я желалъ сдѣлать то же для всего города, что могу теперь дѣлать только для одного вашего заведенія. Я желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ я поступилъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые до сихъ поръ цѣлы и не разрушены. Но русскіе, оставивъ этотъ городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мнѣ временное зло, разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву, но вредъ, ими самими причиненный себѣ, останется невознаградимымъ. Всѣ донесенія, которыя я ежечасно получаю, и зажигатели, которые пойманы на самомъ дѣлѣ, достаточно показываютъ, откуда исходили варварскія повелѣнія совершать подобные ужасы. Объявите это императору Александру, которому, безъ сомнѣнія, извѣстны эти злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; мои войска умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчалъ одинъ пепелъ.

Поговоривъ затѣмъ о количествѣ призрѣваемыхъ въ Воспитательномъ домѣ дѣтей, о продовольствіи въ немъ и въ самой Москвѣ и обрушившись на гр. Растопчина, Наполеонъ отпустилъ Тутолмина и повторилъ свою просьбу:

— Напишите обо всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ вашему императору, котораго я уважаю попрежнему. Напишите ему, что я желаю мира. Отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, чрезъ котораго можете получить и отвѣтъ. Я дамъ ему пропускъ чрезъ мои аванпосты[1]).

За этой попыткой къ примиренію послѣдовала другая. Въ числѣ неуспѣвшихъ своевременно выѣхать изъ города находился богачъ Яковлевъ. Дома его и родственниковъ сгорѣли. Погорѣльцы вмѣстѣ съ прислугой и сотней крестьянъ бродили, ограбленные, по пепелищамъ Москвы. Наконецъ, Яковлевъ обратился къ маршалу Мортье съ просьбой о пропускѣ для выѣзда изъ города. Объ этомъ было доложено Наполеону, который пожелалъ видѣть самого просителя. При входѣ во дворецъ Яковлевъ былъ встрѣченъ секретаремъ Наполеона, Лагарпомъ, и введенъ въ тронную залу, гдѣ Наполеонъ уже ожидалъ его. Снова заговоривъ о пожарѣ Москвы и гр. Растопчинѣ, Наполеонъ перешелъ къ непосредственной цѣли своей бесѣды:

— Вы желаете пропуска чрезъ мои аванпосты? Я согласенъ на это, но съ условіемъ: когда проводите своихъ, куда намѣреваетесь ихъ проводить, поѣзжайте въ Петербургъ. Императору будетъ весьма пріятно ви-

---

[1]) Донесеніе Государю 7 сентября и Императрицѣ—11 ноября 1812 года. Чтенія, 1860, кн. II.

дѣть свидѣтеля-очевидца всѣхъ происшествій въ Москвѣ и выслушать вашъ отчетъ.

Яковлевъ отвѣтилъ, что правомъ личнаго доклада онъ не располагаетъ.

— Вы можете обратиться къ гофмаршалу, гр. Толстому. Я его знаю. Онъ хорошій человѣкъ. Вы можете приказать доложить о себѣ чрезъ камеръ-лакея. Вы можете, наконецъ, встрѣтиться съ государемъ въ одной изъ его частныхъ прогулокъ.

Яковлевъ замѣтилъ, что всѣ эти пути кажутся ему неудобными.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ я напишу письмо къ императору. Я скажу ему, что пригласилъ васъ къ себѣ и говорилъ съ вами.

Пожелавъ своему собесѣднику счастливаго пути, Наполеонъ отпустилъ его и на слѣдующій день вмѣстѣ съ пропускомъ прислалъ ему свое письмо:

«Государь, братъ мой! Узнавъ, что братъ министра Вашего Величества при Кассельскомъ дворѣ—здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Гр. Растопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ, пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлались добычею пламени; уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли. Того ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно такъ же поступаютъ, начиная съ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600 тысячъ семействъ. Городскія пожарныя трубы были или изломаны или увезены. Часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городовое управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступили 2 раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ. Такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ солдатамъ право грабить; они оспаривали добычу у пламени. Если бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній Вашего Величества, то я не писалъ бы къ вамъ этого письма. Но я считаю не согласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70.000 новыхъ ружей, 1.600.000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры. Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраже-

нія, остановила бы мое движеніе, и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше Величество, хотя отчасти сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ Вашему Величеству о происходящемъ въ Москвѣ».

Отвѣта не послѣдовало, точно такъ же, какъ и послѣ поѣздки парламентера, генерала Лористона къ Кутузову въ Тарутино. «Само собою разумѣется», — писалъ по приказанію Наполеона маршалъ Бертье Мюрату, — «что Императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами». Какъ будто троекратная попытка къ примиренію уже сама по себѣ не подчеркивала всей безвыходности положенія Наполеона въ Москвѣ.

Засасываемый трясиной, онъ сталъ принимать такія мѣры, которыя лишь усугубляли безпорядокъ среди солдатъ и въ самомъ городѣ. Такъ, по его приказу былъ выпущенъ въ обращеніе 1.000.000 фальшивыхъ ассигнацій 25, 50 и 100-рублеваго достоинства. Эти ассигнаціи распространились изъ Москвы по всей Россіи и вызвали секретное предписаніе министерства полиціи «Господину Московскому Гражданскому Губернатору» о томъ, какъ ихъ обнаруживать:

«Получая изъ разныхъ мѣстъ задерживаемыя по сомнѣнію въ дѣйствительности разнаго достоинства ассигнаціи довольно въ значущемъ количествѣ, я счелъ обязанностью въ предосторожность, чтобы оныя ассигнаціи по невѣдѣнію какъ различать ихъ отъ настоящихъ, не могли расходиться по рукамъ, увѣдомить Ваше Превосходительство, что такія ассигнаціи бываютъ ощутительно шелковаты, подписи почти на всѣхъ гравированныя, а на нѣкоторыхъ двадцати пяти рублевыхъ въ прописи напечатанной есть ошибка и именно вмѣсто ходячею напечатано холячею, равно какъ и на пяти рублевыхъ во внутреннемъ достоинствѣ пять рублей по ошибкѣ въ отливкѣ значится пять рубли; почему вы и не оставите дать знать о семъ по секрету мѣстнымъ полиціямъ, предписавъ имъ въ то же время съ сими ассигнаціями, равно какъ и съ тѣми, у коихъ онѣ откроются, поступать по надлежащимъ изслѣдованіямъ законнымъ порядкомъ, донося мнѣ обо всемъ немедленно и въ должной подробности»[1]).

Солдаты не брали этихъ ассигнацій, и жалованье имъ уплачивалось найденной въ городѣ мѣдью, которую они немедленно обмѣнивали на серебро. Въ устроенныхъ ими мѣняльныхъ лавкахъ за 7, 5 и даже за 1 рубль серебромъ можно было купить мѣшокъ мѣди на 25 рублей. Но унести его съ собой было тяжело и опасно: у покупателей ихъ отнимали съ цѣлью наживы другія лица и зачастую — сами продавцы, чтобы сбыть снова.

«Трудно себѣ представить», — вспоминаетъ современникъ, — «какое зрѣлище представляла Никольская, наполненная такими продавцами и покупателями. Я пошелъ посмотрѣть на эту толпу и долженъ былъ осторожно пробираться у стѣны, чтобы не сдѣлаться болѣе нежели простымъ зрителемъ. Солдаты саблями сыпали удары направо и налѣво, чтобы разрѣ-

[1]) Собраніе бумагъ Отечественной войны. Изданіе П. И. Щукина.

дить толпу. На другой день устроили торгъ у Воскресенскихъ воротъ, огородившись отъ толпы, и продавали мѣшки съ мѣдью изъ оконъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Толпа попрежнему осаждала продавцовъ и только ружейными выстрѣлами можно было водворить нѣкоторый порядокъ»[1]).

Чтобы хоть нѣсколько скрасить тяжкую долю своихъ солдатъ въ Москвѣ, Наполеонъ рѣшилъ доставить имъ ихъ любимое удовольствіе и поручилъ префекту дворца Боссе устроить театръ. Боссе пригласилъ къ себѣ оставшуюся въ городѣ часть французской труппы съ m-me Бюрсэй во главѣ. Приглашенные явились въ отрепьяхъ и получили приказъ начать спектакли. «Трудно было устроить театральныя представленія въ совершенно разграбленной Москвѣ»,—говоритъ участница предпріятія,—«гдѣ женщины не имѣли ни платья, ни башмаковъ, а мужчины—ни одежд, ни сапогъ, гдѣ не было гвоздей, чтобы укрѣпить кулисы, не было масла для лампъ. Когда намъ объявили объ этомъ намѣреніи, я приняла это за шутку. Но это было вполнѣ серьезно». Наполеонъ приказалъ дать оборванцамъ приличную экипировку. Костюмы для дѣйствующихъ лицъ были сшиты изъ расхищеннаго атласа, алансонскихъ кружевъ, венеціанскаго бархата и церковныхъ ризъ. Оркестръ составился изъ гвардейскихъ музыкантовъ, но въ числѣ ихъ было 2 русскихъ—солистъ-скрипачъ казеннаго театра Поляковъ и віолончелистъ Татариновъ. Французы подслушали ихъ виртуозную игру и завербовали въ свою капеллу. Оба получили по 83 наполеондора золотомъ, въ чемъ и росписались въ кассовой книгѣ, имѣли охранные листы, носили треугольныя шляпы съ кокардами и вмѣстѣ съ труппой ходили въ Петровскій монастырь за порціей говядины. Впослѣдствіи они были отданы за это подъ судъ, который оправдалъ ихъ, признавъ, что обвиняемые поступили такъ подъ вліяніемъ крайняго голода[2]). Составленіемъ репертуара занялся самъ Наполеонъ вмѣстѣ съ Боссе. Къ постановкѣ были назначены «Фигаро», «Притворная невѣрность» «Три султанши», «Проказы въ тюрьмѣ» и другія пьесы. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ были тогда свои театры. Отыскивая подходящее помѣщеніе, Боссе узналъ, что въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ Познякова на Никитской имѣется вполнѣ оборудованная сцена. Онъ поспѣшилъ туда. Оказалось, что тутъ уже успѣли побывать мародеры. Драпировка была сорвана, мебель поломана, канделябры исковерканы. Все это наскоро подновили, покрасили и поправили. Занавѣсъ сшили изъ парчи, ложи отдѣлали краденымъ плюшемъ и бронзой, въ партерѣ протянули растасканные изъ различныхъ салоновъ цвѣтные ковры и поставили дорогія комфортабельныя кресла, а съ потолка спустили церковную люстру. Когда все было готово, на Тверской и другихъ центральныхъ улицахъ, а также въ Леонтьевскомъ переулкѣ, появились на столбахъ объявленія объ открытіи театра. У входа въ него были наклеены рукописныя разноцвѣтныя афиши: «Сегодня, 12 сентября, представлены будутъ комедія «Игра любви и случая» и водевиль «Любовникъ, сочинитель и лакей». Наконецъ, среди погромлен-

[1]) Толычева. Разсказы старушки.
[2]) «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1840.

ной и спаленной Москвы, улицы которой оглашались воплями и рыданіями измученныхъ обывателей, грянула торжественная увертюра. Партеръ занимали солдаты. Въ переднихъ рядахъ сидѣла старая гвардія въ полной формѣ съ крестами Почетнаго Легіона на груди. Въ ложахъ блисталъ генералитетъ и офицерство едва ли не всѣхъ націй Европы. Почетныя мѣста были заняты усердно рукоплескавшими дамами изъ оставшихся въ городѣ авантюристокъ, иностранныхъ гувернантокъ и ночныхъ героинь Кузнецкаго моста. По общему требованію исполнялись патріотическія пѣсни, покрывавшіяся громомъ аплодисментовъ. Цѣны мѣстамъ были умѣренныя. Часть сбора шла на освѣщеніе и отопленіе театра, остальное—въ пользу исполнителей. Маршалы и генералы съ ихъ штабами постоянно посѣщали спектакли, горстями отсыпая деньги на прилавокъ. Даже нижніе чины,—и тѣ платили дороже назначенной расцѣнки и никогда не требовали сдачи. Особенно нравился публикѣ дивертисментъ изъ русскихъ плясокъ. Въ нихъ отличались въ роскошномъ національномъ нарядѣ дѣвицы Ламираль, отецъ которыхъ до и послѣ непріятельскаго нашествія былъ—вмѣстѣ съ Іогелемъ—преподавателемъ танцевъ въ избранномъ кругу Москвы. «Это были настоящія русскія пляски»,—восторгался Боссе,—«а не такія, какія мы видѣли въ Большой Операѣ въ Парижѣ». Для укрѣпленія въ арміи вѣры въ то, что въ Москвѣ рѣшено перезимовать, всей трушѣ было уплочено за 6 мѣсяцевъ впередъ[1]). Въ глубокомъ мракѣ и жуткой тишинѣ ночей ярко освѣщенный и переполненный театръ казался зловѣщимъ факеломъ, какъ тѣ, что цинично потрескивали на окаймленномъ гробовымъ безмолвіемъ торжищѣ Валтассара. Всѣ улицы, со скелетами обгорѣлыхъ построекъ, были пустынны. Лишь Никитская съ наступленіемъ вечера загромождалась экипажами и каретами, которые вереницей тянулись къ театральному подъѣзду и по окончаніи спектаклей, сверкая фонарями, мчались по разнымъ направленіямъ обратно. У театра оставался только усиленный караулъ и рядъ чановъ съ водой.

Помимо театральныхъ развлеченій солдаты и сами иногда устраивали себѣ вечеринки. «Мы предложили»,—разсказываетъ устроитель,—«задать балъ и надѣть для этого имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи костюмы. Начали съ того, что переодѣли нашихъ русскихъ женщинъ во французскихъ дамъ, т.-е. въ маркизъ, а такъ какъ онѣ не умѣли взяться за дѣло, то Фламану и мнѣ было поручено руководить ихъ туалетомъ. Наши 2 русскихъ портныхъ нарядились въ китайцевъ, я переодѣлся въ костюмъ русскаго боярина, Фламанъ превратился въ маркиза. Словомъ, всѣ очутились въ разныхъ костюмахъ. Даже наша маркитантка, тетка Дюбуа, зашедшая къ намъ въ эту минуту, нарядилась въ богатый національный костюмъ русской боярыни. У насъ не было париковъ для нашихъ маркизъ, и цирюльникъ роты причесалъ ихъ. Вмѣсто помады онъ намазалъ имъ волосы саломъ, а вмѣсто пудры—насыпалъ муки. Словомъ, прифрантили ихъ, какъ нельзя лучше. Когда все было готово, начались танцы. Я забылъ сказать, что все это время мы пили вволю пуншъ, который

[1]) Сержантъ Бургонь, Mémoires.

заботливо приготовлялъ намъ старый драгунъ Меле, и наши маркизы, такъ же, какъ и маркитантка, хотя прекрасно выносили спиртные напитки, но порядкомъ-таки захмелѣли благодаря большимъ стаканамъ пунша, который онѣ то и дѣло потягивали съ наслажденіемъ. По части музыки у насъ была флейта фельдфебеля. Ей въ тактъ аккомпанировалъ барабанщикъ роты. Но только что заиграла музыка, и тетка Дюбуа пустилась выдѣлывать «па» визави съ фурьеромъ роты, какъ наши маркизы, которымъ, вѣроятно, пришлась по вкусу наша дикая музыка, принялись скакать, какъ ошалѣлыя: вправо, влѣво, махая руками, дрыгая ногами, то и дѣло шлепаясь на полъ и опять вскакивая. Точно бѣсъ въ нихъ вселился. Насъ бы это не удивило, будь онѣ одѣты въ простое русское платье, но видѣть французскихъ маркизъ, обыкновенно такихъ чопорныхъ, скачущими, какъ полоумныя—такое зрѣлище заставляло насъ покатываться со смѣху, такъ что музыкантъ не въ силахъ былъ продолжать играть на флейтѣ; но барабанъ подоспѣлъ ему на помощь, жарилъ во всю. Наши маркизы еще пуще запрыгали, пока не повалились, какъ сноны, отъ усталости. Мы подняли ихъ, аплодировали имъ и снова принялись пить и плясать до 4 часовъ утра» [1]).

Наполеонъ въ театрѣ не бывалъ. Для него во дворцѣ была устроена концертная эстрада, на которой выступали, отрекомендованные ему m-me Бюрсэй, учитель пѣнія въ Москвѣ Таркиніо и піанистка Мартини. Вообще его жизнь здѣсь протекала однообразно. За завтракомъ онъ выслушивалъ доклады Боссе о театрѣ, затѣмъ диктовалъ своему секретаріату различныя предписанія и, покончивъ съ дѣлами, производилъ смотры войскамъ у Кремлевскихъ прудовъ, гдѣ нынѣ — Александровскій садъ. Сначала полки выступали предъ нимъ гордо и весело, а потомъ, несмотря на всѣ усилія старавшихся подтянуть ихъ командировъ, солдаты собирались на барабанный бой въ изорванныхъ мундирахъ и дырявыхъ сапогахъ, при чемъ отдѣльныя части оказывались далеко не въ своемъ прежнемъ комплектѣ. Отсюда Наполеонъ въ сопровожденіи блестящей свиты выѣзжалъ осматривать городъ и его окрестности. Удручающій видъ всего также не могъ радовать привыкшаго къ инымъ картинамъ тріумфатора. Жители изъ-за угловъ и заборовъ съ любопытствомъ разглядывали «Аполіона», иногда принимая за него эффектнаго Мюрата, внѣшность котораго была не менѣе романтична, чѣмъ онъ самъ,—этотъ настоящій сынъ Италіи: смуглое лицо, красивые черные глаза, распущенные до плечъ волосы и густыя бакенбарды; куртка со стоячимъ воротникомъ въ позументахъ, надѣтая на бокъ и украшенная пукомъ страусовыхъ перьевъ польская шапочка-конфедератка; желтые сапожки, тигровая шкура вмѣсто чепрака и осыпанная брилліантами турецкая сабля,—все это придавало ему обликъ сказочнаго рыцаря. Иногда Наполеонъ отправлялся на охоту въ ближайшихъ къ Москвѣ лѣсахъ, но она не могла быть удачной, такъ какъ все оттуда было спугнуто. Обѣдалъ онъ вопреки обыкновенію подолгу, какъ бы стараясь убить тяготившее его время. Долгіе ве-

[1]) Сержантъ Бургонь. Mémoires.

чера всегда проводилъ во дворцѣ, прохаживаясь взадъ и впередъ по ярко освѣщенной залѣ съ растопленнымъ каминомъ и бесѣдуя съ приближенными о новыхъ, только что присланныхъ стихотвореніяхъ, о выработкѣ устава для «Comédie Française», о театрѣ вообще,—или часами, точно въ забытьи, полулежалъ съ романомъ въ рукахъ, предчувствуя близость трагической развязки. Критическое положеніе, въ которомъ очутился Наполеонъ, еще болѣе усилило его склонность ко всевозможнымъ предчувствіямъ. Узнавъ, будто русскіе приписываютъ цѣлость своего государства обладанію крестомъ на колокольнѣ Ивана Великаго, онъ приказалъ сорвать его, чтобы воздвигнуть потомъ надъ «Инвалиднымъ домомъ» въ Парижѣ. Когда этотъ крестъ снимали, надъ нимъ безпрестанно кружилась стая вороновъ. Наполеонъ, которому наскучило ихъ унылое карканье, воскликнулъ: «Кажется, эти зловѣщія птицы хотятъ защищать его!» Ночи были для него крайне томительны. Большую часть ихъ онъ проводилъ съ гр. Дарю. И только тутъ признавался въ томъ, что считаетъ себя въ опасности [1]).

Выпалъ снѣгъ и покрылъ раны и рубища изможденной Москвы бѣлой, пухлой пеленой. Партизаны, окружившіе городъ непрерывной цѣпью, обрушивались на выступавшія изъ него непріятельскія команды, и вслѣдствіе этого рѣдкая фуражировка проходила успѣшно: въ огромномъ большинствѣ случаевъ фуражиры возвращались въ городъ ни съ чѣмъ или не возвращались вовсе.

Иногда переодѣтые въ сермягу казаки проникали даже въ самый городъ, и послѣ этого по утру непріятель не досчитывался нѣсколькихъ человѣкъ и коней, оружія и обмундировки.

Вдоль всей Стромынской дороги, по обѣимъ сторонамъ опушки далеко раскинувшагося лѣса, на вершинахъ высокихъ деревьевъ, въ шалашахъ изъ сучьевъ крестьяне подстерегали непріятелей, чтобы тотчасъ дать знать о появленіи ихъ ближайшимъ пикетамъ или, незамѣтно спускаясь съ воздушныхъ карауленъ, сами шли на нихъ съ вилами, дрекольемъ и рогатиной.

Петля стягивалась все крѣпче. Каждый день промедленія въ Москвѣ уменьшалъ вѣроятность благополучнаго исхода. Долго колебавшійся Наполеонъ сталъ, наконецъ, приготовляться къ отступленію. По его приказу больные и раненые были эвакуированы въ Смоленскъ, и началось сосредоточеніе отдѣльныхъ частей арміи къ Москвѣ. Изъ Богородска, гдѣ онъ находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, подошелъ корпусъ маршала Нея, и 6 октября Наполеонъ произвелъ ему въ Кремлѣ парадъ. «Этотъ смотръ»,—замѣчаетъ участвовавшій въ немъ офицеръ,—«былъ такъ хорошъ, какъ позволяли только обстоятельства. Полковники соревновали въ усердіи одинъ передъ другимъ, чтобы показать полки въ возможно-лучшемъ состояніи. Никто, смотря на нихъ, не подумалъ бы, сколько перестрадали и какъ страдали эти солдаты» [2]). Утренникъ былъ морозный. Деревья за-

[1]) Гр. де-Сегюръ. Mémoires.
[2]) «Русскій Архивъ», 1876, VII.

Костюмы 1825 года.

индевѣли. Солдаты стояли въ строю, сгорбившись отъ холода. Нѣкоторые держали ружья подъ мышками, обогрѣвая пальцы во рту. Офицеры суетливо прохаживались передъ фронтомъ, засунувъ руки въ карманы. Наполеонъ сошелъ съ лошади, которую ординарецъ сталъ кормить сахаромъ, и подалъ знакъ. Начался разводъ. Когда войска съ распущенными знаменами проходили мимо него подъ музыку церемоніальнымъ маршемъ, послышался отдаленный гулъ. Генералъ Дюрокъ доложилъ Наполеону, что, по слухамъ, у Тарутина идетъ жестокій бой. Наполеонъ на мгновеніе перемѣнился въ лицѣ, но затѣмъ быстро овладѣлъ собой и продолжалъ парадъ. По окончаніи его прискакалъ адъютантъ Беранже съ донесеніемъ о пораженіи атакованнаго Беннигсеномъ Мюрата: убито 2 генерала, Дери и Фишеръ, и 4000 нижнихъ чиновъ, потеряны 12 орудій и весь обозъ, авангардъ фактически пересталъ существовать, такъ какъ оставшіеся крайне истощены...

Весь вечеръ главная квартира писала и разсылала соотвѣтствующіе приказы. Въ театрѣ еще шелъ спектакль, и были объявлены назначенныя на другой день пьесы. «Возвратясь изъ театра»,—разсказываетъ актриса Фюзи,—«я приготовляла себѣ платье для роли Петрониллы, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: «Что вы дѣлаете?» «Вы видите, приготовляю платье къ завтрашнему вечеру»,—отвѣтила я.—«Позаботьтесь лучше приготовить свои чемоданы къ завтрашнему утру, потому что мы въ 2 часа утра выступаемъ».

Дѣйствительно, въ ночь на 7 октября началось выступленіе. Вся колонна—140.000 пѣхоты, 50.000 конницы и 600 пушекъ—растянулась, благодаря колоссальному обозу, на 15 верстъ. До 90.000 строевыхъ солдатъ, шедшихъ въ полномъ снаряженіи впереди, еще напоминали собой стройное войско. Остальные подвигались безпорядочной и необычайно пестрой ордой. Въ крестьянскихъ зипунахъ, священническихъ стихаряхъ и женскихъ юбкахъ, окутанные мѣховыми боа, башлыками и шалями они, согнувшись, тащили на себѣ мѣшки съ награбленнымъ добромъ. Кавалерія едва волочила ноги, тѣмъ болѣе, что всадники въ свою очередь безпощадно нагрузили и такъ изнуренныхъ коней всевозможной кладью. Большинство ея было спѣшено. Артиллерійскія лошади, истощенныя голодухой, съ трудомъ везли орудія и безпрестанно падали отъ изнеможенія. Позади въ нѣсколько рядовъ тянулось несмѣтное количество экипажей, колясокъ, каретъ, дрожекъ и бричекъ съ нестроевыми чиновниками, вывезшими изъ города всѣ свои пожитки, иностранными семьями, маркитантками, прислугой и артистками, которымъ Боссе предоставилъ ландо, а самъ усѣлся верхомъ на пушку. Отчаянно ругавшаяся на всѣхъ языкахъ огромная разношерстная толпа, среди которой были и мужики, съ гикомъ и свистомъ подгоняла одровъ, веревками запряженныхъ въ до верху набитые всякимъ хламомъ фургоны, телѣги, повозки и даже фуры для перевозки раненыхъ и больныхъ. Было и такъ, что пѣшихъ офицеровъ обгоняли ѣхавшіе въ роскошныхъ фаэтонахъ рядовые съ дѣвицами на колѣнахъ. «Можно было подумать, что подвигалась не Великая армія, а караванъ кочевниковъ или полчище древнихъ временъ, возвращавшееся послѣ на-

бѣга съ рабами и добычей»[1]). У каждаго моста, въ каждомъ узкомъ мѣстѣ происходили заторы, и создавалась невѣроятная сумятица. Все останавливалось, перепутывалось и сбивалось въ сплошной комъ. Наполеонъ, выѣхавъ изъ города рано утромъ, попалъ уже въ хвостъ колонны и, несмотря на окрики пролагавшаго ему дорогу конвоя едва пробивался сквозь эту толчею. Онъ отлично сознавалъ, что вся эта поклажа виситъ на шеѣ у войска мертвымъ камнемъ, и что все равно солдатамъ скоро прійдется ея лишиться, но упрекнуть ихъ за захватъ добытаго цѣною такихъ лишеній и страданій или отнять у нихъ пріобрѣтенное,—на это у него не было ни права, ни силы.

VI.

Въ Москвѣ остался маршалъ Мортье съ арьергардомъ. Наполеонъ послалъ ему изъ Троицкаго весьма точно и строго формулированный приказъ: взорвать весь Кремль и пороховые погреба, сжечь казармы, водочные склады, всѣ общественныя зданія за исключеніемъ Воспитательнаго дома, а также всѣ уцѣлѣвшія частныя постройки, въ томъ числѣ обязательно домъ гр. Растопчина, и только тогда оставить городъ.

Было шумно. Стало тихо. Рѣдко проходилъ патруль, или мелькалъ непріятельскій солдатъ, предварительно осмотрѣвшись по сторонамъ, не угрожаетъ ли ему откуда-нибудь опасность. Кое-гдѣ изъ калитки робко высовывались головы жителей и сейчасъ же прятались. Приготовленія къ взрывамъ и поджогамъ не могли совершаться въ полной тайнѣ, и вѣсть объ этомъ быстро облетѣла всю Москву. Ждали разрушенія города до основанія и съ ужасомъ думали о предстоящей смерти. Маршалъ Мортье заперся въ Кремлѣ и окружилъ его сильнымъ сторожевымъ охраненіемъ. Повсюду были наклеены объявленія, чтобы никто не смѣлъ приближаться къ Кремлю. Ослушниковъ ждалъ разстрѣлъ. Плакаты были написаны только на французскомъ языкѣ. Его не понимали, и поэтому нѣкоторые поплатились жизнью. Вокругъ Кремля рыли канавы, устраивали мины и наполняли ихъ порохомъ.

Подкопъ былъ проведенъ и подъ Новодѣвичій монастырь.

Въ Рождественскомъ—все было подготовлено къ поджогу.

Иные офицеры и даже солдаты лично не сочувствовали этому акту дикой мести. Такъ, начальникъ части, занимавшей почтамтъ, отказался поджечь его. Менѣе смѣлые боялись уклониться отъ исполненія приказа. Тогда бывшіе тамъ русскіе чиновники пожертвовали своими послѣдними деньгами и уговорили ихъ пощадить почтамтъ[2]). Выходя, непріятели для вида собрали и зажгли предъ почтамтомъ большой костеръ. Были и случаи дружескаго предостереженія. Знакомый товарища городского головы, солдатъ старой гвардіи, покидая Москву, пришелъ къ нему проститься и пожелать всякаго благополучія, просилъ проводить его и, оставшись съ нимъ наединѣ, взялъ его за руку: «Спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ, также Пушечный дворъ. Все приготовлено. Даже даны приказанія

[1]) Гр. де-Сегюръ. Mémoires.
[2]) Кичеевъ. Изъ недавней старины.

Костюмы 1825 года.

убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе»[1]). Военный врачъ совѣтовалъ эмигранту, постоянному жителю города, не оставаться въ немъ послѣ ухода войскъ: «Вы сами были военнымъ, а потому поймете, что я не могу объяснять вамъ подробнѣе, и сами догадаетесь, о чемъ я желалъ бы вамъ сообщить».

Вспыхнувшіе одновременно съ выступленіемъ Наполеона пожары и взрывъ пороховыхъ погребовъ на Пушечномъ дворѣ убѣждали несчастныхъ обывателей въ справедливости предупрежденій и повергли ихъ въ полное отчаяніе.

Весь день 10 октября прошелъ въ лихорадочныхъ сборахъ послѣдняго непріятельскаго отряда къ выступленію. Въ это время у Тверской заставы уже появились казаки съ толпами вооруженныхъ крестьянъ, которые на всемъ пространствѣ отъ Камеръ-Коллежскаго вала до Петровскаго дворца засѣли въ ямахъ, откуда раньше брали глину. Поздно вечеромъ маршалъ Мортье со своимъ арьергардомъ ушелъ. Надъ Москвой висѣла непроглядная ночь. Вдругъ за Калужской заставой одинъ за другимъ грянули 3 пушечныхъ выстрѣла. Сигнализировалъ маршалъ Мортье. Этого не знали. Всѣ изумились и подумали, что непріятели снова вступаютъ въ городъ. Настало глубокое затишье. Чрезъ нѣкоторое время раздался оглушительный ударъ и послышался страшный грохотъ. Во многихъ домахъ треснули стѣны, обрушились потолки и вылетѣли оконныя рамы. Внутри — сдвинулась съ мѣста и упала мебель. Людей сбросило съ постелей. Охваченные паническимъ страхомъ всѣ ринулись на улицы и площади раздѣтыми и израненными желѣзомъ, камнями и обломками стеколъ. Холодный дождь лилъ ручьями. Звали на помощь. Помощи не было. Призывъ тонулъ среди визга, крика и стоновъ. Въ Кремлѣ взрывы съ перекатами повторялись съ ослабѣвающей силой неоднократно, и буйно вздымались огненные языки. Въ Грузинахъ у церкви Георгія Побѣдоносца толпа народа оставалась всю ночь:

«Чрезъ темь и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю. Отъ насъ, съ луга, былъ виденъ Иванъ Великій, но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтать, а Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ, и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, взошло солнышко, и вскорѣ показалась золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ попрежнему богатыремъ».

На противоположномъ берегу Москвы-рѣки дома были облѣплены мусоромъ и вонзившимися въ нихъ осколками камней. Поверхность ея засеребрилась отъ оглушенной и всплывшей рыбы. У Троицкихъ воротъ водопадомъ спадала масса выбитыхъ изъ архива бумагъ. Однако вслѣдствіе спѣшности, съ которой закладывались подкопы, и совершалось выступленіе маршала Мортье, а также благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и ливню, планъ всеобщаго разрушенія далеко не удался. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ казначея Сарра съ нѣсколькими инокинями успѣла погасить фитили. Въ Рождественскомъ—сваленная въ кельи солома съ воткнутыми въ нее зажженными свѣчами оказалась отсырѣвшей и не занялась. Уцѣлѣлъ

[1]) Чтенія. 1859, кн. II.

даже домъ гр. Растопчина. Въ самомъ Кремлѣ были разрушены: дворецъ, Грановитая палата, арсеналъ, комендантскій домъ, пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго и—до основанія—Алексѣевская башня. Повреждены: Сенатъ, проломлены въ 5 мѣстахъ стѣны, набережная и Никольская башня. Находившійся на ней образъ св. Николая остался невредимъ. По повелѣнію Государя здѣсь была прибита доска, на которой съ трудомъ, но еще теперь можно прочесть надпись:

«Въ 1812 году, во время непріятельскаго нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля, но чудесною силою Божіею, св. образъ угодника Божія, Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не только сей образъ, но стекло, прикрывающее оный, и фонарь со свѣщею остались невредимы. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса! Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ».

Москва была свободна. Въ ней не оставалось ни одного вооруженнаго непріятеля. Ея нельзя было узнать. Все носило на себѣ клеймо пожара и представляло груду развалинъ. Здѣсь высились стѣны безъ кровель и обезглавленныя церкви. Тамъ мрачно чернѣли закоптѣлые остовы зданій или цѣлыя пепелища, которыя еще дымились, наполняя улицы удушливымъ смрадомъ. Вѣтеръ выпъ и свистѣлъ, пролетая сквозь выломанныя двери и окна сколько-нибудь сохранившихся построекъ и съ лязгомъ трепалъ свѣсившіеся съ крышъ желѣзные листы. Опасно было ходить: всюду виднѣлись провалы въ колодцы, погреба и помойныя ямы, и почти на каждомъ шагу попадались гніющіе трупы людей и животныхъ. «Тогда считать мы стали раны»... Китай-городъ съ Гостинымъ дворомъ, Замоскворѣчье и Нѣмецкая слобода выгорѣли почти цѣликомъ. Земляной валъ, кромѣ Шереметевской больницы, главнаго корпуса Спасскихъ казармъ и Сухаревой башни, Воздвиженка, Знаменка, Пречистенка и Тверская отъ Воскресенскихъ воротъ до дома Главнокомандующаго — также. По Никитской уцѣлѣло 2 дома. На Никольской—3. Въ Старой Басманной—4. По Тверскому бульвару—8. Малая Дмитровка, Лубянка, часть Мясницкой отъ Красныхъ воротъ, Покровки и Срѣтенки, а также Кузнецкій мостъ за исключеніемъ флигеля, въ которомъ помѣщалась славившаяся тогда кондитерская Гуа, выстояли. Въ общемъ, изъ 9158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ осталось 2626, а изъ 8520 такихъ же магазиновъ—1368. Изъ 290 храмовъ сгорѣло — 12, обгорѣло — 115, оставшіеся были разграблены. На улицахъ и площадяхъ валялось 11959 человѣческихъ и 12576 лошадиныхъ труповъ.

Раньше всѣхъ вошли въ Москву казаки Винцингероде съ окрестными поселянами. Грабежъ непріятелей смѣнился грабежомъ своихъ. Казаки увозили все, что попадалось путнаго, въ свои стоянки. Поселяне—по деревнямъ. Оспаривая другъ у друга награбленное, они доходили до ожесточенныхъ дракъ. Общей анархіей воспользовались и хозяева уцѣлѣвшихъ домовъ, которые стали на время безначалія господами и чужого имущества. Такъ продолжалось 3 дня до 14 октября, когда прибылъ генералъ Иловайскій. Онъ водворилъ нѣкоторый порядокъ и выпустилъ объявленіе:

убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе»[1]). Военный врачъ совѣтовалъ эмигранту, постоянному жителю города, не оставаться въ немъ послѣ ухода войскъ: «Вы сами были военнымъ, а потому поймете, что я не могу объяснять вамъ подробнѣе, и сами догадаетесь, о чемъ я желалъ бы вамъ сообщить».

Вспыхнувшіе одновременно съ выступленіемъ Наполеона пожары и взрывъ пороховыхъ погребовъ на Пушечномъ дворѣ убѣждали несчастныхъ обывателей въ справедливости предупрежденій и повергли ихъ въ полное отчаяніе.

Весь день 10 октября прошелъ въ лихорадочныхъ сборахъ послѣдняго непріятельскаго отряда къ выступленію. Въ это время у Тверской заставы уже появились казаки съ толпами вооруженныхъ крестьянъ, которые на всемъ пространствѣ отъ Камеръ-Коллежскаго вала до Петровскаго дворца засѣли въ ямахъ, откуда раньше брали глину. Поздно вечеромъ маршалъ Мортье со своимъ арьергардомъ ушелъ. Надъ Москвой висѣла непроглядная ночь. Вдругъ за Калужской заставой одинъ за другимъ грянули 3 пушечныхъ выстрѣла. Сигнализировалъ маршалъ Мортье. Этого не знали. Всѣ изумились и подумали, что непріятели снова вступаютъ въ городъ. Настало глубокое затишье. Чрезъ нѣкоторое время раздался оглушительный ударъ и послышался страшный грохотъ. Во многихъ домахъ треснули стѣны, обрушились потолки и вылетѣли оконныя рамы. Внутри — сдвинулась съ мѣста и упала мебель. Людей сбросило съ постелей. Охваченные паническимъ страхомъ всѣ ринулись на улицы и площади раздѣтыми и израненными желѣзомъ, камнями и обломками стеколъ. Холодный дождь лилъ ручьями. Звали на помощь. Помощи не было. Призывъ тонулъ среди визга, крика и стоновъ. Въ Кремлѣ взрывы съ перекатами повторялись съ ослабѣвающей силой неоднократно, и буйно вздымались огненные языки. Въ Грузинахъ у церкви Георгія Побѣдоносца толпа народа оставалась всю ночь:

«Чрезъ темь и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю. Отъ насъ, съ луга, былъ виденъ Иванъ Великій, но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтать, а Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ, и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, взошло солнышко, и вскорѣ показалась золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ попрежнему богатыремъ».

На противоположномъ берегу Москвы-рѣки дома были облѣплены мусоромъ и вонзившимися въ нихъ осколками камней. Поверхность ея засеребрилась отъ оглушенной и всплывшей рыбы. У Троицкихъ воротъ водопадомъ спадала масса выбитыхъ изъ архива бумагъ. Однако вслѣдствіе спѣшности, съ которой закладывались подкопы, и совершалось выступленіе маршала Мортье, а также благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и ливню, планъ всеобщаго разрушенія далеко не удался. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ казначея Сарра съ нѣсколькими инокинями успѣла погасить фитили. Въ Рождественскомъ—сваленная въ кельи солома съ воткнутыми въ нее зажженными свѣчами оказалась отсырѣвшей и не занялась. Уцѣлѣлъ

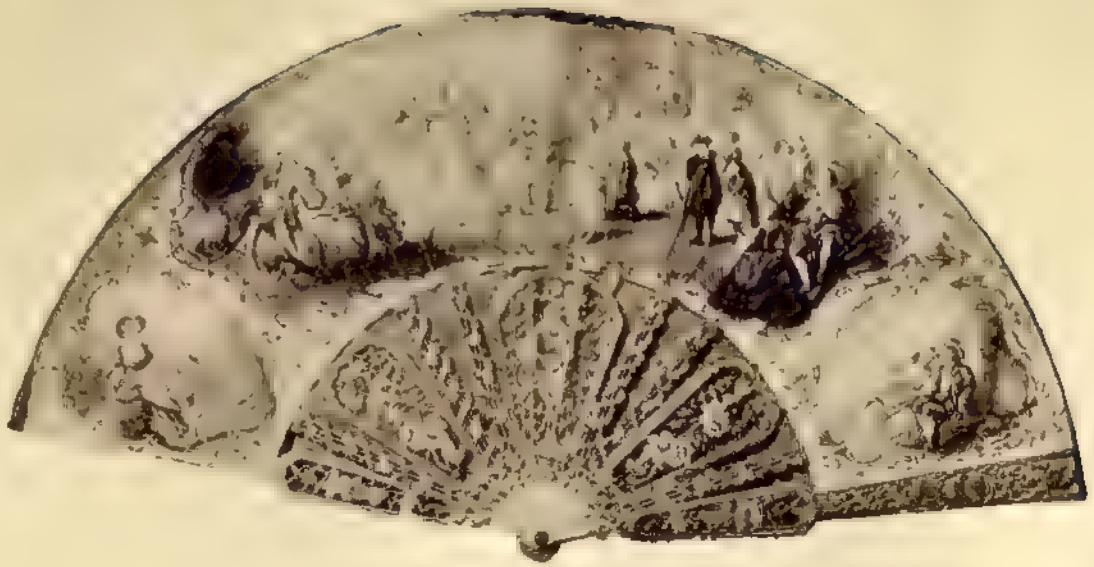
[1]) Чтенія. 1859, кн. II.

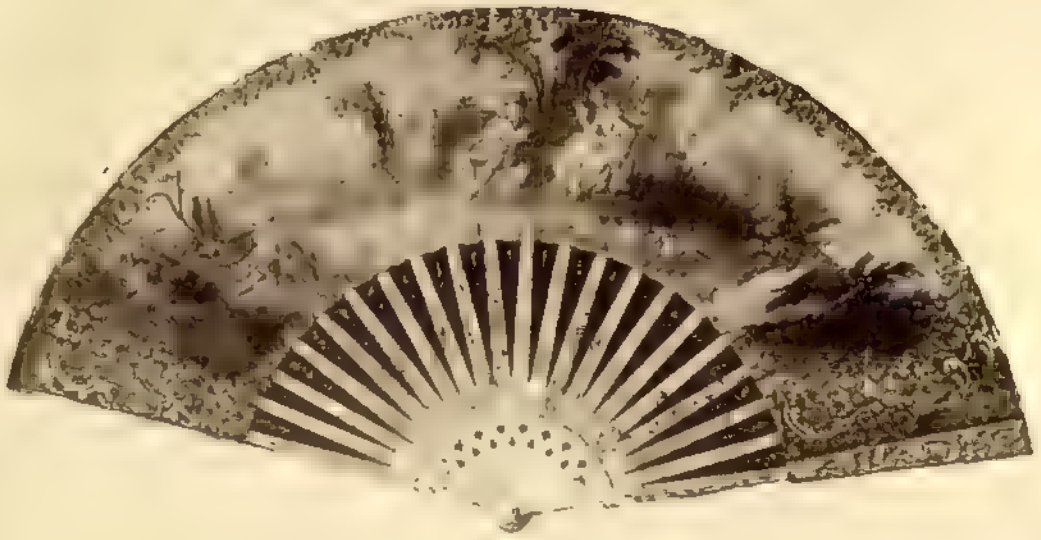
даже домъ гр. Растопчина. Въ самомъ Кремлѣ были разрушены: дворецъ, Грановитая палата, арсеналъ, комендантскій домъ, пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго и—до основанія—Алексѣевская башня. Повреждены: Сенатъ, проломлены въ 5 мѣстахъ стѣны, набережная и Никольская башня. Находившійся на ней образъ св. Николая остался невредимъ. По повелѣнію Государя здѣсь была прибита доска, на которой съ трудомъ, но еще теперь можно прочесть надпись:

«Въ 1812 году, во время непріятельскаго нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля, но чудесною силою Божіею, св. образъ угодника Божія, Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не только сей образъ, но стекло, прикрывающее оный, и фонарь со свѣщею остались невредимы. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса! Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ».

Москва была свободна. Въ ней не оставалось ни одного вооруженнаго непріятеля. Ея нельзя было узнать. Все носило на себѣ клеймо пожара и представляло груду развалинъ. Здѣсь высились стѣны безъ кровель и обезглавленныя церкви. Тамъ мрачно чернѣли закоптѣлые остовы зданій или цѣлыя пепелища, которыя еще дымились, наполняя улицы удушливымъ смрадомъ. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ, пролетая сквозь выломанныя двери и окна сколько-нибудь сохранившихся построекъ и съ лязгомъ трепалъ свѣсившіеся съ крышъ желѣзные листы. Опасно было ходить: всюду виднѣлись провалы въ колодцы, погреба и помойныя ямы, и почти на каждомъ шагу попадались гніющіе трупы людей и животныхъ. «Тогда считать мы стали раны»... Китай-городъ съ Гостинымъ дворомъ, Замоскворѣчье и Нѣмецкая слобода выгорѣли почти цѣликомъ. Земляной валъ, кромѣ Шереметевской больницы, главнаго корпуса Спасскихъ казармъ и Сухаревой башни, Воздвиженка, Знаменка, Пречистенка и Тверская отъ Воскресенскихъ воротъ до дома Главнокомандующаго — также. По Никитской уцѣлѣло 2 дома. На Никольской—3. Въ Старой Басманной—4. По Тверскому бульвару—8. Малая Дмитровка, Лубянка, часть Мясницкой отъ Красныхъ воротъ, Покровки и Срѣтенки, а также Кузнецкій мостъ за исключеніемъ флигеля, въ которомъ помѣщалась славившаяся тогда кондитерская Гуа, выстояли. Въ общемъ, изъ 9158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ осталось 2626, а изъ 8520 такихъ же магазиновъ—1368. Изъ 290 храмовъ сгорѣло — 12, обгорѣло — 115, оставшіеся были разграблены. На улицахъ и площадяхъ валялось 11959 человѣческихъ и 12576 лошадиныхъ труповъ.

Раньше всѣхъ вошли въ Москву казаки Винцингероде съ окрестными поселянами. Грабежъ непріятелей смѣнился грабежомъ своихъ. Казаки увозили все, что попадалось путнаго, въ свои стоянки. Поселяне—по деревнямъ. Оспаривая другъ у друга награбленное, они доходили до ожесточенныхъ дракъ. Общей анархіей воспользовались и хозяева уцѣлѣвшихъ домовъ, которые стали на время безначалія господами и чужого имущества. Такъ продолжалось 3 дня до 14 октября, когда прибылъ генералъ Иловайскій. Онъ водворилъ нѣкоторый порядокъ и выпустилъ объявленіе:





[illegible]

«Слава Богу! Первопрестольный градъ очищенъ отъ враговъ. Окрестные жители могутъ теперь быть спокойны и привозить безопасно въ древнюю столицу всѣ произведенія земли и издѣлія свои. Обитатели Москвы нуждаются въ жизненныхъ припасахъ. Я увѣренъ, что всякій русскій будетъ продавать привезенное имъ за умѣренную цѣну. Торговые дни назначаются тѣ же, какіе и были прежде. Пріѣздъ въ Москву обезпеченъ воинскими отрядами. Господь милосердъ! Государь нашъ благотворителенъ! Народъ русскій единодушенъ, и скоро древняя столица возвратитъ прежнюю свою славу и благоденствіе».

Въ Страстномъ монастырѣ торжественно заблаговѣстили къ обѣднѣ и благодарственному молебствію. Благовѣстъ былъ подхваченъ колоколами съ другихъ уцѣлѣвшихъ церквей, и впервые послѣ 5-недѣльнаго плѣна надъ городомъ поплыли густыя волны краснаго звона. Съ этого момента Москва считалась окончательно свободной отъ враговъ.

Докторъ Воробьевскій оффиціально доносилъ, что массовое гніеніе труповъ угрожаетъ эпидеміей, и настаивалъ на немедленной уборкѣ ихъ. Для этого были назначены команды фурманщиковъ. Раздѣвъ павшихъ, они пользовались ихъ одеждой, особенно мундирами, которые послѣ продавались ими на рынкахъ, сваливали обнаженные трупы въ повозки и свозили ихъ къ Крымскому броду, въ Марьину рощу и другія отдаленныя мѣста, гдѣ по ночамъ все складывалось на огромные костры и сжигалось.

Посреди руинъ, какъ привидѣнія, бродили жители Москвы, отыскивавшіе свои жилища. Нѣкоторые еще пугливо оглядывались. Начали съѣзжаться и тѣ, кто покинулъ городъ до непріятельскаго нашествія. На улицахъ происходили трогательныя встрѣчи. «Вы живы? И вы? Ну, слава Богу!» Знакомые со слезами на глазахъ обнимались и дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Многіе пока не вернулись, такъ какъ имъ негдѣ было жить. Квартиры въ уцѣлѣвшихъ домахъ отдавались за крайне дорогую цѣну, и поэтому часто въ одной комнатѣ ютилось нѣсколько семействъ. Неимущіе погорѣльцы устроились на бивуакахъ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ Спасскихъ казармахъ и въ погорѣвшихъ строеніяхъ, завѣсивъ окна и двери рогожами. Все постепенно оживало. Народъ самый разнообразный, влекомый кто любопытствомъ, кто долгомъ службы, кто расчетомъ—домовладѣльцы, духовенство, высшіе и низшіе чиновники, торговцы, ремесленники, мужики—съ разныхъ сторонъ, по образному выраженію геніальнаго художника, какъ кровь къ сердцу, приливалъ къ Москвѣ[1]). Изъ ближайшихъ городовъ и деревень чрезъ заставы неистощимо тянулись обозы съ жизненными припасами. Возы ѣхали по неогороженнымъ садамъ съ обожженными деревьями. На площадяхъ появились предлагавшіе свои услуги кому угодно каменщики и плотники. Изъ наскоро сколоченныхъ лубковъ выросли мясныя лавки. Изголодавшіеся обыватели бросились къ нимъ такъ рьяно, что у входовъ пришлось поставить казаковъ съ нагайками, но торговцы все же едва ли остались съ барышомъ,

---

[1]) «Война и миръ». Т. IV, гл. XV, стр. 297.

потому что толпа своимъ напоромъ сдвинула лабазы съ мѣста, и уже было совсѣмъ не до счетовъ. Продавцы хлѣба, — тѣ наживались, взимая за фунтъ ржаного хлѣба по 25, а за крошечный калачъ—по 30 копѣекъ. Мелочной торгъ открылся во множествѣ пунктовъ. Тамъ, на опрокинутыхъ вверхъ дномъ кадкахъ или на спеціально оборудованныхъ мосткахъ были разложены чай, деготь, сахаръ, соль, пенька, книги, стеклянная посуда, шелковыя матеріи, старое желѣзо и галантерейныя вещи. Кромѣ того, взадъ и впередъ сновали ходебщики съ съѣстными и другими товарами. Одинъ, съ деревянными ложками за веревочнымъ поясомъ, носилъ въ глиняной корчагѣ масляничную пшеничную кашу. Другой громко выхваливалъ на лоткѣ свой покрытый войлокомъ или грязной тряпкой гороховый кисель. Въ густомъ басѣ тутъ же торговавшаго старьевщика узнавали пѣвчаго Синодальнаго хора. Нѣмецъ, бывшій содержатель пансіона, въ алой уланской конфедераткѣ съ полуоторваннымъ козырькомъ, подпоясанный черной кожаной портупеей съ изображеніемъ на ея бѣлой бляхѣ буквы «N», носилъ оклеенный пестрыми обоями и уставленный вокругъ цвѣтными бумажными трубочками ящикъ съ нюхательнымъ табакомъ и кричалъ: на копѣйка на 2 трубка! Изъ толпы глазѣли на него и дивились: ишь мусье-то, на все изловчится! Деревенская баба въ непріятельской шинели съ гербовыми пуговицами таскала для продажи на глиняномъ противнѣ запыленный говяжій студень. Мужикъ въ зипунѣ и высокой гусарской медвѣжьей шапкѣ продавалъ квасъ. Мальчикъ въ лохмотьяхъ продавалъ «бли-ны го-ря-чіе!», которые для свѣжести были прикрыты кавалерійскимъ чепракомъ съ вышитыми по концамъ его иностранными гербами. Дряхлая старуха едва удерживала охапку непріятельскихъ палашей и, кланяясь проходящимъ, упрашивала ихъ: родные, голубчики мои, избавьте отъ тяжелой ноши, купите, дешево отдамъ, годятся хоть на косаря щепать лучину! Неподалеку отъ нея предлагались заграничныя монеты, которыми охотники уже играли въ орлянку [1]).

«Съ нами»,—писалъ поэтъ своимъ знакомымъ,—«совершаются чудеса божественныя, которыхъ Москва была, такъ сказать, наслѣдница давнобытная. Сколько разъ она горѣла? Сколько разъ была въ рукахъ непріятелей самыхъ лютѣйшихъ? Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву, любимѣйшій небомъ городъ, или, другими словами, нѣтъ силы столько враждебныя, которая могла бы охладить Москвичей къ ихъ родной и ветхой деньми маминькѣ. Ни весь адъ съ милліонами Наполеоновъ не въ состояніи этого сдѣлать. По сю пору Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучшій городъ въ Россіи. Топоръ стучитъ, кровли наводятся; цѣлые опустошенные переулки становятся попрежнему застроенными; улицы застановлены обозомъ съ лѣсомъ и матеріалами; народу тьма; нигдѣ нѣтъ проѣзду, а особливо въ теперешнее время - дѣятельность неизъяснимая!.. Возрожденный Англійскій клубъ противъ Страстного монастыря въ домѣ Бенкендорфа свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. «Благородное Собраніе?» (спроситъ Анисья Ѳедоровна, которая

[1]) Любецкій. «Русь и русскіе въ 1812 году», М. 1870.

всегда не изволила жаловать Англійскаго клуба). Благородное Собраніе, милостивая государыня, также надѣется воскреснуть и для того сбираетъ теперь съ г.г. членовъ деньги вдругъ за 2 годовыхъ билета. Хотите ли видѣть его въ настоящемъ его состояніи? Представьте старой, сожженный Петровскій театръ, но въ большей обширности; стѣны обгорѣлыя, безъ кровли; окна безъ стеколъ, задымленныя отъ исторгавшагося чрезъ нихъ пламени; трубы, на подобіе пирамидъ, возвышаются изъ средины зданія: свѣтится все насквозь. Между тѣмъ не думайте, чтобы домъ Благороднаго Собранія былъ пустъ. Совсѣмъ нѣтъ. — Онъ всегда наполненъ. Антре теперь составляетъ половину желѣзной лавки, гдѣ торгуютъ замками и прочимъ мелочнымъ товаромъ; а въ другой половинѣ съ пристройкой продается сбитень и калачи. Боже мой! Это тамъ, гдѣ прежде самыя стѣны умилялись отъ нѣжныхъ прощаній, отъ сладостныхъ обѣтовъ будущаго свиданія! Другой входъ замѣщенъ очень удобною блинницею; а тамъ, гдѣ былъ входъ въ контору, гдѣ часто удивлялся я уму и сановности старшины, почтеннаго Черткова, тамъ теперь представляются любопытному взору кадки съ капустой и нанизанные грибы гирляндами во славу именитаго общества старшинъ, и столики, обремененные мѣдными для размѣну деньгами; впрочемъ, каждой простѣнокъ и вдавившаяся стѣна занята или табачною лавочкою, или мастеромъ, дѣлающимъ на бочки обручи, или калашникомъ, или—въ выгодныхъ мѣстахъ даже и продавцомъ пряниковъ»[1]).

Изъ ополченій прежде другихъ пришло въ Москву—Владимірское съ генераломъ Спиридовымъ. За нимъ прибыли комендантъ Гессе и оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ съ полиціей и пожарнымъ обозомъ. Гр. Растопчинъ засталъ уже угасающее пожарище, по которому, однако, еще слонялись бродяги, расхищавшіе кладовыя, подвалы и другія потайныя мѣста съ запрятаннымъ въ нихъ обывательскимъ достояніемъ. Для прекращенія безпорядка имъ была издана «Крестьянамъ Московской губерніи» послѣдняя афиша:

«По возвращеніи моемъ въ Москву узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что таскали, что попадалось вамъ на пепелищѣ, еще вздумали грабить дома господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Ужъ многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Неужели вамъ хочется попасть въ бѣду? Славное вы дѣло сдѣлали, что не поддались Бонапарту, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а теперь бѣжитъ, не оглядываясь, и арміи его живой не приходитъ; покойниковъ французскихъ никто не привезетъ до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашняго вора. Вѣдь опять и капитанъ-исправники, и засѣдатели есть на мѣстѣ. Гей, ребята, живите смирно, да честно; а то дураки, забіячныя головы, кричатъ: батюшка, не будемъ!»

По приглашенію гр. Растопчина пріѣхалъ изъ Мурома преосвященный Августинъ, вступившій черезъ Боровицкія ворота въ Кремль. Успенскій соборъ былъ запертъ и опечатанъ до его прибытія. Въ стѣнахъ спа-

[1]) Письмо Мерзлякова къ Вельяминову-Зернову. «Русскій Архивъ», 1865, I.

ружи еще торчали вбитые въ нихъ брусья для коновязей. Владыка приказалъ отпереть сѣверныя двери. За нимъ вошли всѣ сопровождавшіе его, держа предъ собой зажженныя свѣчи. Мерцающіе огни освѣтили картину необычайнаго запустѣнія. Въ перебитыя отъ взрывовъ окна нанесло много снѣга. Полъ былъ покрытъ навозомъ, углемъ, стружками и лоскутьями одеждъ. Посреди стояли вытащенныя изъ Оружейной палаты статуи. Съ иконостаса содрано серебро. Ризница разбросана. Надъ гробницами митрополитовъ были устроены стойла для лошадей. На алтарѣ валялись игральныя карты, и были видны не совсѣмъ просохшіе потоки вина. Архангельскій — былъ заваленъ бочками и разной рухлядью. Благовѣщенскій и другіе оказались совершенно опустошенными. Въ Вознесенскомъ монастырѣ было найдено 7 хлѣбныхъ печей. У подошвы Ивана Великаго лежали 2 огромныхъ сорвавшихся во время погрома колокола.

Тѣмъ временемъ изъ Казани возвратился въ Москву Сенатъ, изъ Владиміра—Канцелярія гражданскаго губернатора, изъ Нижняго—Губернское правленіе и Архивъ иностранныхъ дѣлъ.

Возобновился выходъ «Московскихъ Вѣдомостей».

По рапорту, поданному оберъ-полиціймейстеромъ Ивашкинымъ гр. Растопчину за полгода до непріятельскаго нашествія, въ Москвѣ было 270.000 жителей. Матеріальный ущербъ населенія, понесенный имъ отъ превращенія города во вражескій станъ, не могъ не быть огромнымъ, даже если считать обывательскую расцѣнку убытковъ преднамѣренно вздутой. Оптовая торговля Москвы сосредоточивалась, какъ и теперь, въ Китай-городѣ. Тамъ въ старинныхъ амбарахъ, лабазахъ и палаткахъ хранился всевозможный товаръ. Пожаръ и грабежъ истребили все. Въ архивѣ упраздненной «Управы Благочинія» находится масса заявленій и ходатайствъ какъ объ отысканіи похищеннаго имущества, такъ и о вознагражденіи за погибшее въ огнѣ. Купецъ Петръ Ивановъ Кожевниковъ—чай, сахаръ и лавки—опредѣляетъ свои убытки въ 1.524.800 рублей. Андрей Андреевъ Ценкеръ—колоніальные и москательные склады—787.000. Братья Викула и Андрей Петровы Шестовы—чай, сахаръ и дома — 770.000. Дмитрій и Петръ Кононовы Боткины—чай и китайскія матеріи — 402.600. Андрей Сидоровъ Корзинкинъ—чай, сахаръ, кофе, перецъ, гвоздика, лавки и дома—388.500. Иванъ Богдановъ Гиппіусъ — комиссіонная прядильная бумага Рижской фабрики—376.900. «Нѣжинскіе греки» братья Пачимадо и Приховина—провансское масло и сандалъ—266.700. Егоръ Матвѣевъ Матвѣевъ—шерсть и сукна — 230.200. Анастасій Юрьевъ Скинда — вина — 213.200. Алексѣй Ильичъ Девятовъ—мѣха—93.600.

Изъ дворянскихъ семей кн. Засѣкина пострадала на 100.000, гр. Толстой—на 200.000 и гр. Головкинъ—на 650.000. Мѣсто секретной кладовой, гдѣ у него были замуравлены драгоцѣнности, указала грабителямъ оставленная имъ прислуга.

У гр. Бутурлина вмѣстѣ съ картинной галлереей погибла во время пожара замѣчательная библіотека изъ 40.000 томовъ, составлявшаяся втеченіе 20 лѣтъ и цѣнившаяся въ 1.000.000 рублей.

Лишился своего книгохранилища и писатель Карамзинъ.

Особенную потерю понесъ Университетъ, кромѣ библіотеки потерявшій почти всѣ свои драгоцѣнныя научныя коллекціи.

Единственное на всей Тверской зданіе, и сейчасъ еще сохраняющее фамилію его владѣльца до вступленія Наполеона, это—домъ гр. Олсуфьева, что на углу Леонтьевскаго переулка. Въ то время при немъ была усадьба, простиравшаяся до храма Николы въ Гнѣздникахъ. Въ саду помѣщались различныя хозяйственныя строенія, и въ кузницѣ подъ горномъ были зарыты всѣ фамильныя драгоцѣнности. Служитель выдалъ эту тайну мародерамъ, и все было расхищено.

Оффиціальный отчетъ опредѣлилъ сумму всѣхъ убытковъ въ 320.000.000 рублей.

Распорядительный комитетъ возвращалъ найденное тѣмъ, кто основательно претендовалъ на это, но нѣкоторые члены этого учрежденія были уличены въ присвоеніи чужого добра. Среди нихъ оказалась жена оберъ-полицеймейстера Ивашкина, которая, по свидѣтельству гр. Растопчина, отличалась большой алчностью.

«Когда по уходѣ непріятелей изъ Москвы составлялся инвентарь похищеннаго, розысканнаго и доставленнаго имущества, на которое не поступало претензій, она неизмѣнно присутствовала при этомъ и, отбирая то, что приходилось ей по вкусу, обращалась къ своему супругу: «Можно, голубчикъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Можно, голубушка, можно!»

Впрочемъ, и самъ обличитель былъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ безупреченъ:

«Такъ какъ мы лишились всего»,—извѣщалъ секретарь гр. Растопчина свою жену,—«то онъ объявилъ намъ, что мы вправѣ взять изъ магазина Шальме все, что только намъ заблагоразсудится. Предлагаетъ тебѣ и seconde maman лучшіе 2 чайные сервиза, для seconde maman — запасъ французскаго табаку, для тебя духовъ, помады и все, что мнѣ вздумается. Для самого себя возьметъ столовый сервизъ, такъ какъ его собственный похищенъ. Приложены печати, приставленъ караулъ, опись составлена, такъ что Ивашкина ошибется въ своихъ расчетахъ: развѣ ея мужъ захватитъ какую-нибудь другую лавку»... [1])

Несмотря на усиленный притокъ населенія, внѣшнее возрожденіе Москвы подвигалось туго. Въ 1813 году Государю былъ представленъ планъ гр. Растопчина «для урегулированія нѣкоторыхъ частей столичнаго города». Проектъ былъ утвержденъ только въ 1816 году при генералъ-губернаторѣ Тормасовѣ. На производство работъ было отпущено 9 милліоновъ рублей, наряжено 4 полка и 2 піонерныя роты и приказано сформировать 2 рабочихъ батальона.

«Эта красавица»,—писали о Москвѣ въ 1817 году,—«послѣ тяжкой болѣзни, съ блѣдными ланитами, съ небрежными волосами, съ едва выступающимъ румянцемъ; она еще немоществуетъ, но врачи обѣщаютъ ей скорое и лучшее прежняго здравіе» [2]).

---

1) Письмо А. Я. Булгакова къ Н. В. Булгаковой. «Русскій Архивъ», 1866, III.

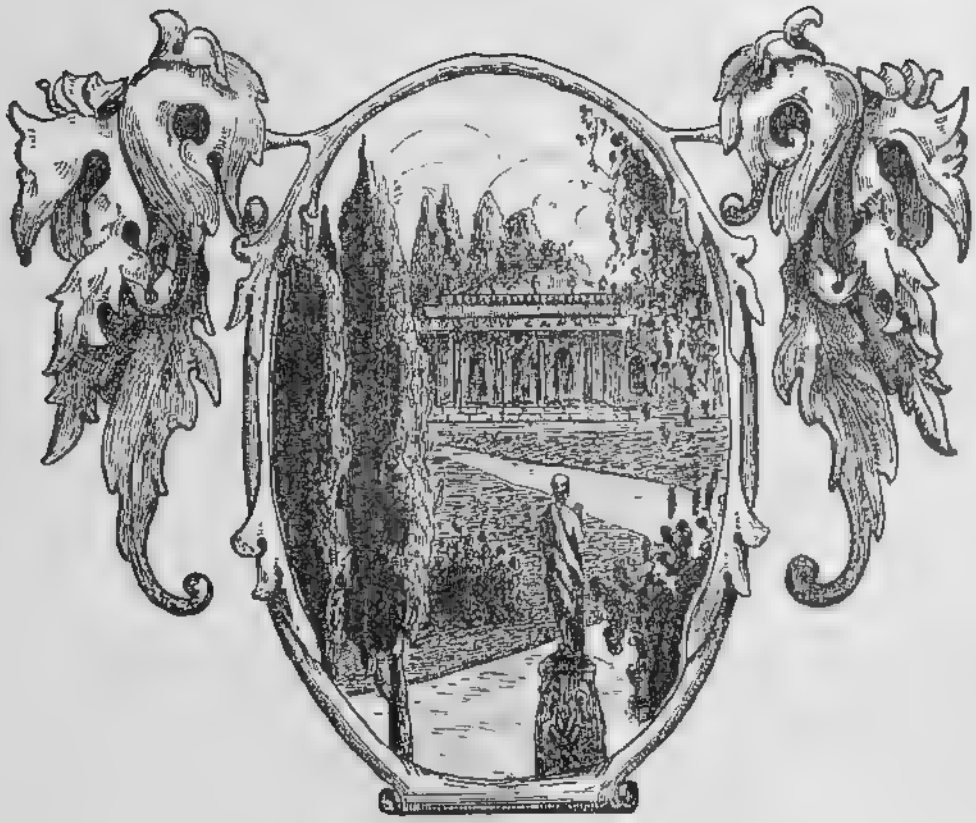
2) «Духъ журналовъ», 1817.

Въ 1819 году обгорѣлыхъ и совершенно неотремонтированныхъ домовъ было болѣе 300.

Даже въ 1826 году по случаю коронаціи Николая I велась административная переписка о приведеніи многихъ изъ нихъ въ благообразный видъ.

Такіе дома существовали вплоть до начала 70-хъ годовъ. Долѣе всѣхъ были видны руины на Тверской въ домахъ Гурьева (теперь—Сазикова и Спиридонова), на Воздвиженкѣ, гдѣ зіялъ занятый сейчасъ палаццо Морозовой огромный пустырь кн. Долгорукихъ и на Пречистенкѣ—въ домѣ Всеволожскаго, нынѣ—Военнаго вѣдомства.

Когда «года минули», и «страсти улеглись», промелькнула тѣнь юнаго мученика, потрясающая смерть котораго почти безслѣдно утонула въ общемъ круговоротѣ событій. Въ бытность свою въ Москвѣ Александръ I вызвалъ къ себѣ отца несчастнаго Верещагина, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, пожаловалъ ему самый драгоцѣнный изъ находившихся при немъ перстней и приказалъ выдать 20.000 рублей. Мѣшковъ былъ прощенъ. Почтъ-директоръ Ключаревъ — возвращенъ изъ Воронежа, куда его сослалъ гр. Растопчинъ, произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ...



ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ВЫПУСКА.

Стр.

Ю. П. ШамуринЪ. Допожарная Москва и подмосковныя . . . 3

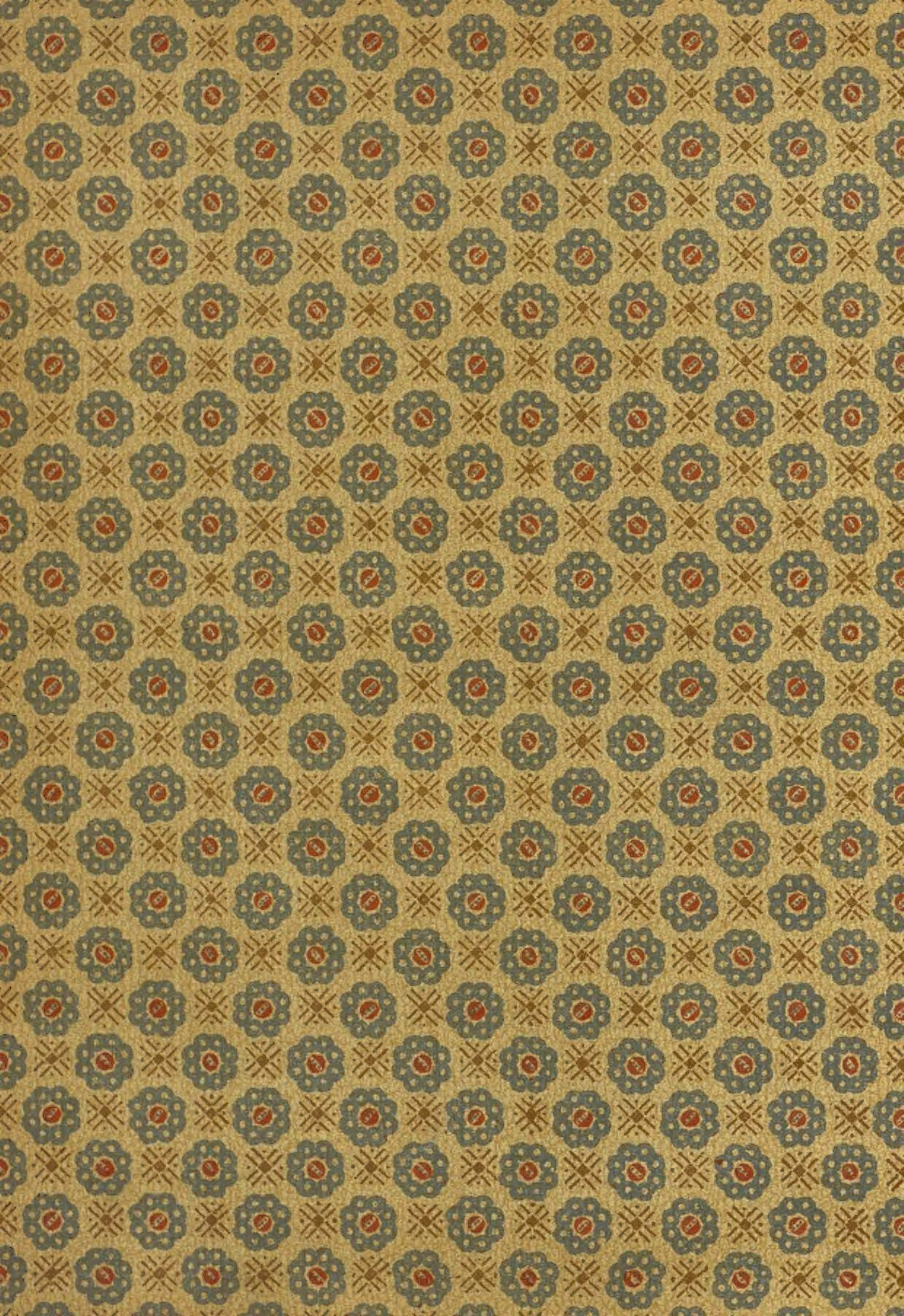
Ѳ. Г. МускатблитЪ. Москва въ 1812 году 51

СПИСОКЪ ГРАВЮРЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ДЕВЯТОМЪ ВЫПУСКѢ.

1. Моды XIX вѣка. Портретъ работы Боровиковскаго.
2. Московскія моды начала XIX вѣка. Съ маслянаго портрета.
3. Московскія моды начала XIX вѣка. Съ маслянаго портрета.
4. Моды начала XIX вѣка въ Москвѣ. Съ масляной картины.
5. Моды XIX вѣка. Портретъ работы Боровиковскаго.
6. М. А. Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская.
7. Домъ въ паркѣ А. Г. Найденовой въ Москвѣ.
8. Зданіе Николаевскаго Института.
9. Опекунскій совѣтъ. Построенъ въ 1823—1825 г.г. извѣстнымъ архитекторомъ Доменико Джилярди. Барельефный фризъ И. П. Витали.
10. Ворота и часть дома графа О. В. Растопчина; находится на Б. Лубянкѣ. Построенъ извѣстнымъ архитекторомъ Растрелли.
11. Серебро кн. Долгорукихъ.
12. Сборъ вишенъ въ помѣщичьемъ саду. Съ картины И. И. Соколова.
13. Барское помѣстье гр. Паниныхъ «Марьино».
14. Домъ гр. С. Д. Шереметева въ Кусковѣ.
15. Памятникъ Екатерины II и главный входъ оранжереи.
16. «Кузьминки», подмосковная кн. С. М. Голицына.—Конный дворъ.
17. Боковой флигель въ «Останкинѣ».
18. Роспись потолковъ въ подмосковной кн. Барятинскихъ.
19. Наполеонъ направляется изъ Кремля въ Петровскій дворецъ.
20. Въ Московскомъ Кремлѣ въ 1812 году. Изъ собранія Д. А. Ровинскаго.
21. Пожаръ Московскаго Кремля въ 1812 году Изъ собранія Д. А. Ровинскаго.
22. Костюмы 1825 года.
23. Костюмы 1825 года.
24. Вѣера XVIII и XIX вѣковъ. Изъ собранія Всеволожскаго.

Негативы сдѣланы собственной фотографіей Т-ва "ОБРАЗОВАНІЕ„

Воспроизведеніе ВОСПРЕЩАЕТСЯ и будетъ преслѣдоваться.

Клише изготовлены и печатаны художественной мастерской фототинто Т-ва "ОБРАЗОВАНІЕ„ въ Москвѣ.

№ 9.